

ISSN 2587-9340

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC-PRACTICAL
LEGAL JOURNAL

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

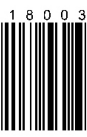
Том 2

№ 7

2018

CURRENT
ISSUES
OF THE STATE
AND LAW

ISSN 2587-9340

9 772587 934009 >

Том 2. № 7. 2018

Научно-практический
юридический журнал
Основан в феврале 2017 г.
Выходит 4 раза в год

Vol. 2, no. 7, 2018

Scientific-practical
legal journal
Established in February, 2017
Issued 4 times a year

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина»
(392000, Тамбовская обл.,
г. Тамбов, ул. Интернациональная,
д. 33)

The establisher and publisher:
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Tambov State University named
after G.R. Derzhavin”
(33 Internatsionalnaya St.,
Tambov 392000, Tambov Region)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина», 2018.
Все права защищены
© Редакционная коллегия журнала «Актуаль-
ные проблемы государства и права», 2018
© Редакция журнала «Актуальные проблемы
государства и права», 2018
При перепечатке, а также при цитировании
материалов ссылка на журнал обязательна.
Ответственность за содержание публикаций
несет автор.

© FSBEI of HE “Tambov State University named
after G.R. Derzhavin”, 2018. All rights reserved
© Editorial board of the journal “Current Issues of
the State and Law”, 2018
© Editorial of the journal “Current Issues of the
State and Law”, 2018
The reference is obligatory while reprinting and
citation of materials.
The responsibility for the content rests for the
author

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: к.ю.н. В.Ю. Стромов (г. Тамбов, РФ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

к.ю.н., доцент В.А. Шуняева (зам. гл. редактора) (г. Тамбов, РФ), к.ю.н. Р.В. Зелепукин (отв. секретарь) (г. Тамбов, РФ), к.ю.н. М.В. Андрияшко (г. Барановичи, Республика Беларусь), д.ю.н., профессор С.Ф. Афанасьев (г. Саратов, РФ), к.ю.н., доцент А.Г. Дейнеко (г. Москва, РФ), к.ю.н., доцент Н.С. Ельцов (г. Тамбов, РФ), к.ю.н., доцент А.В. Захаров (г. Тамбов, РФ), к.ю.н., доцент А.Д. Золотухин (г. Тамбов, РФ), доктор права А. Илиевски (г. Свети-Николе, Республика Македония), к.ю.н., доцент С.Е. Каиржанова (г. Астана, Республика Казахстан), д.ю.н., профессор Т.М. Клименко (г. Тамбов, РФ), д.ю.н., профессор С.А. Комаров (г. Москва, РФ), к.ю.н., доцент А.В. Кочетков (г. Воронеж, РФ), д.ю.н., доцент И.Б. Лагутин (г. Курск, РФ), д.ю.н., профессор Н.А. Лопашенко (г. Саратов, РФ), к.ю.н., доцент В.В. Лосев (г. Минск, Республика Беларусь), д.ю.н., доцент Р.Б. Осокин (г. Москва, РФ), д.ю.н., профессор К.К. Панько (г. Воронеж, РФ), д.ю.н., профессор В.П. Ревин (г. Тамбов, РФ), д.ю.н., доцент С.В. Рыбакова (г. Тамбов, РФ), д.и.н., профессор В.В. Соловьёва (г. Липецк, РФ), к.ю.н., доцент В.И. Торговченков (г. Тамбов, РФ), д.ю.н., доцент В.В. Трофимов (г. Тамбов, РФ).

EDITOR-IN-CHIEF: Candidate of Jurisprudence V.Y. Stromov (Tambov, RF).

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Candidate of Jurisprudence, Associate Professor V.A. Shunyaeva (Deputy Editor-in-Chief) (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence R.V. Zelepukin (Executive Editor) (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence M.V. Andriyashko (Baranavichy, the Republic of Belarus), Doctor of Jurisprudence, Professor S.F. Afanasev (Saratov, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.G. Deyneko (Moscow, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor N.S. Eltsov (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.V. Zakharov (Tambov, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.D. Zolotukhin (Tambov, RF), Doctor of Law A. Ilievski (Sveti Nikole, the Republic of Macedonia), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor S.E. Kairzhanova (Astana, the Republic of Kazakhstan), Doctor of Jurisprudence, Professor T.M. Klimenko (Tambov, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor S.A. Komarov (Moscow, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor A.V. Kochetkov (Voronezh, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor I.B. Lagutin (Kursk, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor N.A. Lopashenko (Saratov, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor V.V. Losev (Minsk, the Republic of Belarus), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor R.B. Osookin (Moscow, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor K.K. Panko (Voronezh, RF), Doctor of Jurisprudence, Professor V.P. Revin (Tambov, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor S.V. Rybakova (Tambov, RF), Doctor of History, Professor V.V. Solovyeva (Lipetsk, RF), Candidate of Jurisprudence, Associate Professor V.I. Torgovchenkov (Tambov, RF), Doctor of Jurisprudence, Associate Professor V.V. Trofimov (Tambov, RF).

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Дорофеева Е.С., Чекмарева А.В.</i> Политико-правовые аспекты государственного регулирования межнациональных отношений	5
<i>Белянская О.В.</i> Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники	23
<i>Канина Ю.С.</i> Инновация и инновационная деятельность: теоретико-правовой анализ сущности и содержания	35

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Пантюхина И.В.</i> Вопросы регламентации отдельных признаков преступлений, предусмотренных статьями 110–110.2 УК РФ, и наказания за их совершение	45
<i>Ларина Л.Ю.</i> Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение требований транспортной безопасности	58
<i>Горюнова Т.А.</i> Проблемы возмещения ущерба, причиненного земельными правонарушениями	69

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Моисеева О.В.</i> Стадии правореализационного процесса как обеспечение эффективности деятельности нотариата по защите прав и законных интересов	78
--	----

CONTENTS

GENERAL THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

<i>Dorofeyeva E.S., Chekmareva A.V.</i> Political and legal aspects of state regulation of interethnic relations	5
<i>Belyanskaya O.V.</i> Regulatory acts language and style as a legal technique element	23
<i>Kanina Y.S.</i> Innovation and innovative activity: theoretical and legal essence and content analysis	35

SUBSTANTIVE LAW

<i>Pantyukhina I.V.</i> The issues of separate signs regulation of the crimes provided by articles 110–110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and punishment for committing them	45
<i>Larina L.Y.</i> Problems of legal regulation of criminal responsibility for transport security requirements violation	58
<i>Goryunova T.A.</i> Problems of compensation of damage caused by land offense	69

PROCEDURAL LAW

<i>Moiseyeva O.V.</i> Stages of right realization process as obtaining the effectiveness of rights and legal interests defending activities of the notaryship	78
---	----

<i>Потапов С.А.</i> Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	94
<i>Золотухин А.Д., Киселев А.С.</i> Электронное правительство как новый процессуальный способ диалога государства и гражданского общества	106
<i>Салманидина А.С.</i> Проблемы реализации и перспективы развития принципа раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве ...	116

ПРАВО В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

<i>Лебедев И.Б., Султанова А.М.</i> Психологические особенности исследования интуиции у сотрудников полиции	125
---	-----

ОБЗОР ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

<i>Садохина Н.Е.</i> Определение конституционной ответственности как вида юридической ответственности: к постановке проблемы	133
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ

Правила для авторов	141
---------------------------	-----

<i>Potapov S.A.</i> Specifics of the forensic examinations commissioning in the investigation of crimes related to illicit drug turnover	94
<i>Zolotukhin A.D., Kiselev A.S.</i> E-government as a new procedural way of dialogue between the state and civil society	106
<i>Salmanidina A.S.</i> Problems of realization and the prospects of the proofs disclosure principle development in civil legal procedure ...	116

LAW IN THE SOCIAL SCIENCES SYSTEM

<i>Lebedev I.B., Sultanova A.M.</i> Psychological peculiarities of police officers intuition study	125
--	-----

REVIEW OF LEGISLATIVE AND LAW-ENFORCEMENT PRACTICE

<i>Sadokhina N.E.</i> Constitutional responsibility determination as a legal responsibility type: on the issue statement	133
--	-----

INFORMATION

Regulations for contributors	141
------------------------------------	-----

© Дорофеева Е.С., Чекмарева А.В., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-5-22

УДК 342.716.9

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е.С. Дорофеева, А.В. Чекмарева

Саратовская государственная юридическая академия

410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1

E-mail: Anastasiya-chekmareva@yandex.ru

Аннотация. Актуальность политико-правового регулирования межнациональных отношений состоит, прежде всего, в формировании новой модели современного многонационального государства и преодолении вызовов как внутреннего, так и международного характера. Внутренние вызовы связаны с сепаратистскими устремлениями национальных образований, историческими факторами, территориальной и этнонациональной подчиненностью центру, возрождением культурной самобытности народов, бюрократизацией этнических лидеров в национальных республиках. Среди внешних вызовов наиболее значимыми являются факты терроризма и глобализации, искажение исторических фактов прошлого в бывших советских республиках. Целью данного исследования является определение меры взаимодействия политики и права по развитию этносов в поликультурном сообществе, выявление исторических разломов, формирование баланса между двумя субстанциями, определение наиболее значимых правовых и политических регуляторов межэтнических отношений на примерах России и Зарубежья. В ходе работы использовались следующие методы: анализа, синтеза, сравнительный, исторический, цивилизационный. Доказано, что политика и право играют ключевую роль в регулировании межнациональных отношений. Однако в исторических разломах первенство занимает политика, и именно она предопределяет формирование правовой системы. Проанализирован опыт России и Зарубежья по выявлению форм и методов в регулировании межнациональных отношений политико-правовыми средствами. Доказано, что российский опыт межнационального общения дает возможность его использования не только в России, но и других странах, особенно в связи с наплывом в них беженцев и мигрантов. Выводы о необходимости баланса политики и права, необходимости формирования информационной базы об историческом прошлом, об использовании национально-культурных автономий для реализации развития этносов, о совершенствовании деятельности агентства по делам национальностей могут иметь практическое значение.

Ключевые слова: право; политика; межнациональные отношения; сепаратизм; национальная автономия; государственное регулирование; глобализация; нация; этнос; суверенитет

Процессы глобализации вызвали в современном мире ренессанс этничности. Структурную деформацию претерпели институты, регулирующие поведение людей в рамках этнических сообществ, семье, религиозной и политической сферах.

В политологической литературе встречаются различные оценки этногенезисных процессов. Одни считают, что государственные институты не справляются с растущим стремлением этносов к самоопределению. Другие ратуют за ослабление государственного контроля над процессами этногенеза, мотивируя свою позицию тем, что происходит естественный процесс становления «гражданских наций» и отмирания этничности. Третьи призывают стимулировать этногенез, поддерживать этнорелигиозные и национальные движения.

Научные разработки позволяют судить о разнообразии вызовов этнополитики в современном мире.

1. *Вызов идентичности.* В условиях глобализации и модернизации она размывается. Как достаточно образно выразилась С.Н. Кузина, профессор, доктор политических наук, «идентичность, как социальный феномен, похожа на вложенные друг в друга по матрешечному принципу идентичности. Самой близкой общностью, с которой человек себя отождествляет, является семья (семейная идентичность) <...> Далее следуют социально-профессиональная, национальная (гражданские) и цивилизационная идентичности» [1, с. 137].

После распада СССР произошла атомизация людей в новых локальных сообществах. В 2013 г. по заказу международного дискуссионного клуба «Валдай» был проведен опрос на тему: «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы». Было опрошено 1,6 тыс. человек от 18 лет из 45 регионов России и 137 населенных пунктов, а также 4 фокус-группы. По результатам опросов более 50 % респондентов идентифицировали себя как граждане России, 35 % – как жители своего города или села, 8 % отождествляли себя со своей профессией. Почти половина россиян считают русскими украинцев и белорусов, а чеченцев и дагестанцев русскими готовы считать только 7 %. Крым отметили 56 % как российскую территорию, но не считают таковым Дагестан (54 %) и Чечню (51 %) [1, с. 138].

Этническая идентичность в современных условиях стала мощным фактором политического влияния.

2. В последнее время Европа признала *провал политики мультикультурализма*, и это своеобразным эхом отозвалось в России.

Мультикультурализм – это политическая идеология, согласно которой мир, как поликультурный, должен меняться. Западные политики стремились создать своеобразный компромисс с новыми опасными проявлениями групповой идентичности путем сокрытия истинных причин социальных конфликтов и противоречий. Отмечая суть данного явления, Б. Кагарлицкий пишет, что «цель политики состояла в том, чтобы, поощряя культурную отсталость в форме «национальных традиций» и «самобытности», сделать новоприезжих неспособными к полноценной интеграции в западное общество, обрекая их на роль изгоя, неквалифицированных рабочих, уличных торговцев, в лучшем случае – мелких лавочников, не допуская их присутствия в профсоюзах, политике, интеллектуальной жизни» [2]. Ответом на эту политику стал взрыв национализма, терроризма и религиозных волнений. Актуализировались такие групповые различия, как гражданство и построение наций, мусульманские и иудейские способы забоя скота, ношение мусульманских хиджабов и платков, отказ сикхов снимать тюрбан в ходе принесения присяги в суде, требование индусов разрешать кремировать их покойников и рассеивать пепел над рекой, запрет в исламе на изображение пророка Мухаммеда (тем более, в оскорбительном контексте) и мн. др.

3. Серьезный вызов представляет собой *смешение этнического и национального*. Этническая и национальная идентификации – это параллельные, хотя иногда и вступающие в конфликт состояния социального функционирования. Их различие заключается, прежде всего, в механизмах воспроизводства. Этнос воспроизводится в образе жизни, связан с рождением человека, его семьей, религией, ближним окружением.

Воспроизводство нации происходит на основе политических механизмов. Данное взаимодействие охватывает не только индивида, но и этнические группы с институтами государства, формирующими вхождение их во власть с целью решения определенных национальных интересов. Ответ России на европейский опыт мультикультурализма состоит в том, чтобы пресекать проявления национализма, ксенофобии и расизма.

4. Существенную угрозу межнациональным отношениям представляет *интернационализация вооруженных формирований*, а также терроризм. Запад рассматривает Россию в качестве «младшего партне-

ра» в борьбе против исламского мира и набирающего силу Китая. В этой связи весьма показательным является заявление З. Бжезинского о том, что «новый мировой порядок при гегемонии США создается против России, за счет России и на обломках России» [3, с. 127].

Для ведения диверсионной войны на юге России в Украине создаются интернациональные вооруженные формирования: крымско-татарский батальон «Крым», чеченский батальон имени Д. Дудаева, грузинские вооруженные формирования.

5. *Дезинформация, искажение фактов* также являются серьезным вызовом современности, поскольку формируют у населения и, прежде всего, молодежи искаженное сознание. Ярким примером такого искажения является политическое решение 1992 г. в Латвии «О латышских легионерах во Второй мировой войне», цель которого состоит в «замалчивании» фактов участия легионеров в карательных операциях против мирного населения и насаждение русофобных настроений¹.

Главными критериями в обеспечении единства и безопасности страны являются политико-правовые аспекты государственного регулирования. Умелое их использование, сохранение баланса, опора на культурные ценности, способность к взаимодействию являются необходимой основой для мира и процветания народов.

В юридической литературе, как правило, широко распространено значение прав человека как основы общества. Однако имеют место и другие подходы. Так, А. Макинтайр утверждал, что не существует таких прав, а вера в них того же рода, как вера в ведьм и единорогов².

Проблема прав человека появилась в глубокой древности и имеет природно-естественное начало. Вместе с тем права человека являются продуктом исторического развития и имеют определенные вехи, отраженные в международных актах. Среди них – Великая хартия Вольности (1215); Вирджинский билль о правах (1776), закрепивший право человека на жизнь, свободу и собственность; Декларация прав человека и гражданина (1789) (на ее основе в первой трети XIX века в Европе было принято 70 конституций).

В моделях реализации прав человека находит свое отражение политическая основа:

1) либеральная (обеспечение свобод на основе частной собственности);

---

¹ Правда. 2018. 28–29 авг.

² Правоведение. 2011. № 4. С. 29.

2) марксистская, или социалистическая (человек опекается государством, обеспечен самым необходимым, но ограничен в свободе мнений и действий).

В настоящее время всеобщие права человека регламентируются тремя основными международными актами:

- 1) Всеобщей Декларацией прав человека (1948);
- 2) Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (1966);
- 3) Международным пактом о гражданских и политических правах (1966).

Эти документы ратифицированы большинством государств мира, что придает им характер международного закона.

Основные принципы, заложенные в этих документах:

- 1) равенство всех людей, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений и социального происхождения, имущественного или сословного происхождения;
- 2) государство существует, чтобы служить людям;
- 3) запрещается рабство, работорговля;
- 4) запрещается вмешательство в личную жизнь;
- 5) сохраняется неприкосновенность личности и имущества;
- 6) сохраняется тайна переписки, свобода передвижения.

Названные принципы нашли свое отражение в конституциях целого ряда стран, в том числе и в России. Однако в международной жизни и в национально-государственном плане они не всегда соблюдаются. Чтобы право работало, необходимо его соотношение с политикой.

Особое влияние на развитие межнациональных отношений оказывает политика. Так, в политической жизни Центральной Азии уже в советское (и постсоветское) время значительную роль играли, прежде всего, территориальные кланы. В Таджикистане это ходжентский (ленинабадский), кулябский, курган-тюбинский, гармский и памирский (горно-бадахшанский) кланы, ожесточенная борьба между которыми стала основной причиной вспыхнувшей в республике кровопролитной гражданской войны, в Киргизии – группировка южных (Ош и Джалал-Абад), северных (Нарын, Талас) и других кланов. Территориальные кланы Казахстана и Туркмении восходят к традиционной родоплеменной структуре коренного населения; в Казахстане – к Старшему, Среднему и Младшему жузам, в Туркмении – к крупнейшим племенам (теке и иомам, а также гокленам, ходжа, эрсары и др.).

Борьба между кланами советской бюрократической буржуазии за привилегии, высшие государственные посты, власть и влияние часто принимала крайние, экстремальные формы. Для реализации эгоистических целей нередко провоцировались этнонациональные конфликты, искусственно создавались экономические трудности и политическая напряженность. Сказанное относится, например, к кровавым столкновениям, которые происходили в Ферганской долине, Оше и многих других районах Центральной Азии и Закавказья, а также в Чечне.

Развитие националистических настроений, наметившееся в союзных республиках СССР и в национально-территориальных образованиях Российской Федерации в 1970-е и нараставшее в 1980-е гг., было обусловлено, в первую очередь, обострением противоречий между этнонациональными и территориальными группировками и кланами советской бюрократической системы. Лидеры этих группировок и кланов для укрепления своих позиций на местах, а также получения поддержки коренного населения разжигали националистические настроения.

Так, например, 26 мая 1989 г. в Грузии, по решению ЦК Коммунистической партии Республики, впервые как национальный праздник отмечалась 71-я годовщина «Восстановления грузинской национальной государственности». Авторы этого решения не смутило, что именно в этот день (71 год назад) – 26 мая 1918 г. Грузия была оккупирована турецкими и немецкими войсками. Выполняя указания оккупантов, так называемое правительство Грузинской демократической республики заключило соглашение с Турцией о передаче ей Батуми, Ахалкалаки, Ахалцихе и других грузинских территорий. Немецким оккупантам это правительство передало контроль над банками, железными дорогами и телеграфом, а также передало на 60 лет Потю и на 30 лет Чиатуру.

Примером соперничества территориальных кланов советской бюрократии, облаченного в псевдо-националистические одежды, могут служить события в Горно-Алтайской автономной области, где русских 63,2 % всего населения. Руководство области, стремясь упрочить собственные позиции, в октябре 1990 г. провозгласило область республикой, а в мае 1992 г. приняло решение называть ее Республикой Алтай. Весной 1992 г. власти Корякского автономного округа (где русских вместе с украинцами 70,2 % всего населения, а коряки составляют только 16,2 %) приняли решение об его отделении от Камчатской области и создании Корякской автономной республики, что, по-видимому, вызвано стремлением местных властей округа (население кото-

рого не превышает 40 тысяч человек) прибрать к рукам имеющиеся на его территории богатые запасы рудного золота.

В числе мер политического характера были попытки вывести из состава Архангельской области Ненецкий автономный округ; выделить в национальные республики: Еврейскую автономную область, Чукотский округ и Нанайский район; превратить Красноярский край в Енисейскую республику; Архангельскую область – в Поморскую республику, а Кузбасс – в автономную область; создать Дальневосточную республику из Читинской области и Приморского края; образовать на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока Северо-Азиатские Соединенные Штаты; образовать Сибирскую республику из 19 краев, областей и национально-территориальных образований (расположенных к востоку от Урала), а также Вологодскую и Уральскую республики и Северотихоокеанскую федеративную республику.

Партии и общественные организации стремились обосновать требования создания названных территориальных образований. Это Ассоциация «Сибирское соглашение», «Северотихоокеанский форум», «Дальневосточная республиканская партия» и даже «Партия независимости Сибири».

В 1990-е гг., опираясь на силу и потенциал этничности, элиты бывших союзных республик сумели достигнуть полной государственной независимости (Украина, Грузия, страны Прибалтики и др.) и выйти из России. Автономные республики РСФСР развивались с 1991 г. в рамках активной регионализации внутри обновленной Российской Федерации, которая шла в эти годы под знаменем «федерализации» и «суверенизации» национально-территориальных образований.

Этот крайне сложный и противоречивый процесс везде шел по-разному, приобретая местами драматический характер. Авангардом же «движения за суверенитет» среди автономных республик в 1990-е гг. стали Чечня, Республика Татарстан и Башкортостан, уровень политической самостоятельности которых также определялся, с точки зрения федерального центра, потенциальной угрозой со стороны этничности. В условиях социальной нестабильности 1990-х гг. региональные властные элиты умело использовали потенциал национальных движений в ходе политического торга с федеральным центром. Установившиеся в них крайне специфичные авторитарные режимы развивались в парадигме государственного и национально-культурного самоопределения, содержащего в себе и определенную потенцию сепаратизма, однако,

нигде кроме Чечни, даже возможность выхода из состава России региональными элитами всерьез не рассматривалась.

Ситуация постепенно изменилась с началом президентства В.В. Путина и инициированной им политики «укрепления вертикали власти». В ходе запущенного федеральным центром процесса политической и государственно-правовой унификации на данный момент фактически все постсоветские режимы, возникшие в 90-х гг., оказались ликвидированы.

В ходе реформирования начала XXI века произошло некоторое повторение советского опыта первенства политики над правом.

В условиях становления советской власти первенство политики над правом сохраняется вплоть до 1922 г., образования СССР.

Однако правовые нормы были приближены к политике, о чем свидетельствуют многие Декреты советской власти. Вместе с тем, если в советское время одним из важнейших регуляторов общественного развития являлась идеология, то начало XXI века – это продолжение политики деидеологизации. Тем не менее в выступлениях В.В. Путина все чаще проявляются идеологические концепты: «величие России», «русский народ», «культурный код» и другое, что свидетельствует о понимании интегрирующей роли идеологии.

Одним из важнейших аспектов политического регулирования межнациональных отношений является наличие идеи нации и национальной идеи. Существенное различие идеи нации и национальной идеи в том, что в их содержании отражены представления о взаимосвязанных, но ограниченных разными факторами исторического времени векторах развития нации. Если идея нации включает в себя осмысление настоящего через прошлое, следствие реализовавшихся в жизни данного народа разных исторических условий и факторов, определивших контуры его судьбы, то национальная идея – это понимание будущего через прошлое и настоящее. В этой связи важное место в ней занимают размышления о смысле бытия народа в перспективе.

Идея нации и национальная идея представляются как различные по масштабности уровни самоидентификации индивидуального и коллективного национального самосознания. Приоритетное значение в идее нации имеет осознание единства, суверенности нации, органично связанное с отношением к понятиям «родина» и «отечество».

Наряду с политическими аспектами регулирования межнациональных отношений важную роль играют правовые аспекты, закрепляющие избранный политический курс.

Так, противостояние политики и права в межнациональных отношениях характерно в основном для критических и переломных моментов истории, когда правовые рычаги перестают действовать и политическая система начинает разрушаться. Так было в 1917 г. и в 90-е гг.

Еще до 1917 г. В.И. Ленин был сторонником федерации. В своей статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.) он писал, что это будет «форма объединения и свободы наций» [4, с. 315]. Политическая подоплека данной позиции состояла в том, что это должен быть государственный социалистический союз.

Вслед за «Декларацией прав народов России» (2 ноября 1917 г.) и особым обращением правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» (декабрь 1917 г.) новая власть пошла в сентябре 1920 г. на созыв в Баку I Съезда народов Востока. В вышеназванном обращении от лица революционной власти верования, обычаи, национальные и культурные учреждения народов Поволжья и Крыма, Сибири и Туркестана, Кавказа и Закавказья объявлялись свободными и неприкосновенными. Права трудящихся мусульман, как и всех народов многонациональной страны, говорилось в обращении, «охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Так формировались приоритеты политики перед правом.

Актом доброй воли явилось постановление советского правительства о возвращении реквизированных в свое время царизмом национальных реликвий. Советская власть провозгласила политику уважения к народным традициям.

6 декабря 1917 г. В.И. Ленин отдал распоряжение о выдаче «священного Корана Османа» Краевому мусульманскому съезду Петроградского национального округа.

Советское правительство учредило специальный орган, регулирующий национальные отношения, – Народный комиссариат по делам национальностей, который возглавил И.В. Сталин.

В 1920-е – начале 30-х гг. был создан механизм управления национальными процессами. Формировались национальные секции, отделы, комиссии, секторы и институт изучения национальных проблем. Появились специализированные издательства, библиотеки, клубы национальных меньшинств. Издавались журналы: «Жизнь национальностей», «Революция и национальности», к политике приобщались национальные районы и советы. Первенство политики проявлялось и в том, что она определила вектор правового оформления Союза и его

культурной основы. Создание в 1922 г. СССР завершило противостояние политики и права, политико-правовые отношения наций были также закреплены конституционно.

В 1990-е гг. начался новый виток противостояния политики и права в межнациональных отношениях.

6 августа 1990 г. глава Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин сделал в Уфе заявление: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить» [5, с. 327].

С августа по октябрь 1990 г. происходит «парад суверенитетов» автономных республик. Принята декларация о государственном суверенитете Карельской АССР (09.08.1990), провозглашен государственный суверенитет Коми АССР (11.10.1990), Татарской АССР (31.08.1990), Удмуртской республики и Якутской-Саха АССР (27.09.1990), Чукотского автономного округа, Адыгейской АО (07.10.1990), Бурятской АССР (07.10.1990), Башкирской АССР (11.10.1990), Калмыцкой АССР (19.10.1990), Марийской АССР (22.10.1990), Чувашской АССР (24.10.1990), Ямало-Ненецкого (17.10.1990) и Горно-Алтайского (25.10.1990) автономных округов, Иркутского региона (26.10.1990) и т. д.

В этих и других документах того периода республики провозглашались носителями суверенитета. При этом, однако, вопрос о полной государственной независимости и выходе из состава Российской Федерации, как правило, не ставился, отношения с федеральным центром предполагалось урегулировать путем заключения с ним в дальнейшем договоров.

24 мая 1991 г. были приняты изменения к Конституции РСФСР по названиям Автономных Советских Социалистических Республик (АССР) – из них было убрано слово «автономные» и они стали именоваться как Советские Социалистические Республики (ССР) в составе РСФСР³, что противоречило 85 статье Конституции СССР⁴.

3 июля 1991 г. в Конституцию РСФСР вносятся изменения статусов Автономных областей на Советские Социалистические Республики

---

³ Об утверждении Закона РСФСР «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР»: закон РСФСР от 24.05.1991 № 1326/1-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 22. Ст. 775; Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) РСФСР: закон РСФСР от 24.05.1991 № 1326-1 // Там же. Ст. 776.

⁴ Конституция СССР в редакции от 26.12.1990 / Глава 10. Автономная Советская Социалистическая Республика. Доступ из СПС Гарант.

в составе РСФСР (кроме Еврейской АО)⁵, что противоречило 87 статье Конституции СССР. Российские республики готовятся войти в состав Союза Советских Суверенных Республик (СССР)⁶.

19 августа 1991 г. подписание начального договора о создании ССГ было сорвано ГКЧП при попытке отстранения М.С. Горбачева с поста президента СССР. 12 декабря подписываются беловежские соглашения и вместо государства-конфедерации – ССГ (по одному из проектных союзных договоров туда должны были войти и республики из состава РСФСР) создается Содружество Независимых Государств.

В начале сентября 1991 г. состоялся V (последний) съезд народных депутатов СССР. В очередной раз, исходя из новой политической ситуации, он принял Закон «Об органах государственной власти и управления в переходной период». До заключения нового союзного договора высшим представительным органом становился верховный совет СССР, вместо Кабинета министров создавался координационный межреспубликанский экономический комитет, упразднялось большинство союзных министерств. Съезд завершился самороспуском. Прибалтийские республики (Литва, Латвия и Эстония), добивавшиеся независимости с 1988 г., наконец, получили ее постановлением Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г. Другие республики приняли законы, упрочившие суверенитет и делавшие их фактически неподвластными Союзу.

12 декабря 1993 г. вступила в силу принятая на всенародном голосовании Конституция Российской Федерации, утвердившая атрибуты независимого российского государства после распада СССР. Статьей 4 принятой конституции было установлено, что суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию, а федеральные законы имеют на всей ее территории верховенство.

Так завершилось очередное противостояние политики и права. Конституционно закрепленные правовые приоритеты дали возможность сохранить территориальное единство страны. Однако не обошлось без противоречий. Сепаратистские устремления наиболее остро проявились в Чечне. В декабре 1994 г. туда были введены вооруженные силы России. Чеченская война завершилась лишь в 1996 г. Согла-

---

⁵ Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР в связи с преобразованием автономных областей в Советские Социалистические Республики в составе РСФСР: закон РСФСР от 03.07.1991 № 1540-1. Доступ из СПС Гарант.

⁶ Проект Договора о Союзе Суверенных Государств (Союзе Советских Суверенных Республик). Федеративный проект ССГ // Правда. 1991. 15 авг.

шения, подписанные в ноябре 1996 г. между российским и чеченским руководством, предусматривали вывод федеральных войск из Чечни и проведение в республике президентских выборов.

Однако отзвуки силовой политики в данном регионе продолжают ощущаться и сейчас в виде повышенного финансирования. Так, по проекту Федеральной целевой программы восстановления Чечни ежегодно предусматривается выделять 27–30 млрд рублей⁷. Отсутствие правовых действий, увлечение силовыми методами повлекло за собой надолго отягощение государственного бюджета.

Существенную роль в управлении этническими перемещениями играет миграционная политика. Миграционная политика – это, прежде всего, политика государства в отношении мигрантов. Она сводится к разрешительным и ограничительным мерам по переселению граждан, созданию правовых, экономических, социальных и духовных условий для совместного проживания приезжих и коренного населения.

Миграционное законодательство Российской Федерации не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Оно ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит мер, способствующих переезду на постоянное место жительства, адаптации и интеграции мигрантов⁸.

Среди принципов миграционной политики главное внимание уделено обеспечению прав и свобод человека и гражданина, что, на наш взгляд, весьма правомерно. Однако многие положения и, прежде всего, задачи государственной миграционной политики Российской Федерации еще слабо реализуются на практике. Мировой опыт свидетельствует о политике, не только обеспечивающей благоприятные условия для мигрантов, но и своеобразном регулировании миграционных потоков. Так, в Великобритании лейбористы предложили введение системы баллов для иммигрантов. Эти баллы обеспечивают преимущественное право на получение рабочей визы и вида на жительство для людей высокой квалификации [6]. Ужесточила иммиграционное законодательство Германия. А в США принят закон о строительстве на границе с Мексикой заградительной стены протяженностью более тысячи кило-

---

⁷ Колонка редактора // Русский журнал. 2007. № 10. С. 44.

⁸ Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13.06.2012). Доступ из СПС Гарант.

метров⁹. Принимаются новые законы по урегулированию миграции в целом ряде стран. В Германии почти 70 % немцев недовольны политической открытой дверей, проводимой канцлером А. Меркель [7].

Интересен опыт в отношении мигрантов – национальных меньшинств из России. Так, батумские курды, проживающие в Краснодарском крае, обратились к послу США с просьбой о помощи в предоставлении статуса беженцев. При этом они опирались на практику в этом отношении турок-месхетинцев, несколько тысяч которых уже покинули Кубань и обосновались в США. Прежде чем дать разрешение, американская сторона с помощью правозащитников в течение нескольких месяцев изучала ситуацию с нацменьшинствами, живущими на территории Кубани. Те, кто переселился, получают пособия, пенсии, работают в основном в сфере обслуживания¹⁰. Учитывая зарубежный опыт, в нашей стране можно было бы апробировать некоторые сюжеты миграционной политики сначала на региональном, а затем – на федеральном уровне. Саратовская область могла бы стать своеобразным полигоном для выявления наиболее эффективных форм работы с мигрантами.

В целом, как нам представляется, целесообразно контролировать миграционные потоки и одновременно проводить разъяснительную и воспитательную работу среди населения.

На сегодняшний день, несмотря на действующий Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом»¹¹, ситуация с обеспечением поддержки российских соотечественников, а их, по данным МИД Российской Федерации, как уже отмечалось ранее, проживает за пределами России более 25 млн человек, довольно сложная. Из-за того, что многие положения существующего закона носят не нормативный, а декларативный характер, по существу отсутствует реальный политический и юридический механизм их реализации.

В связи с этим требуется законодательное обеспечение формирования системы «выборочной» миграции для оказания поддержки тем мигрантам, которые стремятся стать гражданами Российской Федерации и проживать на ее территории. В основном это русскоязычное на-

---

⁹ Стена спасения // Российская газета. 2006. 18 окт.

¹⁰ Нацменьшинства Кубани хотят в Соединенные Штаты // Известия. 2005. 2 окт.

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»: федеральный закон Российской Федерации от 23.07.2010 № 179-ФЗ // СЗ РФ. 2010. № 30. Ст. 4010.

селение стран СНГ, в которых проживает порядка 16–17 млн российских соотечественников.

Важным направлением в политико-правовом регулировании межнациональных отношений в современной России является национально-культурная автономия. Генезис национально-культурных образований активно происходил в основном в 90-е гг. XX века. В XXI веке установились достаточно стабильные отношения с властью, что во многом обусловлено принятием федерального закона «О национально-культурной автономии» в июне 1996 г. и последующими дополнениями и изменениями в 2001 г. Длительное время национально-культурные автономии испытывали финансовые трудности. Теперь, благодаря поддержке центра и региональной власти, ситуация изменилась.

В целом институты гражданского общества в этнополитических процессах играют положительную роль.

Как и в других регионах, в Саратовской области важным механизмом реализации национальной политики является обеспечение предусмотренных Конституцией Российской Федерации прав и свобод граждан, связанных с их национальной принадлежностью. Реализация этих прав и свобод может осуществляться на основе многовариантных форм национально-культурного самоопределения народов в Саратовской области с учетом разрозненного проживания многих народов на ее территории.

Российская Федерация расширила правовое поле в связи с вхождением Крыма в состав России. 31 марта 2015 г. Президентом РФ был подписан Указ «О федеральном агентстве по делам национальностей», руководство которым осуществляет правительство РФ [8, с. 34]. Особое внимание в нем уделено разработке нормативно-правовых актов по оказанию услуг в сфере государственной национальной политики, осуществлению мер, направленных на укрепление многонационального народа Российской Федерации, защиту прав как национальных меньшинств, так и коренных малочисленных народов.

В целом современный период предъявляет новые требования к управлению этнополитическими процессами. В связи с усилившимися миграционными процессами многие страны перешли к авторитарным и даже дискриминационным методам. Ужесточаются национальные законы в Великобритании, Франции, США. На этом фоне Россия показывает образец подлинно демократического управления, что особенно очевидно в управленческой деятельности в регионах, в отношении Крыма и мигрантов.

Таким образом, политико-правовые механизмы государственного регулирования межнациональных отношений начинают складываться в систему, позволяющую обеспечивать развитие народов нашей страны внутри определенных политических векторов и правовых предписаний. Появились новые институты, формы взаимодействия центра и регионов. Однако на региональном уровне этот процесс протекает медленнее, чем на федеральном уровне. В одних регионах за эту сферу отвечают главы администраций, в других – областные думы. Во многих регионах работа по межнациональному сотрудничеству осуществляется министерствами культуры. В погоне за новизной политические и правовые институты не всегда уделяют должное внимание историческому опыту страны. Созданное Федеральное агентство по делам национальностей пока еще никак о себе не заявило. Стране нужна объединяющая многонациональный народ идея и, хотя государство имеет определенные успехи в опоре на гражданское общество, пока больших результатов не замечено. В этой связи было бы целесообразно на федеральном уровне создать специальный интернет-ресурс, объединяющий информацию позитивного свойства о нациях и этносах, конфессиях, их движении к миру и согласию.

Список литературы

1. Кузина С.Н. Этногенез и мультикультурализм в современном мире // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия. М., 2015. 268 с.
2. Кагарлицкий Б. После мультикультурализма. URL: http://kagarlitsky.ru/posle_multikulturalizma (дата обращения: 18.05.2018).
3. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. 288 с.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 26. 585 с.
5. Дейниченко П.Г. Россия. Полный энциклопедический справочник. М., 2005. 352 с.
6. Дмитриева О. На Альбионе чтят пришельцев // Российская газета. 2006. 18 окт.
7. Алешина М. Немцев никто не спросил // Российская газета. 2017. 28 фев.
8. Заметина Т.В. Конституционно-правовое регулирование национальной политики в Республике Крым и городе Севастополе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 29-35.

Поступила в редакцию 21.06.2018 г.

Отрецензирована 25.07.2018 г.

Принята в печать 28.08.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Дорофеева Елена Степановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии, социологии и сервиса. Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация. E-mail: Anastasiya-chekmareva@yandex.ru

Чекмарева Анастасия Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса. Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация. E-mail: Anastasiya-chekmareva@yandex.ru

Для цитирования

Дорофеева Е.С., Чекмарева А.В. Политико-правовые аспекты государственного регулирования межнациональных отношений // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 5-22. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-5-22.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-5-22

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF STATE REGULATION OF INTERETHNIC RELATIONS

E.S. Dorofeyeva, A.V. Chekmareva

Saratov State Law Academy

1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation

E-mail: Anastasiya-chekmareva@yandex.ru

Abstract. The relevance of political and legal regulation of interethnic relation consists of new model of modern multicultural state formation and challenges of inner and international character overcoming. Inner challenges are connected with separatist sentiments of national institutions, historical factors, territorial and ethnic and national submission to the centre, resurrection of people cultural independence, bureaucratization of ethnic leaders in national republics. Among international challenges the most important are facts of terrorism and globalization, corrupted past historical facts in Post-Soviet republics. The aim of the research is to decide the level of interaction of politics and law on developing ethnos in multicultural society, historical faults exposure, balance between two substances formation, determination of most important legal and political regulators of interethnic relations on the Russian and foreign examples. In the process of the work we use following methods: analysis, synthesis, comparative, historical, civilizational. It is proved that politics and law have a key role in regulations of interethnic relations. However in historical faults the first place has politics and it foresees legal system formation. We analyze Russian and foreign experience on form and methods exposure in the interethnic relations regulation with political and legal means. It is proved that Russian experience of interethnic communication gives an opportunity to use it not only in Russian but in the other countries, especially because of overloading them with escapers and migrants. Conclusions about necessity of the balance of politics and law, of historical past informational

base formation, of using national and cultural autonomies for ethnic development realization, of Agency on National Affairs activity improvement may have practical use.

Keywords: law; politics; interethnic relations; separatism; national autonomy; state regulation; globalization; nation; ethnos; sovereignty

References

1. Kuzina S.N. Etnogenez i mul'tikul'turalizm v sovremennom mire [Ethnogenesis and multiculturalism in the modern world]. *Chernomorsko-Kaspiyskiy region: geopolitika, etnopoliticheskiye protsessy i mezhregional'nyye vzaimodeystviya* [Black and Caspian Sea Region: Geopolitics, Ethnic and Political Processes and Interregional Cooperation]. Moscow, 2015, 268 p. (In Russian).
2. Kagarlitskiy B. *Posle mul'tikul'turalizma* [After multiculturalism]. (In Russian). Available at: http://kagarlitsky.ru/posle_multikulturalizma (accessed: 18.05.2018).
3. Bzhezinskiy Z. *Vybor. Mirovoye gospodstvo ili global'noye liderstvo* [The Choice. Global Domination or Global Leadership]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2010, 288 p. (In Russian).
4. Lenin V.I. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 55 t. 5-e izd.* [Completed Works: in 55 vols. 5th ed.]. Moscow, 1969, vol. 26, 585 p. (In Russian).
5. Deynichenko P.G. *Rossiya. Polnyy entsiklopedicheskiy spravochnik* [Russia. Completed Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2005, 352 p. (In Russian).
6. Dmitriyeva O. Na Al'bione chtyat prishel'tsev [The aliens are honored on Albion]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Newspaper*, 2006, 18 October. (In Russian).
7. Aleshina M. *Nemitsv nikto ne sprosil* [Nobody asked Germans]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Newspaper*, 2017, 28 February. (In Russian).
8. Zametina T.V. Konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye natsional'noy politiki v Respublike Krym i gorode Sevastopole [Constitutional legal regulation of national policy in the Republic of Crimea and city of Sevastopol]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Academy of Law], 2015, no. 5 (106), pp. 29-35. (In Russian).

Received 21 June 2018

Reviewed 25 July 2018

Accepted for press 28 August 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Dorofeyeva Elena Stepanovna – Doctor of History, Professor of History, Politology, Sociology and Service Department. Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation. E-mail: Anastasiya-chekmareva@yandex.ru

Chekmareva Anastasiya Valeryevna – Doctor of Jurisprudence, Professor of Civil Process Department. Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation. E-mail: Anastasiya-chekmareva@yandex.ru

For citation

Dorofeyeva E.S., Chekmareva A.V. Politiko-pravovye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya mezhnatsional'nykh otnosheniy [Political and legal aspects of state regulation of interethnic relations]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 5-22. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-5-22. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Белянская О.В., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34

УДК 340.113.1

ЯЗЫК И СТИЛЬ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

О.В. Белянская

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: 520877@mail.ru

Аннотация. Целью исследования послужило определение особенностей языкового стиля нормативного акта, который должен подчиняться законам формальной логики и общим требованиям юридической техники. Создание единой системы языка закона, которая успешно бы функционировала в правотворчестве – процесс долгий и противоречивый. Но на сегодняшний день очевидна необходимость создания такой системы для эффективного правового регулирования, повышения правовой культуры современного общества, упрощения процесса толкования права. Доказано, что поднимаемая проблема должна решаться в русле двух наук: языкознания и юриспруденции. Практическое значение наших выводов выражается в налаживании взаимосвязей работы лингвистов, которые рассматривают эту проблему с точки зрения функционирования языка в обществе, и юристов, которые апробируют новейшие лингвистические разработки на практике, что будет способствовать оптимальному и оперативному разрешению проблемы создания единой системы языка закона с четко определенными правилами и требованиями. Выводы: стиль нормативного акта – это совокупность определенных штампов, клише, четких, недвусмысленных понятий, совокупность определенных правил и требований, которые обеспечивают эффективность правового регулирования. Стиль нормативных актов основан на соблюдении следующих основных требований: 1) безличность изложения, то есть в тексте нормативного акта не употребляются личные местоимения первого и второго лица, собственные имена существительные, которые могли бы указать на автора законопроекта; 2) логичность изложения – правовой материал требует правильного и логичного изложения; 3) компактность изложения – материал в нормативном акте должен быть представлен четко, без лишних рассуждений и отступлений; 4) ясность, то есть нормативный материал должен однозначно восприниматься абсолютным большинством людей, поэтому в текстах нормативных актов нельзя использовать средства художественной выразительности; 5) оценка, то есть воля законодателя высказывается в утвердительном или отрицательном плане относительно определенной модели поведения.

Ключевые слова: язык права; юридическая техника; лингвоюристика; нормативный акт; юридическая терминология; стиль нормативного акта

ВВЕДЕНИЕ

Проблема исследования лингвистического аспекта юридической науки существует с античных времен. Впервые эта проблема была выдвинута философами Древнего Рима, которые заметили, что текст закона иногда не соответствует его содержанию, значению и смыслу. На протяжении всего исторического периода не существовало единых требований к языку и стилю нормативного акта. На сегодняшний день в России так и не создана четкая целостная система правил, которая использовалась бы в правотворческом процессе в обязательном порядке. Это объясняется тем, что, во-первых, существуют различные точки зрения исследователей на содержание понятия «язык закона», к тексту нормативного акта предъявляют не всегда тождественные требования. И, во-вторых, это объясняется многообразием русского языка, вследствие чего различное содержание правового материала имеет разное текстовое выражение, то есть невозможно создать универсальную текстовую модель, с помощью которой выражались бы различные по содержанию и назначению нормы права.

Исследованием проблемы языка и стиля нормативных актов кроме юристов занимаются и лингвисты, которые способны выделить и упорядочить особенности языка юридических текстов. В этой связи проблематика стиля и языка нормативных актов относится к предмету исследования наук, возникших на стыке лингвистики и юриспруденции. В настоящее время активно развиваются такие науки, как юрислингвистика и лингвоюристика, которые призваны сделать юридический текст точным по своему содержанию и одновременно понятным. Но с профессиональной и практической точек зрения этим вопросом должны все же заниматься юристы, применяя результаты лингвистических исследований при создании нормативных правовых актов.

На данный момент единые правила для создания нормативных правовых актов окончательно не сформированы. При этом выработка универсального языка закона должна обеспечить повышение эффективности правового регулирования общественных отношений, единообразие понимания правовых норм и должна сформировать четкую систему правил, используемых для создания нормативных актов в правотворческом процессе, что минимизирует возможность возникновения дефектов в праве.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Нормативный акт – это письменный юридический документ, который должен точно выражать содержание воли субъекта правотворчества. Для четкого и однозначного изложения норм права в юридической деятельности используется целый комплекс определенных правил. Такой комплекс называется юридической техникой. Внешняя форма нормативных правовых актов – это текст. Как и любой другой текст, он имеет свои специфические особенности, которые отличают его от других документальных текстов. Особенности языка нормативных актов делятся на общие (общеязыковые, которые могут характеризовать и другие документы неправового характера) и специально-юридические. К **общим особенностям языка** нормативных актов относятся следующие.

1. Нейтральность. В нормативных актах недопустима художественная образность, экспрессивность (призывы, побуждения, восклицания, вопросы). Н.А. Власенко отмечает, что «нейтральный, беспристрастный стиль не должен вызывать дополнительных ассоциаций и ненужных эмоций» [1, с. 19], что обеспечивает эффективность правового регулирования.

2. Последовательность. Для нормативного акта характерна строгость изложения, жесткая последовательность текстового материала. Не допускается разрыв мысли, логическая и смысловая недосказанность.

3. Точность и ясность. Правовой материал в нормативном акте должен быть изложен точно и ясно. Так, по мнению Г.А. Дюженко, «точность подразумевает фактическую достоверность, точное употребление терминов, исключающее различное толкование документов» [2, с. 8]. Если последовательность текста предполагает его связанность и согласованность, то точность и ясность расширяют эту характеристику: их определяет подобранность слов и терминов, их сочетаемость. А.В. Малько утверждает, что «чем более упорядоченнее в терминологическом отношении текст, чем гармоничнее категориальное единство, тем в большей степени он обречен на эффективность своего воздействия» [3, с. 86].

4. Простота изложения. Для успешной реализации норм права, изложенной в нормативном акте, необходима однозначность текста, которая обеспечивает его эффективное усвоение и однообразное пони-

мание всеми людьми, на которых распространяется действие этого нормативного акта [4].

5. Лаконичность и компактность. В тексте одного нормативного акта невозможно изложить весь материал подробно. Громоздкий текст тяжелее воспринимается. Для того чтобы упростить восприятие правового материала, в нормативном акте необходимо создать эффективную систему отсылочных норм, избегать неоправданных повторов. Также должно быть уместным и понятным использование юридической терминологии.

6. Безличность предложений. В тексте нормативного акта отсутствуют личные местоимения первого и второго лица, глаголы в формах первого и второго лица, обращения к конкретным лицам или группе лиц, используются неопределенно-личные предложения, в которых употребляются глаголы в форме третьего лица. Например, в пункте 9 статьи 80 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» определено, что «лицам, осужденным к принудительным работам или к лишению свободы, *разрешается* (выделено здесь и далее мной. – О. Б.) получение среднего профессионального и высшего образования в заочной форме обучения в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования с учетом требований уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации к отбыванию соответствующего вида наказания»¹.

Специально-юридические особенности языка придают нормативным актам характер правового регулятора общественных отношений. К таким особенностям относятся: во-первых, предписывающий характер. В нормативных актах содержатся запрещения, ограничения, модели поведения, варианты разрешения ситуаций. Все это выражается с помощью особого типа письменного изложения, при котором используются краткие формы прилагательных. Например, в пункте 2 статьи 15 Конституции Российской Федерации изложено, что: «органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения *обязаны* соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы».

Во-вторых, констатирующе-предписывающий характер выражается в том, что при написании цели документа, его предмета и пределов регулирования используется стиль изложения – констатирующе-предписывающий. И, как пишет Н.А. Власенко, это «предполагает исполь-

---

¹ Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

зование глагола в форме инфинитива, функционирование различных временных форм глагола» [1, с. 23-24].

В-третьих, унификация языковых форм. В тексте нормативного акта используются устойчивые языковые конструкции, собственно юридические словосочетания и канцеляризмы («слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено за официально-деловым стилем» [5, с. 282]). Например, в пункте 3 статьи 470 Гражданского кодекса Российской Федерации определено следующее: «Гарантия качества товара распространяется и на все составляющие его части (комплектующие изделия), *если иное не предусмотрено договором купли-продажи*»².

Таким образом, текст нормативного правового акта рассматривается с двух сторон: это, во-первых, прежде всего, нормативный правовой акт – юридический документ, содержащий нормы права и направленный на регулирование общественных отношений, поэтому его отличают специально-юридические особенности, которые выработаны в юридической науке в процессе правотворчества, а во-вторых, это литературный текст, поэтому при его создании используются общезыковые правила, характерные для официально-делового стиля.

Л.П. Кураков и В.Л. Кураков дают такое определение юридическим терминам – «это элемент юридической техники, словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [6, с. 912]. Как мы считаем, юридические термины являются понятиями, выработанными в ходе выделения общих закономерностей определенных правовых явлений, они имеют краткую формулу и обозначают его предназначение – сущность данного явления.

Основной фонд юридической терминологии содержится в законодательных актах, обладающих высшей юридической силой – законах. В таких актах определяются терминологические эталоны, на которые ориентируются правотворческие органы, издавая подзаконные акты.

В юридической терминологии можно выделить следующие **группы терминов**.

1. Общеизвестные термины, которые отражают социальные процессы, явления и отношения («брак», «владелец транспортных средств», «работодатель», «опека» и др.). Например, в пункте 1 статьи 12.37 Ко-

---

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

декса Российской Федерации об административных правонарушениях применяется общеизвестный термин: «Управление транспортным средством в период его использования, не предусмотренный страховым полисом обязательного страхования гражданской ответственности *владельцев транспортного средства*, а равно управление транспортным средством с нарушением предусмотренного данным страховым полисом условия управления этим транспортным средством только указанными в данном страховом полисе водителями – влечет наложение административного штрафа в размере пятисот рублей»³.

2. Специальные понятия, пришедшие из различных сфер общественной жизни («стихийное бедствие», «информатизация», «природно-антропогенный объект» и др.). Например, в пункте 1 статьи 26 Федерального закона «Об охране окружающей среды» отмечено следующее: «Нормативы допустимого изъятия компонентов природной среды – нормативы, установленные в соответствии с ограничениями объема их изъятия в целях сохранения *природных и природно-антропогенных объектов*, обеспечения устойчивого функционирования *естественных экологических систем* и предотвращения их деградации»⁴.

3. Специальные юридические термины («дееспособность», «гражданин», «вина» и др.). Например, статья 1077 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит: «Вред, причиненный гражданином, ограниченным в *дееспособности* вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, возмещается самим причинителем вреда»⁵.

Очевидно, что специально юридическая терминология необходима для точного и адекватного выражения воли законодателя, для передачи авторской воли в тексте нормативного акта. Но при этом использование **юридических терминов** должно быть оправданным и соответствовать ряду требований.

1. Термин должен однозначно и точно передавать сущность обозначаемого понятия, поэтому недопустимо использование полисемантических и устаревших слов.

2. Термин должен быть общеизвестным и признанным, поэтому недопустимо создание искусственных терминов.

---

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

⁴ Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Важно, чтобы юридическая терминология была устойчивой, то есть нежелательно отказываться от устоявшихся терминов и заменять их новыми. Этот процесс должен происходить постепенно и контролироваться высшими правотворческими органами.

4. Необходимо соблюдать единство при употреблении юридических терминов в нормативно-правовых актах. Единство заключается в том, что один и тот же термин используется для обозначения одного и того же понятия, то есть не допускается использование одного и того же термина для обозначения разных понятий.

5. Для точного понимания юридических терминов в некоторых случаях необходимо их письменное пояснение. В нормативных актах определение терминов может содержаться в примечании или сноске статьи, но чаще всего определения терминов и основных понятий даются в отдельной части статьи. Например, статья 3 главы 1 Федерального закона «О персональных данных»⁶ так и называется: «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе». В этой статье имеются определения тех терминов, которые содержатся в данном нормативном акте и которые важны для его понимания, например: «Персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

Таким образом, юридическая терминология – важнейшая составляющая языка закона, которая необходима для адекватного восприятия правового материала, изложенного в нормативном акте. Употребление юридических терминов должно соответствовать требованиям, изложенным выше, иначе термин усложняет процесс понимания правового материала и теряет свою значимость. В то же время необходимо не забывать о том, что юридическая терминология должна отвечать потребностям современного законодательства и современного общества и, как справедливо отмечал Д.А. Керимов, «только при наличии развитой, соответствующей требованиям времени системы юридических терминов и их правильном использовании можно добиться высокого качества издаваемых в стране законов и иных нормативных правовых актов» [7, с. 63].

Раскрывая особенности стиля нормативных актов, отметим, что, по сути, он является литературным произведением в письменной форме, но в силу специфики его применения (регулирование общественных

---

⁶ О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3451.

отношений) к его стилю предъявляются особые требования. При этом одни исследователи (А.И. Ефимов) считают, что «стиль языка – это исторически сложившаяся разновидность языка, отличающаяся специфическим составом, характером объединения и закономерностями употребления языковых средств» [8, с. 4], а другие (например, А.С. Новик), что «стиль законодательных актов в рамках юридических документов является самостоятельным стилем» [9]. Но при любом понимании **стиля нормативных актов** к нему предъявляется ряд требований.

1. Безличность изложения. Нормативный акт создается конкретными людьми, но авторство в реквизитах никогда не указывается. Также в тексте нормативного акта не употребляются личные местоимения первого и второго лица, собственные имена существительные, которые могли бы указать на автора законопроекта. В этом выражается один из признаков нормативного акта – он исходит от государства.

2. Логичность изложения. Правовой материал требует правильно и логичного изложения, поэтому в нормативных актах нельзя использовать алогизмы, тавтологию, не должны возникать парадоксальность и недосказанность мысли.

3. Компактность изложения. Материал в нормативном акте должен быть представлен четко, без лишних рассуждений и отступлений, высказываний о личной оценке и эмоциональной характеристике.

4. Ясность. Нормативный акт должен однозначно восприниматься абсолютным большинством людей, поэтому в текстах нормативных актов нельзя использовать средства художественной выразительности (сравнение, метафору, гиперболу, распространенные причастные и деепричастные обороты и др.).

5. Оценка. Воля законодателя высказывается в утвердительном или отрицательном плане относительно определенной модели поведения, более того, за совершение нежелательного поведения законодателем устанавливается негативная санкция.

Стиль нормативного акта – это совокупность определенных штампов, клише, четких, недвусмысленных понятий, совокупность определенных правил и требований, которые обеспечивают эффективность правового регулирования. Таким образом, стиль нормативного акта можно рассматривать как особый подстиль официально-делового стиля или как самостоятельный стиль, применяющийся в процессе законотворчества. Так, например, А.Н. Шепелев высказывает мысль о том, что «хотя юридический язык традиционно относят к официально-дело-

вому стилю, <...> юридический язык является самостоятельным функциональным стилем» [10, с. 353].

На основании этого сделаем вывод, что стиль нормативного акта – это выработанный юридической наукой стиль, применяющийся в правотворческом процессе, функционирующий в сфере правового регулирования и используемый в правотворческом процессе.

ВЫВОДЫ

Язык закона является важнейшим элементом юридической техники и представляет собой совокупность лексических, синтаксических и стилистических средств, посредством которых формируется текст нормативно-правового акта.

Основными требованиями к языку закона являются точность и ясность, обеспечивающие доступность понимания правовых предписаний для субъектов права; лаконичность и компактность, но при этом материал должен быть изложен последовательно, без недосказанности, обрыва мысли; простота и нейтральность изложения; безличность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски; единообразие юридической терминологии; унификация языковых форм.

Стиль нормативного акта нельзя определенно отнести к официально-деловому стилю. Правильнее говорить о том, что стиль нормативного акта представляет собой специфический функциональный стиль, который используется в правотворческом процессе. Он обладает такими особенностями, как безличность, логичность, компактность изложения правового материала, ясность, содержание однозначной оценки (положительной или отрицательной). Стиль нормативного акта подчиняется законам формальной логики (закон тождества, закон непротиворечивости, закон исключенного третьего, закон достаточного основания).

Создание единой системы языка закона, которая успешно бы функционировала в правотворчестве, – процесс долгий и противоречивый. Но на сегодняшний день очевидна необходимость создания такой системы для эффективного правового регулирования, повышения правовой культуры современного общества, упрощения процесса толкования права. Эта проблема должна решаться в русле двух наук: языкознания и юриспруденции. Только в случае слаженной работы лингвистов, которые рассматривают эту проблему с точки зрения функционирования языка в обществе, и юристов, которые апробируют новейшие

лингвистические разработки на практике, возможно оптимальное и оперативное разрешение проблемы создания единой системы языка закона с четко определенными правилами и требованиями.

Список литературы

1. *Власенко Н.А.* Язык права. Иркутск, 1997. 176 с.
2. *Дюженко Г.А.* Документная лингвистика. М., 1975. 64 с.
3. *Малько А.В.* Двоичность юридической информации и язык законодательства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 1. С. 80-88.
4. *Грязин И.* Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих теорий / отв. ред. А.А. Порк. Таллин: Ээсти раамат, 1983. 187 с.
5. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* / под ред. М.Н. Кожин. М.: Флинта, 2003. 696 с.
6. *Кураков Л.П., Кураков В.Л.* Экономика и право: словарь-справочник. М.: Вуз и школа, 2004. 1072 с.
7. *Керимов Д.А.* Законодательная техника. М., 1998. 163 с.
8. *Ефимов А.И.* Стилистика художественной речи. М., 1961. 520 с.
9. *Новик А.С.* Язык и стиль правовых актов // Мир языков: ракурс и перспектива: материалы 6 Междунар. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2015. Т. 3. С. 47-50.
10. *Шепелев А.Н.* Юридический язык в правотворческом процессе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 11 (103). С. 350-354.

Поступила в редакцию 16.05.2018 г.

Отрецензирована 20.06.2018 г.

Принята в печать 23.07.2018 г.

Информация об авторе

Белянская Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: 520877@mail.ru

Для цитирования

Белянская О.В. Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 23-34. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34

REGULATORY ACTS LANGUAGE AND STYLE AS A LEGAL TECHNIQUE ELEMENT

O.V. Belyanskaya

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

E-mail: 520877@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to determine the features of the language style of the regulatory act, which should be subject to the law of formal logic and general requirements of the legal technique. The creation of a unified system of the law language, which would successfully function in lawmaking, is a long and controversial process. But today there is an obvious need to create such a system for effective legal regulation, to improve the legal culture of modern society, to simplify the process of law interpretation. It is proved that the raised problem should be solved in line with two sciences: linguistics and jurisprudence. The practical significance of our conclusions we express in establishing relationships between linguists, who consider this problem from the point of view of language functioning in society, and lawyers, who test the latest linguistic developments in practice, which will contribute to the optimal and prompt resolution of the problem of creating a unified system of the law language with clearly defined rules and requirements. Conclusions: the style of the regulatory act is a set of certain stamps, clichés, clear, unambiguous concepts, a set of certain rules and requirements that ensure the effectiveness of legal regulation. The style of regulations comes from compliance with the following basic requirements: 1) impersonality of the statement, that is, in the text of the regulatory act are not used personal pronouns of the first and second person, proper nouns that could point to the author of the bill; 2) the logical presentation – the legal material requires a correct and logical presentation; 3) the compactness of the presentation – the material in the regulatory act should be presented clearly, without unnecessary reasoning and deviations; 4) clarity, that is, the regulatory material must be clearly perceived by the absolute majority of people, so in the texts of regulatory acts it is impossible to use the means of artistic expression; 5) evaluation, that is, the will of the legislator is expressed in the affirmative or negative terms regarding to a certain model of behavior.

Keywords: law language; legal technique; linguistic jurisprudence; regulatory act; law terminology; regulatory act style

References

1. Vlasenko N.A. *Yazyk prava* [Law Language]. Irkutsk, 1997, 176 p. (In Russian).
2. Dyuzhenko G.A. *Dokumentnaya lingvistika* [Documents Linguistics]. Moscow, 1975, 64 p. (In Russian)

3. Malko A.V. Dvoichnost' yuridicheskoy informatsii i yazyk zakonodatel'stva [Juridical information ambiguousness and lawmaking language]. *Izvestiya vychikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye – Pravovedenie*, 1993, no. 1, pp. 80-88. (In Russian).
4. Gryazin I. *Tekst prava. Opyt metodologicheskogo analiza konkuriruyushchikh teoriy* [Law Text. Experience of Competitive Theories Methodological Analysis]. Tallinn, Eesti raamat Publ., 1983, 187 p. (In Russian).
5. Kozhina M.N. (ed.). *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta Publ., 2003, 696 p. (In Russian).
6. Kurakov L.P., Kurakov V.L. *Ekonomika i pravo: slovar'-spravochnik* [Economy and Law: Explanatory Dictionary]. Moscow, Vuz i shkola Publ., 2004, 1072 p. (In Russian).
7. Kerimov D.A. *Zakonodatel'naya tekhnika* [Lawmaking Technique]. Moscow, 1998, 163 p. (In Russian).
8. Efimov A.I. *Stilistika khudozhestvennoy rechi* [Literary Speech Stylistics]. Moscow, 1961, 520 p. (In Russian).
9. Novik A.S. Yazyk i stil' pravovykh aktov [Legal acts language and style]. *Materialy 6 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Mir yazykov: rakurs i perspektiva»* [Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference "Language World: Perspective and Prospects"]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2015, vol. 3, pp. 47-50. (In Russian).
10. Shepelev A.N. Yuridicheskiy yazyk v pravotvorcheskom protsesse [Law language in lawmaking process]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 11 (103), pp. 350-354. (In Russian).

Received 16 May 2018

Reviewed 20 June 2018

Accepted for press 23 July 2018

Information about the author

Belyanskaya Olga Viktorovna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Professor of Theory and History of State and Law Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: 520877@mail.ru

For citation

Belyanskaya O.V. Yazyk i stil' normativnykh aktov kak element yuridicheskoy tekhniki [Regulatory acts language and style as a legal technique element]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 23-34. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Канина Ю.С., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-35-44

УДК 347.73

ИННОВАЦИЯ И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ

Ю.С. Канина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1

E-mail: 8915domna@gmail.com

Аннотация. Рассмотрен вопрос о правовой природе инноваций, инновационной деятельности, проанализировано их правовое регулирование с точки зрения закрепления базовых понятий. Сделан вывод, что разнородность мнений и неоднозначность в понимании инновации и инновационной деятельности в науке породили то, что и в законодательстве различного уровня неудачно выражена сущность данных понятий. Большинство официальных определений весьма ограничены «технической» стороной вопроса и часто тавтологичны. Нами сделаны следующие заключения: 1) современные определения инновации и инновационной деятельности постепенно выходят за «технические» пределы нововведения, его экономического оборота и включают социальные, интеллектуальные отношения, а в доктринальном представлении – иногда и духовную сферу жизни, но ключевым элементом в определении инноваций остается все же экономический эффект; 2) инновация – важное конкурентное преимущество организации, основанное на использовании знаний и реализуемое благодаря компетентности ее собственников, юристов, менеджеров и персонала; 3) рассмотренные подходы к определению инноваций свидетельствуют о том, что в научной литературе и законодательстве уже выявлены основные признаки инноваций, в качестве которых выступают новизна, полезный эффект и общественная значимость, а инновационная деятельность, как правило, толкуется как процесс по созданию, производству и распространению новшеств.

Ключевые слова: инновации; инновационная деятельность; инновационная сфера; инновационная концепция; инновационное законодательство

ВВЕДЕНИЕ

Развитие российской экономики по инновационному пути имеет значение в современных реалиях, когда резко возросла необходимость

увеличения производства импортозамещающей наукоемкой продукции в ответ на внешние угрозы и вызовы. Очевидно, что инновации могут «обеспечить устойчивость экономики по отношению ко всем колебаниям мирового рынка. Это важная политическая задача, решение которой способствует обеспечению технологической и экономической безопасности страны» [1, с. 82].

Инновационная терминология в последнее время стала весьма популярной. Развиваются различные теории нововведений, издано немало книг, посвященных инновациям, в учебных заведениях появились курсы инноватики [2], защищено множество диссертаций. Но инновации по-прежнему в первую очередь характеризуются экономическим содержанием и являются предметом исследования экономической науки как неотъемлемой части знаний экономики. Теория инноваций, сформированная представителями этой научной отрасли, тем не менее, не дает единого и точного понимания сущности этого явления. Как считают И.И. Смагин и Т.А. Чекулина, «инновации – это путь не только к экономическому процветанию, но и к более совершенным формам организации общества и государства, поскольку инновации затрагивают все стороны жизни» [3, с. 433].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

При выявлении правовой природы инноваций и инновационной деятельности также нет единства мнений, что обусловлено в первую очередь проблемой определения исследователями отраслевой принадлежности этой категории – гражданско-правовой, административно-правовой, финансово-правовой и др.

Безусловно, отношения, возникающие в инновационной сфере, наиболее близки, как мы полагаем, к гражданскому праву, поскольку они обременены интеллектуальным компонентом. Поэтому инновации в правовой плоскости чаще всего рассматриваются как объекты гражданских прав, как договоры и обязательства, как интеллектуальная собственность. В научной литературе еще в 70-х гг. XX века выражена мысль о том, что наиболее значимые категории, существование которых стало возможным вследствие научно-технического прогресса, развиваются, прежде всего, в рамках частного права.

Комплексный характер правовой сущности инноваций и инновационной деятельности требует своего дальнейшего исследования и развития, и должен основываться на достижениях экономической, фи-

лософской, социологической и юридической наук. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, для права более значимым и привычным является конструкция отношения. Именно она позволяет праву воспринимать большинство экономических явлений [4, с. 15]. Так, в частности, в правовой сфере инновациями могут выступать идеи, имеющие новизну, и реализация которых способна привести к развитию общественных отношений и их трансформации. Это и новые законы, и новые методы борьбы с криминальными структурами, новые способы организации правоохранительных органов, поддержания национальной безопасности и т. п.

Вопросы, связанные с инновациями и инновационной деятельностью, еще мало исследованы юридической наукой. На доктринальном уровне до сих пор однозначно не определены правовые параметры этих явлений, что сказывается на предмете и методах соответствующего законодательства. Поэтому к современным исследованиям понятийно-терминологического аппарата инноватики привлечены и юристы, благодаря которым все более устойчивым становится самое широкое понимание инноваций. Выявление юридической природы инноваций, инновационной деятельности, безусловно, расширяет познание природы данных явлений, но в то же время умножает и число их определений.

Отметим, что разнополярность мнений и неоднозначность в понимании инновации и инновационной деятельности в науке породили то, что и в законодательстве различного уровня долгое время делались неудачные попытки выразить сущность данных понятий.

В справочном пособии «Руководство Осло» (“Oslo Manuel”), изданном в 2005 г. Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) при участии Европейской комиссии и Статистической службы Европейского союза, «инновация – это внедрение какого-либо нового или существенно измененного продукта (товары, услуги), процесса, маркетингового или организационного *метода* (выделено мною. – Ю. К.) в существующую практику ведения бизнеса, организацию производства или внешние отношения (отношения вовне)» [5].

Впервые в российской правовой системе сущность термина «инновация» как результат инновационной деятельности, получивший «реализацию в виде нового или усовершенствованного продукта, реализуемого на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности», сформулирована в Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 гг. [6]. Здесь на первый план выходит продукт и процесс.

В законе Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ «Об инновационной деятельности» инновация рассматривается (инновационный продукт) как результат инновационной деятельности, получивший практическую реализацию в виде нового товара, услуги, способа производства (технологии) или иного общественно полезного результата»¹.

Большинство официальных определений весьма ограничены «технической» стороной вопроса и часто тавтологичны: «инновация – результат инновационной деятельности»².

Общий подход в трактовке инновационной деятельности отсутствует и в региональном законодательстве. Нормативные правовые акты субъектов федерации, органов местного самоуправления довольно часто определяют инновации в технологическом и экономическом контекстах, и они сводятся к производству и их технологиям в целях создания товара с лучшими свойствами.

В соответствии со статьей 1 Закона Тамбовской области «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области», инновационная деятельность – это «совокупность научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, включая инвестиции в новые знания, которые направлены на получение технологически новых или улучшенных продуктов или процессов»³. Данное определение исключает самое главное – реализацию новшеств (продуктов, технологий и т. п.) на рынке с целью удовлетворения имеющейся потребности или создания такой потребности на известном или новом для предприятия рынке.

В ранее действующей редакции Закона Саратовской области «Об инновациях и инновационной деятельности» речь идет о новшествах, а не об инновациях, поскольку последние уже являются результатом реализации. Так, под инновационной деятельностью понималась «дея-

---

¹ Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям / 3-е изд., совместная публикация ОЭСР и Евростата. М., 2006.

² Таковы, например, определения законов Челябинской области от 28 мая 2008 г. («инновация – конечный результат инновационной деятельности», ст. 2); Ивановской области 2008 г. («инновация (нововведение) – результат инновационной деятельности, предназначенный для реализации», ст. 1); Тамбовской области от 25 апреля 2003 г. № 119-З «О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области» (инновация (нововведение) – конечный результат инновационной деятельности, ст. 1).

³ О Концепции инновационной политики Российской Федерации на 1998–2000 годы: постановление Правительства РФ от 24.07.1998 № 832 // СЗ РФ. 1998. № 32. Ст. 3886.

тельность, имеющая основной целью реализацию в общественной практике инноваций, полученных в результате научной (научно-исследовательской) и научно-технической деятельности, путем их практического освоения и включающая в себя как деятельность непосредственно по освоению инноваций, так и содействие этой деятельности»⁴. Но в дальнейшем законодатели отказались от данной формулировки и исключили ее из текста новой редакции данного закона. Что связано, как мы полагаем, с трудностями и неоднозначностью понимания данной категории, в связи с чем парламентарии вообще отказались формулировать его в рамках закона.

Аналогичное определение инновационной деятельности (через инновации) дается в законодательстве Тверской области: в частности, «инновационная деятельность – деятельность, направленная на разработку и освоение инноваций и формирование рынка конкурентной наукоемкой продукции, представление на рынке новых товаров и товаропроизводителей для ее реализации, концентрацию ресурсов для решения инновационных задач»⁵.

В законодательстве Волгоградской области инновационной деятельностью признавалась «деятельность юридических и физических лиц <...> при условии использования в этой деятельности объекта интеллектуальной собственности, обеспеченного охранными документами»⁶.

Принципиально иной подход в понимании инновационной деятельности сформулирован в Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 г. По ней понимается не процесс, а идея: «Инновационная деятельность – вид деятельности, связанный с трансформацией идей (обычно результатов научных исследований и разработок либо иных научно-технических достижений) в технологически новые или усовершенствованные продукты или услуги, внедренные на рынке, в новые или усовершенствованные технологические процессы или способы

---

⁴ Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (ч. 2). С. 371-427.

⁵ О научно-технической политике, научной и инновационной деятельности в Тамбовской области: закон Тамбовской области от 25.04.2003 № 119-3 // Тамбовская жизнь. 2003. 16 мая.

⁶ Об инновациях и инновационной деятельности (с изменениями от 13 февраля 2003 г., 23 июля 2004 г.): закон Саратовской области от 28.07.1997 № 50-ЗСО // Саратовские вести. 2007. 11 авг.

производства (передачи) услуг, использованные в практической деятельности»⁷.

Таким образом, краткий анализ нормативно-правовых актов показывает, что инновационная деятельность в законодательстве чаще всего отождествляется с инновациями в процессном смысле. В определениях инновации и инновационной деятельности, как правило, доминируют экономические категории – коммерциализация, рынок, технологический процесс, сфера производства и т. д. Но все же данная позиция не раскрывает сущности, и прежде всего правовой, инновационной деятельности.

Как нам представляется, такая незавершенность в определении инновационной деятельности не случайна и служит несомненным признаком состояния инновационной политики в нашей стране, где лишь малая доля инновационных идей доходит до стадии их реального воплощения в серийную продукцию.

Как мы уже указывали, в науке в определении инновационной деятельности существуют разные подходы. Первый рассматривает инновационную деятельность на макроуровне – как объект инновационной политики государства. В таком контексте эта деятельность «включает в себя процессы по ускорению научно-технического прогресса при создании новой техники и передовой технологии на базе использования достижений фундаментальной науки, проведения научно-исследовательских работ с целью удовлетворения конкретной потребности народного хозяйства»⁸. Но большее распространение получил подход, рассматривающий инновационную деятельность на микроуровне. В этом смысле под инновационной деятельностью понимается процесс последовательного проведения работ по созданию новшества и введению его на рынок для коммерческого применения.

Мы можем сделать вывод, что термин «инновация» довольно часто понимается применительно к определенной ситуации или документу и

---

⁷ Об инновациях и инновационной деятельности в Тверской области: закон Тверской области от 30.09.1999 № 76-ОЗ-2 // Тверские ведомости. 1999. 22–28 окт.; Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года, утвержденная Решением Совета глав правительств СНГ о Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств-участников СНГ на период до 2020 года от 18.10.2011. URL: http://federal-book.ru/files/FS/Soderjanie/FS-27/IV/Mejgos_programma.pdf (дата обращения: 12.04.2018).

⁸ Об инновационной деятельности в Волгоградской области (утратил силу с 29.02.2012 на основании Закона Волгоградской области от 24.02.2012 № 4-ОД): закон Волгоградской области от 22.06.2004 № 925-ОД. Доступ из СПС Гарант.

не всегда раскрывается собственно сущность инновации и те интересы и мотивы, которые побудили к данной деятельности.

Резюмируя сказанное относительно точек зрения и законодательных определений сущности инноваций, выскажем точку зрения о том, что такое множество и неоднородность восприятия инновации вызвано ее сложным содержанием, в основе которого лежат различные инновационные процессы, в которых отражается деятельность различных субъектов, имеющих не всегда единые конечные цели и задачи. Считаем, что инновация обладает следующими признаками:

- основана на мотиве побудительного, прогрессивного характера, имеющего положительное значение для общества и связанного с научно-техническим прогрессом;

- выражается в системе эмпирических знаний, то есть является результатом инновационного творческого труда, нацеленного на получение инновационной прибыли в пользу тех, кто впервые использовал новый и более качественный продукт или услугу;

- в ее основе лежит реализация нетрадиционных функций и свойств определенного материала или продукта, достигнуто снижение издержек при изготовлении или оказании услуги уже имеющимся на рынке;

- направлена на удовлетворение имеющихся потребностей общества и государства различного характера и достижение экономической эффективности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- 1) современные определения инновации и инновационной деятельности постепенно выходят за «технические» пределы нововведения, его экономического оборота и включают социальные, интеллектуальные отношения, а в доктринальном представлении – иногда и духовную сферу жизни, но ключевым элементом в определении инноваций остается все же экономический эффект;

- 2) инновация – важное конкурентное преимущество организации, основанное на использовании знаний и реализуемое благодаря компетентности ее собственников, юристов, менеджеров и персонала;

- 3) рассмотренные подходы к определению инноваций свидетельствуют о том, что в научной литературе и законодательстве уже выявлены основные признаки инноваций, в качестве которых выступают новизна, полезный эффект и общественная значимость, а инновацион-

ная деятельность, как правило, толкуется как процесс по созданию, производству и распространению новшеств.

Следует отметить, что сегодня в России об инновациях говорят так много, что создается впечатление, что инновационная политика пронизывает все сферы общественного производства и становится приоритетным направлением в развитии страны на ближайшие годы. Однако для того чтобы реализовать такую политику, одних слов и желания явно недостаточно, необходимы серьезные усилия по созданию институциональных правовых условий для формирования национальной инновационной системы и инновационной экономики в целом.

Список литературы

1. *Осадчая Т.Г., Логвин Д.Л.* Проблемы становления и развития инновационных подсистем регионов в современной России // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11 (57). С. 82-88.
2. Основы инновационной деятельности / под общ. ред. Б.И. Бедного. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2014. 303 с.
3. *Маренков Н.Л.* Инноватика. М.: Книжн. дом «Либроком», 2009. 304 с.
4. *Грибов В.Д., Никитина Л.П.* Инновационный менеджмент. М.: НИЦ «Инфра-М», 2013. 311 с.
5. *Смагин И.И., Чекулина Т.А.* Вопросы совершенствования категориального аппарата в контексте формирования концепции инновационного развития России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 12 (104). С. 433-439.
6. *Волынкина М.В.* Гражданско-правовая форма инновационной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 42 с.
7. *Устинов В.А.* Управление инновационной деятельностью в процессе создания новой техники, освоения производства новой продукции. М.: ГАУ им. С. Орджоникидзе, 1995.

Поступила в редакцию 15.05.2018 г.

Отрецензирована 19.06.2018 г.

Принята в печать 23.07.2018 г.

Информация об авторе

Канина Юлия Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Тамбовский филиал, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: 8915domna@gmail.com

Для цитирования

Канина Ю.С. Инновация и инновационная деятельность: теоретико-правовой анализ сущности и содержания // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 35-44. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-35-44.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-35-44

INNOVATION AND INNOVATIVE ACTIVITY: THEORETICAL AND LEGAL ESSENCE AND CONTENT ANALYSIS

Y.S. Kanina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Bldg 1 Vernadskiy Ave., Moscow 119571, Russian Federation
E-mail: 8915domna@gmail.com

Abstract. We consider the issue of innovations and innovative activity legal nature, analyse its legal regulation from the point of view of basic terms. We conclude that ambiguousness of opinions and innovations and innovative activity understanding in the science led to that in legislation of any level the terms essence is incorrectly given. Main official terms are bounded by the “technical” part of the issue and tautological. We conclude the following: 1) modern terms of innovations and innovative activity go gradually beyond the “technical” limits of development, its economical round and include the social, intellectual relationship, and according to the doctrinal position – sometimes spiritual sphere of life, but the key element in the innovation terms formation is the economical effect; 2) innovation – the important competitive advantage of organization, based on using the knowledge and realized because of competence of its founders, lawyers, managers and personnel; 3) considered approaches to the innovation terms evidence that in scientific literature and legislation we can already find innovations main principles – novelty, useful effect and social importance, and innovative activity is as usual a process on creating, producing and spreading the novelties.

Keywords: innovations; innovative activity; innovative sphere; innovative concept; innovative legislation

References

1. Osadchaya T.G., Logvin D.L. Problemy stanovleniya i razvitiya innovatsionnykh pod-sistem regionov v sovremennoy Rossii [Problems of formation and development of innovative subsystems of regions in modern Russia]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy – Social and Economic Phenomena and Processes*, 2013, no. 11 (57), pp. 82-88. (In Russian).
2. Bednyy B.I. (gen. ed.) *Osnovy innovatsionnoy deyatel'nosti* [Basic Principles of Innovative Actions]. Nizhniy Novgorod, Nizhniy Novgorod State University Publ., 2014, 303 p. (In Russian).
3. Marenkov N.L. *Innovatika* [Innovation Studies]. Moscow, Book House “Librokom”, 2009, 304 p. (In Russian).
4. Gribov V.D., Nikitina L.P. *Innovatsionnyy menedzhment* [Innovative Management]. Moscow, Scientific and Publishing Centre “Infra-M” Publ., 2013, 311 p. (In Russian).
5. Smagin I.I., Chekulina T.A. Voprosy sovershenstvovaniya kategorial'nogo apparata v kontekste formirovaniya kontseptsii innovatsionnogo razvitiya Rossii [Questions of perfection of categorial apparatus in context of formation of conception of innovation

- development of Russia]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 12 (104), pp. 433-439. (In Russian).
6. Volynkina M.V. *Grazhdansko-pravovaya forma innovatsionnoy deyatel'nosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [State and Legal Form of Innovation Activity. Dr. jurid. sci. abstr.]. Moscow, 2007, 42 p. (In Russian).
  7. Ustinov V.A. *Upravlenie innovatsionnoy deyatel'nost'yu v protsesse sozdaniya novoy tekhniki, osvoeniya proizvodstva novoy produktsii* [Innovative Activity Management in the Process of New Techniques Creating, New Products Processing Understanding]. Moscow, State Management Academy named after S. Ordzhonikidze Publ., 1995. (In Russian).

Received 15 May 2018

Reviewed 19 June 2018

Accepted for press 23 July 2018

Information about the author

Kanina Yuliya Sergeevna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of Legal Disciplines Department. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Tambov Branch, Tambov, Russian Federation. E-mail: 8915domna@gmail.com

For citation

Kanina Y.S. Innovatsiya i innovatsionnaya deyatel'nost': teoretiko-pravovoy analiz sushchnosti i soderzhaniya [Innovation and innovative activity: theoretical and legal essence and content analysis]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 35-44. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-35-44. (In Russian, Abstr. in Engl.).

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-45-57

УДК 343.614

ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 110–110.2 УК РФ, И НАКАЗАНИЯ ЗА ИХ СОВЕРШЕНИЕ

И.В. Пантюхина

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, 46
E-mail: i.pantuyuhina@rsu.edu.ru

Аннотация. Доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, содействие его совершению и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, являются смежными составами преступлений. Их исследование позволило выявить некоторые недостатки их конструкций и предложить меры по их устранению. Смежные составы преступлений предполагают согласование между собой их санкций. Анализ сроков наказания в виде лишения свободы, установленных в санкциях статьями 110–110.2 УК РФ, выявил отсутствие их согласованности. В основных составах преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110.1 УК РФ, при наступлении одинаковых последствий за более опасное преступление установлено более мягкое наказание. При наличии квалифицирующих признаков в более опасном преступлении наказание становится более строгим или равным наказанию, установленному за менее опасное деяние при таких признаках. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, не предполагает наступления последствий. Однако наказание за его совершение приравнено к склонению к самоубийству или содействию его совершению при наступлении последствий. При наличии квалифицирующих признаков оно приравнено к наказанию, установленному в квалифицированных составах преступлений, предусмотренных статьями 110–110.1 УК РФ.

Ключевые слова: доведение до самоубийства; склонение к самоубийству; содействие самоубийству; квалифицирующие признаки; санкция; срок наказания; лишение свободы

Длительное время и неоднократно ученые заявляли об узости перечня способов доведения до самоубийства. Они настаивали на возможности достижения такого же результата посредством обмана, подкупа, уговоров, советов, указаний, предоставления информации, средств или орудий совершения самоубийства и предлагали расширить

ответственность за деяния, приведшие к самоубийству [1, с. 8; 2, с. 18; 3, с. 28]. Их изыскания не пропали даром, результатом стало дополнение в 2017 г. уголовного закона Российской Федерации новыми составами преступлений, связанными со склонением к самоубийству, содействием его совершению и организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (статьи 110.1 и 110.2 УК РФ). Свою роль в этом сыграли результаты эмпирических исследований, в частности, опросов представителей правоохранительных органов и их утверждения об отсутствии различий в лексическом значении доведения до самоубийства и склонения к его совершению (87,7 %) [4, с. 250], что фактически указывало на возможность применения уголовного закона по аналогии. По утверждению некоторых ученых, включение новых норм в закон было обусловлено резонансными случаями самоубийства несовершеннолетних, число которых только в 2016 г. составило 720 случаев, при росте подросткового суицида сразу в 40 регионах России [5, с. 168]. Таким образом, в УК РФ впервые была установлена ответственность за те действия, которые ученые предлагали включить в число способов доведения до самоубийства. Кроме того, изменения также коснулись базового состава преступления – доведения до самоубийства (статья 110 УК РФ), который впервые был дополнен квалифицирующими признаками, что также давно требовали реалии жизни российского общества, в частности, обстоятельства совершения суицидов.

Появление в УК РФ составов преступлений, связанных со склонением к самоубийству, содействием его совершению и организацией деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, следует приветствовать. Однако серьезные претензии вызывают некоторые подходы к регламентации их отдельных признаков, а также санкций за совершение этих преступлений, даже беглый взгляд на которые позволяет усмотреть в них несогласованность между собой, а также с санкциями состава преступления о доведении до самоубийства, тогда как все они являются смежными.

За совершение преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 110 и частями 1–4 статьи 110.1 УК РФ, в качестве основных предусмотрены альтернативные наказания, в части 2 статьи 110, частях 5–6 статьи 110.1 и статье 110.2 УК РФ установлено безальтернативное наказание в виде лишения свободы на определенный срок. Регламентация именно этого вида наказания вызывает особый интерес.

В статье 110 УК РФ выделены две части, в которых представлены основной и квалифицированный состав преступления, в связи с чем в них установлены и различные санкции. Однако в них усматривается явная несогласованность и бессистемность. Так, в части 1 статьи 110 УК РФ в качестве наиболее строго наказания установлено *от двух до шести лет* лишения свободы, тогда как в части 2 – *от восьми до пятнадцати лет*. Таким образом, сроки лишения свободы *от шести до восьми лет* как бы выпадают из числа наказаний за доведение до самоубийства, что является не типичным для построения санкций УК РФ.

Санкции статей уголовного закона формируются различными способами. Наиболее распространенными являются следующие. Установление наказания в определенных размерах за совершение преступления, образующего основной состав, а в квалифицированном – нижняя планка размера наказания определяется максимальным его размером, установленным за основной состав. Например, в статье 117 УК РФ (истязание) максимальное наказание по основному составу преступления предусмотрено в виде лишения свободы до трех лет (часть 1 статьи 117 УК РФ), а по квалифицированному – от трех до семи лет (часть 2 статьи 117 УК РФ). В части 1 статьи 126 УК РФ (похищение человека) максимальный срок лишения свободы определен в пять лет, а в части 2 статьи 126 УК РФ именно это срок установлен минимальным и т. д. Другим способом является установление за преступление при наличии квалифицирующих признаков наказания в размере чуть меньшем, чем размер максимально строгого наказания, установленного за основной состав преступления, в результате чего по размерам они частично пересекаются. Например, в части 1 статьи 131 УК РФ (изнасилование) установлено от трех до шести лет лишения свободы, а в части 2 – от четырех до десяти лет.

Еще более распространен способ установления размеров наказания, при котором минимальный его срок не определен и указан лишь максимальный. При этом размер наказания в квалифицированном составе перекрывает верхнюю планку наказания, установленную за основной состав. Например, в санкции части 1 статьи 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) максимальное наказание в виде лишения свободы определено тремя годами, а в части 2 – пятью. В статье 133 УК РФ (понууждение к действиям сексуального характера) в части 1 установлено до одного года лишения свободы, а в части 2 – до пяти и т. д.

Таким образом, сопоставление построения санкций статьи 110 УК РФ с конструкциями санкций других статей УК РФ позволяет констатировать неудачность их построения. Минимальный размер наказания в виде лишения свободы в части 2 статьи 110 УК РФ логичнее было бы установить в размере шести лет.

Размеры наказаний и умышленная форма вины преступлений, регламентированных в частях 1 и 2 статьи 110 УК РФ, указывают на их отнесение законодателем к категории тяжких и особо тяжких соответственно частям указанной статьи, что следует признать логичными. Вместе с тем вызывает сомнение уравнивание степени ответственности за указанный в статье 110 УК РФ результат преступного посягательства, то есть за самоубийство, – а это наступление смерти потерпевшего и покушение на самоубийство, – лишь угроза наступления смерти. Различие тяжести таких последствий и дает основание усомниться в правильности их установления альтернативными в рамках единой нормы. Несмотря на предполагаемые возражения против такой позиции, поскольку и самоубийство, и покушение на него все же осуществляет сам потерпевший, более целесообразным видится разделение нормы, регламентированной в части 1 статьи 110 УК РФ, на две, содержащих преступления с различными последствиями, и установлением за них дифференцированной ответственности.

Интересен вопрос наказания в случае покушения потерпевшего на самоубийство, которое повлекло такой побочный результат, как тяжкий вред здоровью потерпевшего. Последствия от покушения на самоубийство в виде вреда здоровью потерпевшего фактически остаются за рамками действия уголовного закона, что подтверждается судебной практикой. Так, по одному из дел, М. систематически унижал человеческое достоинство потерпевшей, которое выражалось в неоднократных оскорблениях, высказывал угрозы убийством, применял к ней насилие различными способами (неоднократно причинял побои, травил газом, придушивал поясом халата и др.), которые, по мнению суда, носили характер истязания, жестокого обращения и издевательства. В результате сложившейся длительной психотравмирующей ситуации, причиняемых психических и физических страданий потерпевшая выпрыгнула из окна многоэтажного дома и в результате падения получила множественные переломы, в том числе перелом позвоночника. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, полученные повреждения были признаны тяжким вредом здоровью. Действия виновного были квалифицированы по статье 110 УК РФ. В качестве наказа-

ния ему было определено три года лишения свободы, которое было назначено условно¹. Таким образом, наступивший вред здоровью потерпевшей фактически остался без оценки, что представляется, по меньшей степени, не справедливым. За умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111 УК РФ) даже за основной состав преступления предусмотрено более строгое наказание (чем за доведение до самоубийства) – до восьми лет лишения свободы. Однако вменить виновному этот состав преступления невозможно, поскольку его умыслом охватывался совсем иной результат, а именно – более тяжкое последствие – смерть потерпевшего. Отношение виновного к наступившему вреду здоровью потерпевшего в результате покушения на самоубийство усматривается лишь в неосторожной форме вины. Ответственность за причинение такого вреда определена в статье 118 УК РФ, санкция которой предусматривает более мягкие виды наказаний, чем лишение свободы, в силу чего поглощается санкцией статьи 110 УК РФ. Однако изменить такую ситуацию представляется возможным посредством установления в качестве квалифицирующего признака покушения на самоубийство вреда здоровью потерпевшего, по меньшей мере – тяжкого, что позволит применять более строгое наказание.

Более детализированная дифференциация склонения к совершению самоубийства или содействие его совершению предопределила и более дифференцированный подход к установлению наказания за их совершение (статья 110.1 УК РФ).

В качестве самого строгого наказания за склонение к совершению самоубийства установлено лишение свободы *сроком до двух лет* (часть 1 статьи 110.1 УК РФ), а за содействие к его совершению – *до трех лет* (часть 2 статьи 110.1 УК РФ). При этом, считая справедливой позицию некоторых ученых и поэтому присоединяясь к ней, полагаем, что «трудно объяснить, почему наказание за содействие совершению самоубийства выше, чем за склонение к самоубийству <...> именно действия подстрекателя приводят к зарождению намерения совершить акт самоубийства. Совершенно не случайно законодатель, а вслед за ним и теория уголовного права, действия подстрекателя всегда оценивали как более опасные в сравнении с пособничеством, что, в частности, нашло свое отражение в правилах о добровольном отказе от преступления (часть 4 статьи 34 УК РФ). Вряд ли можно согласиться с та-

---

¹ Приговор Губахинского городского суда Пермского края // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <http://sudrf.kodeks.ru/rospravo/document/491510071?text> (дата обращения: 14.05.2018).

ким законодательным решением» [5, с. 172]. В рассматриваемом случае, в отличие от статьи 110 УК РФ, каждому из деяний отведено криминообразующее значение самостоятельного состава преступления, тогда как логичнее было бы их указать альтернативными.

Квалифицирующие признаки, используемые законодателем в части 3 статьи 110 УК РФ, становятся критерием уравнивания общественной опасности склонения к совершению самоубийства и содействия его совершению. При их наличии указанные деяния объединяются в единую норму с установлением максимального наказания в виде лишения свободы сроком до четырех лет (часть 3 статьи 110.1 УК РФ).

Достаточно мягкие наказания в приведенных нормах объяснимы формальными конструкциями соответствующих составов преступлений. Однако в части 4 статьи 110.1 УК РФ в качестве последствий предусмотрены самоубийство или покушение на самоубийство, что обуславливает ужесточение наказания в виде лишения свободы сроком *от пяти до десяти лет*. Вместе с тем такое ужесточение наказания не согласовано с его сроками, предусмотренными за доведение до самоубийства (статья 110 УК РФ), то есть за деяние, приводящее к тем же последствиям, поскольку за его совершение установлено лишение свободы сроком *от двух до шести лет* (часть 1 статьи 110 УК РФ). Из приведенных санкций следует, что склонение к самоубийству или содействие его совершению являются более общественно опасными, чем доведение до самоубийства. Однако сопоставление способов совершения деяний, предусмотренных статьей 110.1 УК РФ, со способами, указанными в статье 110 УК РФ, позволяет констатировать обратное. Здесь опять следует согласиться с учеными, которые, проанализировав склонение к самоубийству, утверждают, что его «способы по степени общественной опасности существенно уступают способам доведения до самоубийства <...> они сами по себе могут выступать в качестве самостоятельных составов преступлений, к примеру, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 УК РФ), или истязание (статья 117 УК РФ), или побои (статья 116.1 УК РФ), или незаконное лишение свободы (статья 127 УК РФ) и др.» [5, с. 170]. По нашему убеждению, способы содействия самоубийству также уступают в общественной опасности способам доведения до самоубийства. Поэтому, солидаризируясь с другими исследователями, полагаем, что разрыв в санкциях смежных составов преступлений (а статьи 110 и 110.1 УК РФ являются именно таковыми), когда по части 1 статьи 110 УК РФ установлено *от двух до шести лет лишения свободы*, а по час-

ти 4 статьи 110.1 УК РФ – *от пяти до десяти лет* – недопустим, поскольку такое различие криминологически не обосновано [5, с. 170]. Таким образом, регламентация размеров наказания в виде лишения свободы, установленных в части 4 статьи 110.1 и части 1 статьи 110 УК РФ, требует серьезной корректировки, а именно логического согласования между собой.

Различие законодательного подхода усматривается к определению набора квалифицирующих признаков составов преступлений, предусмотренных в статьях 110 и 110.1 УК РФ. Если их установление в части 2 статьи 110 и в части 3 статьи 110.1 УК РФ полностью совпадает, то в частях 5 и 6 статьи 110.1 УК РФ те же квалифицирующие признаки получили дифференциацию, соответственно влекущую различие размеров наказания в их санкциях.

Однако такая дифференциация вызывает целый ряд вопросов.

Во-первых, непонятно почему склонение к самоубийству или содействие его совершению, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство несовершеннолетнего, беспомощного, зависимого лица или беременной женщины, влекут наказание в виде лишения свободы сроком *от шести до двенадцати лет* (часть 5 статьи 110.1 УК РФ), которое является более мягким, чем ответственность за те же последствия при доведении до самоубийства (часть 2 статьи 110 УК РФ). В данном случае общественная опасность у доведения до самоубийства становится выше, тогда как без наличия перечисленных обстоятельств была ниже.

Во-вторых, в части 6 статьи 110.1 УК РФ предусмотрено последствие только в виде самоубийства двух и более лиц, которое также охватывает все квалифицирующие признаки склонения к самоубийству или содействие его совершению. При такой регламентации получается, что массовое покушение на самоубийство (10, 20, 30 лиц и более), в том числе ставшее результатом публичного склонения к самоубийству или содействия его совершению с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), подлежит оценке лишь по части 4 статьи 110.1 УК РФ и, соответственно, влечет наказание в виде лишения свободы сроком *от пяти до десяти лет*. Если массовое покушение на самоубийство совершат, например, несовершеннолетние, то это повлечет наказание в виде лишения свободы сроком *от шести до двенадцати лет*. Тогда как доведение до покушения на самоубийство хотя бы одного несовершеннолетнего или двух совершеннолетних лиц предполагает лише-

ние свободы сроком *от восьми до пятнадцати лет* (часть 2 статьи 110 УК РФ). Равными по размеру такие наказания, как склонение к самоубийству или содействие его совершению с доведением до самоубийства, а значит, и по своей общественной опасности и тяжести становятся только в случае наступления в результате акта суицида смерти двух и более лиц. Таким образом, наказание за рассмотренные смежные преступления согласовано лишь частично.

Также отметим, что указание в части 6 статьи 110.1 УК РФ на деяние, предусмотренное частью 3 этой же статьи, влечет пересечение признака «двух и более лиц» с признаком, установленным в ее пункте «в» (совершение деяния в отношении двух или более лиц), что также следует признать крайне неудачным для конструкции уголовно-правовой нормы.

Изложенное позволяет утверждать, что определение размеров наказания в виде лишения свободы за склонение к самоубийству и содействие его совершению, предусмотренного статьей 110.1 УК РФ, совершенно не продумано. Оно не согласовано с наказаниями смежного ему состава преступления – доведения до самоубийства, предусмотренного статьей 110 УК РФ. За склонение к самоубийству и содействие его совершению, повлекшее самоубийство или покушение на самоубийство, при отсутствии квалифицирующих признаков установлено более строгое наказание, чем за доведение до самоубийства, без тех же признаков. При их наличии, наоборот, более строгое наказание предусмотрено за доведение до самоубийства. Равное наказание возможно лишь в случае результата преступного посягательства в виде самоубийства двух и более лиц.

В целом, анализ наказания в виде лишения свободы в статьях 110 и 110.1 УК РФ показал, что его регламентация абсолютно лишена логики, не говоря уже о системности, последовательности и согласованности, и значит, требует своей серьезной доработки.

Включение в УК РФ статьи 110.2 также было обусловлено необходимостью изменения криминальной обстановки, связанной с деятельностью организованного распространения информации о самоубийствах, способах его совершения, действий, провоцирующих на самоубийство несовершеннолетних, особенно в социальных сетях, которые под различными предложениями активно стали осуществлять различные группы. Препятствием к привлечению к ответственности их создателей и участников являлись способы доведения до самоубийства, установленные в статье 110 УК РФ, представленные в норме исчерпывающим

образом. В связи с чем задержания администраторов и координаторов таких групп носили единичный характер, а судебная практика по таким делам фактически отсутствовала [6, с. 129]. Одним из известных создателей одной из таких групп стал Ф. Будейкин, который летом 2017 г. Тобольским районным судом Тюменской области за доведение и склонение к самоубийству подростков по двум эпизодам в 2016 г. был осужден по статье 110 УК РФ и проговорен к лишению свободы сроком три года четыре месяца [7]. Для установления и противодействия администраторам и координаторам «групп смерти» в МВД РФ была специально сформирована специальная рабочая группа. С введением в закон новой нормы положение улучшилось. По некоторым данным, в 2017 г. было раскрыто 1400 таких преступлений, выявлено 12 тысяч пользователей, возбуждено 234 уголовных дела, обнаружено в социальных сетях свыше 200 тысяч публикаций о суицидах [8, с. 3].

В отличие от составов преступлений, предусмотренных статьями 110 и 110.1 УК РФ, в основных составах которых предусмотрены альтернативные виды наказаний, в статье 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства) в качестве основного наказания предусмотрено только лишение свободы. В части 1 статьи 110.2 УК РФ оно определено сроком *от пяти до десяти лет*, в части 2 – *от пяти до пятнадцати лет*.

В анализируемом исследовании обращает на себя внимание одинаковый минимальный срок наказания – пять лет лишения свободы и строгость максимального наказания – до 10 лет по основному составу преступления и до 15 – по квалифицированному. Таким образом, уже основной состав преступления отнесен к категории тяжких преступлений, а квалифицированный – к категории особо тяжких, притом что ни тот, ни другой не требуют наступления каких-либо последствий. За доведение до самоубийства без отягчающих обстоятельств, например, в случае наступления смерти потерпевшего, максимальным наказанием предусмотрено всего *шесть лет* лишения свободы, что существенно более ниже 10 лет (как в части 1 статьи 110.2 УК РФ). Получается, что минимальный срок лишения свободы за организацию деятельности, направленной на побуждение к самоубийству, не требующей даже покушения на самоубийство, определенный в *пять лет*, приближен к границе максимально строгого наказания за доведение до самоубийства, в том числе повлекшего смерть потерпевшего. Конечно, обосновать такой подход к установлению строгости наказания по статье 110.2 УК РФ можно охватом или воздействием на неопределенно широкий круг

лиц, размахом указанной в норме деятельности и созданием тем самым угрозы причинения смерти многим лицам. Однако лишь угрозу жизни признать равной или большей по опасности по сравнению с реально наступившей смертью хотя бы одного лица видится неверным, что демонстрируется наказаниями за другие преступления. Например, за угрозу убийством максимально строгое наказание определено в два года лишения свободы (часть 1 статьи 119 УК РФ), тогда как за убийство – от шести до пятнадцати лет (часть 1 статьи 105 УК РФ). Угроза убийством в отношении двух и более лиц предполагает то же наказание, тогда как убийство двух и более лиц (пункт «а» части 2 статьи 105 УК РФ) уже предусматривает возможность назначения пожизненного лишения свободы. Таким образом, наказания, установленные в статье 110.2 УК РФ, также представляются не обоснованными, в частности, чрезмерно строгими и не согласованными со статьей 110 УК РФ, а также с частью 4 статьи 110.1 УК РФ, то есть в случаях совершения самоубийства потерпевшего или покушения на самоубийство.

Итак, анализ наказания в виде лишения свободы за преступления, связанные с доведением, склонением, содействием самоубийству, а также организацию деятельности, направленной на побуждение к его совершению, не систематизированы. Создается впечатление их совершенно произвольного, непродуманного и необоснованного установления. Основные недостатки регламентации наказания в виде лишения свободы за рассмотренные преступления усматриваются в следующем:

- установлении равного наказания за доведение до самоубийства и покушение на него, поскольку слишком различна тяжесть таких последствий;
- нелогичности установления различных сроков наказания за склонение к самоубийству и содействие его совершению;
- более высокой общественной опасности способов доведения до самоубийства (статья 110 УК РФ), чем склонении к его совершению или содействии его совершению (статья 110.1 УК РФ), однако установление более строго наказания при наступлении одинаковых последствий от этих преступлений за менее опасное преступление, что лишено логики;
- фактическом оставлении без оценки вреда здоровью потерпевшего в случае покушения на самоубийство;
- непродуманности определения размеров наказания за совершение состава преступления, предусмотренного статьей 110.2 УК РФ, их

чрезмерной строгости при отсутствии последствий в виде самоубийства или покушения на него;

– отсутствию альтернативных наказаний лишению свободы в статье 110.2 УК РФ, что неизбежно приведет к назначению лишения свободы условно.

Для исправления выявленных недостатков следует: 1) разделить регламентированное в части 1 статьи 110 УК РФ деяние на два самостоятельных с различными последствиями и установлением дифференцированной ответственности; 2) скорректировать наказание в виде лишения свободы в статьях 110–110.2 УК РФ, согласовав его размеры исходя из различий в общественной опасности этих деяний; 3) установить в качестве квалифицирующего признака наступления от покушения на самоубийство вреда здоровью потерпевшего (по меньшей мере – тяжкого), что позволит при назначении наказания учесть тяжесть наступивших последствий для здоровья потерпевшего.

Список литературы

1. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 24 с.
2. Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.
3. Галимов Р.Р. К вопросу об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник ВЭГУ. 2014. № 2 (70). С. 24–29.
4. Цыркалюк А.А. О природе доведения до самоубийства // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 3 (95). С. 249–251.
5. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2. № 4. С. 168–175.
6. Жирнов А.Д. О социальной обусловленности установления уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 3. С. 128–131. DOI 10.25586/RNU.V9276.18.04.P.128.
7. Мационг Е. Для Лиса игра закончилась // Российская газета. 2017. 19 июля.
8. Фалалеев М. В «Группы смерти» прием закрывается // Российская газета. 2017. 9 окт.

Поступила в редакцию 17.06.2018 г.

Отрецензирована 23.07.2018 г.

Принята в печать 28.08.2018 г.

Информация об авторе

Пантюхина Инга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и процесса. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация. E-mail: i.pantuyuhina@rsu.edu.ru

Для цитирования

Пантюхина И.В. Вопросы регламентации отдельных признаков преступлений, предусмотренных статьями 110–110.2 УК РФ, и наказания за их совершение // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 45–57. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-45-57.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-45-57

**THE ISSUES OF SEPARATE SIGNS REGULATION
OF THE CRIMES PROVIDED BY ARTICLES 110–110.2
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION,
AND PUNISHMENT FOR COMMITTING THEM**

I.V. Pantyukhina

Ryazan State University named for S. Yesenin
46 Svobody St., Ryazan 390000, Russian Federation
E-mail: i.pantuyuhina@rsu.edu.ru

Abstract. Incitement to suicide, abetment of suicide, assisted suicide, facilitation of its commission, as well as the organization of activities aimed at inducing suicide are related offences. Their research has allowed to reveal some shortcomings of their designs and to offer measures for their elimination. In related crimes should be agreed upon their sanctions. Analysis of the penalty of imprisonment established in the sanctions of article 110–110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation has shown to reveal the lack of harmonization of sanctions for those norms. In the crimes provided for in articles 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, when the same consequences occur, a more lenient punishment is established for a more dangerous crime. If there are qualifying signs in a more dangerous crime, the punishment becomes more severe or equal to the punishment established for a less dangerous act with such signs. The organization of actions aimed at inducing suicide does not require the onset of consequences. However, the punishment for its commission is equivalent to inducing suicide or facilitating its commission in the event of consequences. In the presence of aggravating circumstances, the punishment equal to the punishment, which is defined in the qualified formulations of article 110–110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: incitement to suicide; abetment of suicide; assisted suicide; qualifying sign; sanction; term of punishment; imprisonment

References

1. Ukolova Y.A. *Problemy kvalifikatsii dovedeniya do samoubiystva kak prestupnogo deyaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of Qualification of Bringing to

- Suicide as a Criminal Act. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2008, 24 p. (In Russian).
2. Tsyorkalyuk A.A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za dovedeniye do samoubiystva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Liability for Incitement to Suicide. Cand. jurid. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011, 23 p. (In Russian).
  3. Galimov R.R. K voprosu ob ugolovnoy otvetstvennosti za dovedeniye do samoubiystva [Towards the problem of criminal liability for incitement to suicide]. *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-uridicheskoy gumanitarnoy Akademii – Vestnik VEGU*, 2014, no. 2 (70), pp. 24-29. (In Russian).
  4. Tsyorkalyuk A.A. O prirode dovedeniya do samoubiystva [On nature of incitement to suicide]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 3 (95), pp. 249-251. (In Russian).
  5. Dubovichenko S.V., Karlov V.P. Novelly ugolovnogo zakonodatel'stva o prestupleniyakh protiv zhizni: kriticheskiy analiz [Novelties of criminal legislation on crimes against life: critical analysis]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 168-175. (In Russian).
  6. Zhirnov A.D. O sotsial'noy obuslovlennosti ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za skloneniye k soversheniyu samoubiystva ili sodeystviye soversheniyu samoubiystva [Social conditionality of criminal liability for inducement to commit suicide or assistance in committing suicide]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo – Vestnik of Russian New University. Series "Human and Society"*, 2018, no. 3, pp. 128-131. DOI 10.25586/RNU.V9276.18.04.P.128 (In Russian).
  7. Matsiong E. Dlya Lisa igra zakonchilas' [For the Fox the game is over]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Newspaper*, 2017, 19 July.
  8. Falaleyev M. V «Gruppy smerti» priyem zakryvayetsya [In “Groups of death” reception is closed]. *Rossiyskaya gazeta – Russian Newspaper*, 2017, 9 October.

Received 17 June 2018

Reviewed 23 July 2018

Accepted for press 28 August 2018

Information about the author

Pantyukhina Inga Vladimirovna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Head of Criminal Law and Process Department. Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation. E-mail: i.pantuyhina@rsu.edu.ru

For citation

Pantyukhina I.V. Voprosy reglamentatsii otel'nykh priznakov prestupleniy, predusmotrennykh stat'yami 110–110.2 UK RF, i nakazaniya za ikh soversheniye [Issues of legislative consolidation of the individual signs of the crimes provided by articles 110–110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation and punishment for committing them]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 45-57. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-45-57. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Ларина Л.Ю., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-58-68

УДК 343.346

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Л.Ю. Ларина

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, 46
E-mail: l.larina@rsu.edu.ru

Аннотация. Исследование проблем законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение требований транспортной безопасности обусловлено необходимостью ее обеспечения как части национальной безопасности. Цель исследования – выявить недостатки законодательной конструкции статьи 263.1 УК РФ, препятствующие ее эффективному применению на практике, и предложить пути их преодоления. В исследовании на основе сопоставления содержания статьи 263.1 УК РФ с нормами Федерального закона «О транспортной безопасности» и постановлениями Правительства Российской Федерации проанализированы отдельные бланкетные признаки состава нарушения требований транспортной безопасности. В результате исследования выявлены недостатки законодательной конструкции статьи 263.1 УК РФ, обоснована необходимость ее корректировки, сформулированы предложения по изменению отдельных признаков и санкций статьи 263.1 УК РФ. В частности, аргументировано предложение об изменении санкции части 1 статьи 263.1 УК РФ в связи с несогласованностью с санкцией части 1 статьи 118 УК РФ. Кроме того, предложено расширить круг субъектов преступления, предусмотренного частью 2 статьи 263.1 УК РФ.

Ключевые слова: транспортная безопасность; преступление; нарушение требований; уголовная ответственность; санкция

Обеспечение транспортной безопасности осуществляется различными способами, в том числе уголовно-правовыми. Наличие в уголовном законе норм, охраняющих транспортную безопасность, исторически обусловлено [1]. В действующем УК РФ транспортная безопасность охраняется посредством различных норм, как общих, так и специальных. К числу последних следует отнести статью 263.1 УК РФ. С момента ее введения она применяется крайне редко. По официальным статистическим данным судебного департамента при Верховном суде Российской

Федерации, количество осужденных по данной статье за 2012 и 2016 гг. составило 0 человек; за 2013, 2014, 2015, 2017 гг. – по 2 человека ежегодно¹. Столь редкое применение может быть объяснимо тем, что сами требования, нарушение которых влечет уголовную ответственность, длительное время Правительством Российской Федерации не принимались. Однако только наличие в УК РФ данной нормы выступает фактором, сдерживающим лиц от преступных посягательств в указанной сфере. При этом конструкция статьи 263.1 УК РФ имеет некоторые недостатки, создающие препятствия для ее применения на практике.

Рассматриваемая статья объединяет в себе два основных состава, различающихся по признакам деяния (неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности и неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности), и субъекта. В обоих случаях объективная сторона характеризуется наличием последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью или крупного ущерба, а субъективная сторона – виной в форме неосторожности.

В первую очередь необходимо разобраться с толкованием различающихся деяний. В части 1 статьи 263.1 УК РФ речь идет о неисполнении требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах. Указанная норма носит бланкетный характер, отсылая при его уяснении к Федеральному закону «О транспортной безопасности».

В соответствии с пунктом 1.2 статьи 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» соблюдение транспортной безопасности – это выполнение физическими лицами, следующими либо находящимися на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средствах, требований, установленных Правительством Российской Федерации. Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 2014 г. № 1208 (в ред. от 03.10.2015) «Об утверждении требований по соблюдению транспортной безопасности для физических лиц, следующих либо находящихся на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средствах, по видам транспорта» закреплены три обязанности и девять запретов совершать определенные действия для указанных лиц. Таким образом, в части 1 статьи 263.1 УК РФ предусмотрена ответственность за деяние в форме неисполнения физическими лицами, следующими либо находящимися на объектах транс-

---

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 06.08.2018).

портной инфраструктуры или транспортных средствах, обязанностей и запретов, установленных вышеуказанным постановлением Правительства. Получается, что субъект рассматриваемого преступления специальный – лицо, следующее либо находящееся на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных средствах. Этот вывод не позволяет нам согласиться с мнением А.И. Коробеева, который полагает, что в данной норме речь идет об общем субъекте [2, с. 186].

В части 2 статьи 263.1 УК РФ закреплена норма об ответственности за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. В силу пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О транспортной безопасности» под обеспечением транспортной безопасности понимается реализация определяемой государством системы правовых, экономических, организационных и иных мер в сфере транспортного комплекса, соответствующих угрозам совершения актов незаконного вмешательства. В статье 8 указанного закона ведется речь о трех группах требований к обеспечению транспортной безопасности:

- требования по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требования к антитеррористической защищенности объектов (территорий), для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств (являются обязательными для исполнения субъектами транспортной инфраструктуры и перевозчиками);
- требования по обеспечению транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры на этапе их проектирования и строительства (являются обязательными для исполнения застройщиками объектов транспортной инфраструктуры);
- требования по обеспечению транспортной безопасности объектов (зданий, строений, сооружений), не являющихся объектами транспортной инфраструктуры и расположенных на земельных участках, прилегающих к объектам транспортной инфраструктуры и расположенных в границах охранных зон таких объектов транспортной инфраструктуры (являются обязательными для исполнения юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами, являющимися собственниками либо владеющими указанными объектами (зданиями, строениями, сооружениями) на ином законном основании).

Исходя из того, что в статье 263.1 УК РФ речь идет лишь об обеспечении транспортной безопасности объектов транспортной инфраструктуры, то неисполнение требований, указанных в последнем пунк-

те, то есть на прилегающих к объектам транспортной инфраструктуры зданиях, сооружениях и строениях, не влечет уголовной ответственности. Такой подход к законодательному конструированию рассматриваемого состава представляется необоснованным, поскольку ограничивает круг охраняемых объектов. В итоге это может привести к незащищенности объектов транспортной инфраструктуры.

В части 1 и части 2 статьи 263.1 УК РФ законодатель использует понятие «неисполнение», буквальное толкование которого предполагает полный отказ от совершения тех обязанностей, которые возложены на лицо. Поскольку при конструировании многих норм законодатель использует формулировку «неисполнение или ненадлежащее исполнение...», то отсутствие указания на ненадлежащее исполнение исключает уголовную ответственность по статье 263.1 УК РФ, что необоснованно сужает границы рассматриваемой нормы. Кроме того, понятие «неисполнение» предполагает, как правило, пассивное поведение (бездействие). В то же время рассматриваемые преступления, как справедливо отмечается отдельными исследователями, могут быть совершены активными действиями, например, путем совершения запрещенных действий [3, с. 69]. Поэтому более точным с точки зрения юридической техники представляется использование вместо слова «неисполнение» слова «нарушение», как это указано в наименовании статьи. Это позволит привлекать к уголовной ответственности в случаях неисполнения возложенных обязанностей и совершения запрещенных действий, которые в совокупности представляют собой требования.

Субъектом неисполнения требований по обеспечению безопасности на объектах транспортной инфраструктуры является лицо, ответственное за обеспечение транспортной безопасности. Н.И. Пикуров обоснованно разделяет субъектов данного преступления на две категории: лица, ответственные за обеспечение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, и лица, ответственные за обеспечение безопасности на транспорте [4, с. 114]. В постановлениях Правительства Российской Федерации, закрепляющих соответствующие требования, прямо указано на то, что лицо, ответственное за обеспечение транспортной безопасности, назначить обязан субъект транспортной инфраструктуры². В качестве последних выступают, согласно

---

² Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий метрополитенов: постановление Правительства РФ от 05.04.2017 № 410 // СЗ РФ. 2017. № 15 (Ч. VII).

пункту 9 статьи 1 Федерального закона «О транспортной безопасности», юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица, являющиеся собственниками объектов транспортной инфраструктуры и (или) транспортных средств или использующие их на ином законном основании. Из смысла указанных норм следует, что субъектами преступления, предусмотренного частью 2 статьи 263.1 УК РФ, могут быть только лица, которые назначены ответственными в установленном законом порядке.

Однако в случае, если такое лицо по каким-либо причинам назначено не будет, то юридические лица, индивидуальные предприниматели и физические лица, являющиеся собственниками объектов транспортной инфраструктуры и (или) транспортных средств или использующие их на ином законном основании, которые должны были такое лицо назначить, не могут нести ответственность по данной статье. Это, конечно, не означает, что такие лица совсем не подлежат уголовной ответственности. Они могут нести ответственность по общеуголовным составам, например, по статье 109 или статье 118 УК РФ. Однако при этом уже не сможет быть учтено, что такое деяние посягает на транспортную безопасность. Поэтому представляется необходимым расширить круг субъектов преступления, предусмотренного частью 2 статьи 263.1 УК РФ, включив в него руководителя юридического лица или физическое лицо, являющихся собственниками объектов транспортной инфраструктуры и (или) транспортных средств или использующие их на ином законном основании.

Стоит отметить, что в судебной практике встречаются сложности с определением субъекта данного преступления. Так, Л., являющаяся

Ст. 2236; О требованиях по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требованиях к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта: постановление Правительства РФ от 16.07.2016 № 678 // СЗ РФ. 2016. № 31. Ст. 5012; Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств железнодорожного транспорта: постановление Правительства РФ от 26.04.2017 № 495 // СЗ РФ. 2017. № 19. Ст. 2835; Об утверждении требований по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта: постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 886. Доступ из СПС Гарант.

проводником поезда, осуждена за то, что в нарушение Инструкции проводнику пассажирского вагона допустила высадку провожающих граждан на ходу поезда, при этом не предприняв никаких действий по остановке поезда, в результате чего один человек погиб. Суд квалифицировал действия Л. как неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах лицом, ответственным за обеспечение транспортной безопасности, если это деяние повлекло по неосторожности смерть человека³. При этом, как следует из приговора, суд не устанавливал факт того, что в соответствии с Федеральным законом «О транспортной безопасности» на Л. была возложена ответственность за обеспечение транспортной безопасности. Как следует из указанного закона, требования транспортной безопасности закрепляются в постановлениях Правительства Российской Федерации. В приговоре же нет ссылок на подобные акты. При таких обстоятельствах вывод суда о квалификации действий Л. по статье 263.1 УК РФ представляется ошибочным.

В научной литературе обоснованно обращается внимание на существенный недостаток конструирования квалифицированных составов нарушения требований транспортной безопасности в части установления ответственности за совершения указанных деяний группой лиц по предварительному сговору и организованной группой [5, с. 49; 6, с. 28; 7, с. 11]. Поскольку рассматриваемые преступления являются неосторожными, а соучастие возможно только в умышленных преступлениях, то, очевидно, указание на возможность совершения данного преступления в соучастии является ошибочным и требует исключения из частей 3 и 4 статьи 263.1 УК РФ.

Рассматриваемая статья выступает специальной по отношению к статьям 118 и 109 УК РФ. При этом следует обратить внимание на некоторую несогласованность санкций этих норм. Санкции части 1 статьи 118 и части 1 статьи 263.1. УК РФ в части самого мягкого вида наказания (штрафа) абсолютно идентичны. В остальном же имеются существенные различия. Так, например, общая норма о причинении тяжкого вреда здоровью человека по неосторожности (часть 1 статьи 118 УК РФ) предусматривает максимальное наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет. В санкции специальной нормы (часть 1

---

³ Приговор Кировского районного суда г. Саратов от 07.07.2014 по уголовному делу № 1-198/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/MYJUnTW973JQ/> (дата обращения: 06.08.2018).

статьи 263.1 УК РФ) в качестве максимального наказания предусматривается ограничение свободы на срок до одного года, то есть второе ниже. При этом санкция части 1 статьи 118 УК РФ содержит альтернативные виды наказаний (обязательные и исправительные работы). Очевидно, что вводя отдельную норму (статья 263.1 УК РФ), законодатель стремился усилить ответственность за специальный вид причинения вреда здоровью по неосторожности. В научной литературе обоснованно отмечается, что «основным предназначением мер безопасности на транспорте является предупреждение актов внешнего вмешательства в работу транспортной инфраструктуры и движение транспорта» [8, с. 13]. Нарушение транспортной безопасности может повлечь затруднения в движении транспорта, срыв системы транспортных рейсов, опоздание людей, несвоевременную доставку грузов и т. п. Очевидно, что при таком законодательном подходе те лица, которые причинили тяжкий вред здоровью по неосторожности в результате неисполнения требований по соблюдению транспортной безопасности, находятся в привилегированном положении.

Стоит отметить, что если речь идет о причинении смерти в результате того же деяния (часть 3 статьи 263.1 УК РФ), то законодатель существенным образом усиливает ответственность по сравнению с частью 1 статьи 109 УК РФ.

Если смоделировать ситуацию, в которой преступление, предусмотренное частью 1 статьи 263.1 УК РФ, совершит иностранный гражданин, то санкция этой нормы вообще теряет альтернативность и может влечь лишь наказание в виде штрафа. Как указывает Конституционный суд Российской Федерации, «федеральный законодатель, принимая решение о криминализации деяния, обязан учитывать типовую оценку его общественной опасности и, если отдельные признаки преступления свидетельствуют о том, что степень его общественной опасности существенно изменяется по сравнению с типовой оценкой, провести – в силу принципа справедливости – дифференциацию уголовной ответственности с тем, однако, чтобы при этом не нарушались принципы равенства и правовой определенности»⁴. Причем законодатель «обязан соблюдать конституционные принципы необходимости, пропорциональности, соразмерности, справедливости и правовой

---

⁴ По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: постановление Конституционного суда РФ от 25.04.2018 № 17-П // СЗ РФ. 2018. № 19. Ст. 2812.

безопасности как при криминализации того или иного деяния, так и в вопросах его пенализации»⁵. Продемонстрированный законодателем подход в санкции части 1 статьи 263.1 УК РФ идет в разрез с конституционными принципами равенства и справедливости, а также с требованием соразмерности уголовно-правовой репрессии совершенному преступному деянию.

Таким образом, законодательная конструкция статьи 263.1 УК РФ имеет ряд недостатков юридико-технического характера. Их устранение позволит повысить защищенность транспортной безопасности и усилить эффективность применения рассматриваемой статьи.

Список литературы

1. *Рязанов Н.С.* Развитие уголовного законодательства об ответственности за преступления в области транспортной безопасности в дореволюционный и советский периоды // *Актуальные проблемы государства и права.* 2017. Т. 1. № 2. С. 60-73.
2. *Коробеев А.И.* Транспортные преступления и транспортная преступность. М.: Юрлитинформ, 2015. 486 с.
3. *Годунов О.И.* К вопросу о новеллах уголовной ответственности за нарушение требований в области транспортной безопасности // *Научный поиск.* 2014. № 3.2. С. 67-71.
4. *Пикуров Н.И.* Квалификация транспортных преступлений. М.: РАП, 2011. 168 с.
5. *Иванов В.Д., Бохан А.П.* Критический анализ изменений, внесенных Федеральным законом от 03.02.2014 № 15-ФЗ в статью 263.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение требований в области транспортной безопасности» // *Юрист-Правовед.* 2015. № 2 (69). С. 45-49.
6. *Линкевич А.Е.* Некоторые спорные аспекты конструирования и квалификации преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта // *Евразийская адвокатура.* 2017. № 2 (27). С. 26-30.
7. *Пожарский А.Ю.* Система норм о транспортных преступлениях (становление и развитие): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 224 с.
8. *Атоян Г.Г.* Уголовно-правовой анализ преступлений, затрудняющих нормальное функционирование транспортных средств // *СМАЛЬТА.* 2015. № 1. С. 12-14.

Поступила в редакцию 08.08.2018 г.

Отрецензирована 16.08.2018 г.

Принята в печать 28.08.2018 г.

---

⁵ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: постановление Конституционного суда РФ от 10.02.2017 № 2-П // *СЗ РФ.* 2017. № 9. Ст. 1422.

Информация об авторе

Ларина Любовь Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета. Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация. E-mail: l.larina@rsu.edu.ru

Для цитирования

Ларина Л.Ю. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение требований транспортной безопасности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 58-68. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-58-68.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-58-68

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR TRANSPORT SECURITY REQUIREMENTS VIOLATION

L.Y. Larina

Ryazan State University named for S. Yesenin
46 Svobody St., Ryazan 390000, Russian Federation
E-mail: l.larina@rsu.edu.ru

Abstract. The study of the problems of legislative regulation of criminal responsibility for transport security requirements violation is due to the necessity to ensure it as part of national security. The purpose of the study is to identify the shortcomings of the legislative structure of article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, preventing its effective application in practice, and suggest ways to overcome them. In the research on the basis of comparison of the content of article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation with the norms of the Federal Law “On transport security” and Decrees of the government of the Russian Federation analyzed some blank signs of transport security requirements violation. In the study we identify deficiencies of the legislative construction of article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the necessity of its correction, and formulate proposals for changing the individual characteristics and the sanctions of article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. In particular we discuss the proposal to change the sanctions of part 1 of article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the inconsistency with the sanction of part 1 of article 118 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, it is proposed to expand the range of subjects of crime under part 2 of article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: transport security; crime; requirements violation; criminal responsibility; sanction

References

1. Ryazanov N.S. Razvitie ugolovnogogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestupleniya v oblasti transportnoy bezopasnosti v dorevolutsionnyy i sovetskiy periody [The development of criminal legislation on responsibility for crimes in the area of transport security in the pre-revolutionary and Soviet periods]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 60-73. (In Russian).
2. Korobeyev A.I. *Transportnyye prestupleniya i transportnaya prestupnost'* [Transport Crimes and Transport Criminality]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015, 486 p. (In Russian).
3. Godunov O.I. K voprosu o novellakh ugolovnoy otvetstvennosti za narusheniye trebovaniy v oblasti transportnoy bezopasnosti [To the question about the novelties of criminal responsibility for violation of requirements in the field of transport security]. *Nauchnyy poisk* [Scientific Search], 2014, no. 3.2, pp. 67-71. (In Russian).
4. Pikurov N.I. *Kvalifikatsiya transportnykh prestupleniy* [Qualifications Traffic Offenses]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ, 2011, 168 p. (In Russian).
5. Ivanov V.D., Bokhan A.P. Kriticheskiy analiz izmeneniy, vnesennykh Federal'nym zakonom ot 03.02.2014 № 15-FZ v stat'yu 263.1 Ugolovnogogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii «Narusheniye trebovaniy v oblasti transportnoy bezopasnosti» [Critical analysis of the changes made by the Federal Law № 15-FZ, 03.02.2014, to the article 263.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Violation of the requirements in the field of transport security”]. *Yurist’-Pravoved” – Jurist-Pravoved*, 2015, no. 2 (69), pp. 45-49. (In Russian).
6. Linkevich A.E. Nekotoryye spornyye aspekty konstruirovaniya i kvalifikatsii prestupleniy protiv bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii transporta [Some controversial aspects of designing and the qualification of crimes against traffic safety and transport operation]. *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*, 2017, no. 2 (27), pp. 26-30. (In Russian).
7. Pozharskiy A.Y. *Sistema norm o transportnykh prestupleniyakh (stanovleniye i razvitiye): dis. ... kand. jurid. nauk* [System of Norms on Transport Crimes (Formation and Development). Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2016, 224 p. (In Russian).
8. Atoyan G.G. Ugolovno-pravovoy analiz prestupleniy, zatrudnyayushchikh normal'noye funktsionirovaniye transportnykh sredstv [Criminal legal analysis of crimes that impede the normal operation of vehicles]. *SMALTA*, 2015, no. 1, pp. 12-14. (In Russian).

Received 8 August 2018

Reviewed 16 August 2018

Accepted for press 28 August 2018

Information about the author

Larina Lyubov Yuryevna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Dean of Law Faculty. Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation.
E-mail: l.larina@rsu.edu.ru

For citation

Larina L.Y. Problemy zakonodatel'noy reglamentatsii ugovnoy otvetstvennosti za naru-sheniye trebovaniy transportnoy bezopasnosti [Problems of legal regulation of criminal re-sponsibility for transport security requirements violation]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 58-68. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-58-68. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Горюнова Т.А., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-69-77

УДК 349.41

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ЗЕМЕЛЬНЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

Т.А. Горюнова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: www.goryunova90@mail.ru

Аннотация. Исследованы проблемы возмещения ущерба, причиненного земельными правонарушениями в результате хозяйственной деятельности субъектами экономических правоотношений. Выделены гражданско-правовая ответственность и административная ответственность. Подчеркнута необходимость правового регулирования механизма взыскания ущерба за причинение вреда плодородию земель сельскохозяйственного назначения. Рассмотрены вопросы доказывания ущерба административными органами, возможность взыскания одновременно возмещения ущерба в натуре и денежном выражении. Проанализирована правоприменительная практика по взысканию ущерба за причинение вреда землям сельскохозяйственного назначения. Отмечено, что органы государственной власти часто подменяют понятия «загрязнение окружающей среды», «вред окружающей среде», «последствия загрязнения земельных участков», что подтверждает необходимость четкого толкования понятий. Подчеркнуто, что действия административных органов по взысканию ущерба за причинение вреда окружающей среде должны быть четко регламентированными нормативными актами, исключая двоякое толкование. Обоснован вывод, что взыскать ущерб административные органы могут только при наличии совокупности следующих обстоятельств: противоправности действий; наличии самих убытков; причинно-следственной связи между неправомерным действием и возникновением убытков; отсутствии возмещения вреда в натуре. Предложено законодательное закрепление порядка отбора проб земли для правильного и точного расчета ущерба.

Ключевые слова: земельное правонарушение; причинно-следственная связь; вина; убытки; ущерб

Проблема возмещения ущерба, причиненного земельными правонарушениями, является значимой и актуальной в свете развития современной экономики в сфере сельского хозяйства. Возмещение ущерба осложнено тем, что нет законодательного закрепления понятия «зе-

мельное правонарушение», не утвержден порядок взыскания ущерба, не сформирован единый подход в правоприменительной практике при вынесении решений о взыскании ущерба с хозяйствующих субъектов.

Основной ценностью земель сельскохозяйственного назначения является их плодородие. Плодородие земель сельхозназначения – способность почвы удовлетворять потребность сельскохозяйственных культурных растений в питательных веществах, воздухе, воде, тепле, биологической и физико-химической среде и обеспечивать урожай сельскохозяйственных культурных растений¹.

В Европейском союзе вред, ущерб окружающей среде определяется как «любое имевшее место значительное ухудшение состояния окружающей среды с точки зрения физических, химических или биологических свойств, которое не рассматривается как имущественный ущерб»².

Негативное воздействие на земли сельскохозяйственного назначения оказывается сельскохозяйственными товаропроизводителями, в том числе в процессе производственной деятельности (внесение удобрений, агрохимикатов и т. д.).

Ущерб, причиненный земельным правонарушением, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в соответствии с нормами, в том числе земельного и гражданского права. Статьей 76 Земельного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что юридические лица, граждане обязаны возместить в полном объеме вред, причиненный в результате совершения ими земельных правонарушений.

В соответствии со статьей 62 Земельного кодекса Российской Федерации убытки, в том числе упущенная выгода, причиненные нарушением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, подлежат возмещению в полном объеме в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Одним из видов привлечения к ответственности за нарушение земельного законодательства является гражданско-правовая ответственность, то есть возмещение ущерба в натуре либо денежном выражении.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации вред, причиненный имуществу юридического

---

¹ О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3399.

² Директива Совета Европейских Сообществ 84/631/ЕЭС от 06.12.1984 о надзоре и контроле за трансграничным перемещением опасных отходов в пределах Сообщества. Доступ из СПС Гарант.

лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Согласно пункту 1 статьи 15 ГК РФ, лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере.

Согласно пункту 2 статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации, под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

По мнению С.Л. Дегтярева, закрепление в законе понятия убытков через оценочные категории придает этому правовому явлению свойство «необходимости доказывания», поскольку невозможно говорить о наличии у лица убытков, недоказанных с соблюдением требований норм процессуального права, иначе они не приобретают правового (юридического) значения, а остаются понятием экономическим (обыденным), лишенным всякого правового смысла. Необходимость доказывания убытков всегда связана с такими оценочными категориями, как «разумные расходы», «разумные сроки», «разумная цена», «обычные условия гражданского оборота» и т. д. [1, с. 39].

Также, по общим правилам, лицо, требующее возмещения убытков, обязано доказать: противоправность действий; наличие самих убытков; причинно-следственную связь между неправомерным действием и возникновением убытков; вину.

Одна из проблем взыскания ущерба административными органами связана с тем, что очень сложно определить субъект правонарушения, так как земельный участок передается в аренду, субаренду на короткий срок. Соответственно, виновное лицо установить практически невозможно.

Привлечение лица к административной ответственности не является подтверждением вины при предъявлении гражданского иска о взыскании ущерба за нарушение плодородия земель сельскохозяйственного назначения. Данный вывод подтверждается анализом судебной практики³.

---

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.04.2018 № Ф05-4712/2018 по делу № А40-107819/2017. Доступ из ИС Картотека арбитраж-

Определение наличия самих убытков, причинно-следственной связи между неправомерным действием и возникновением убытков осложнено отсутствием правового регулирования механизма взыскания ущерба за причинение вреда плодородию земель сельскохозяйственного назначения.

В статье 1 Федерального закона «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» указано, что под плодородием земель сельскохозяйственного назначения следует понимать способность почвы удовлетворять потребность сельскохозяйственных культурных растений в питательных веществах, воздухе, воде, тепле, биологической и физико-химической среде и обеспечивать урожай сельскохозяйственных культурных растений⁴.

Из содержания указанной нормы следует, что обязательным признаком причинения вреда плодородию земель сельскохозяйственного назначения является не только негативное воздействие на нее, но и наличие последствий в виде деградации естественных экологических систем и истощение природных ресурсов.

Административные органы государственной власти при подсчете размера причиненного ущерба применяют Методику исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды⁵.

Из проведенного анализа судебной практики следует, что при предъявлении требований хозяйствующим субъектам о взыскании ущерба органы государственной власти подменяют понятия «загрязнение окружающей среды», «вред окружающей среде», «последствия загрязнения земельных участков»⁶, что негативно сказывается на формировании судебного прецедента по данной проблеме.

ных дел; Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 28.06.2017 по делу № 33-6697/2017. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁴ О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3399.

⁵ Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды: приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238. Зарегистрировано в Минюсте РФ 07.09.2010. Доступ из СПС Гарант.

⁶ Решение Арбитражного суда Тамбовской области от 04.05.2018 по делу № А64-8860/2017. Доступ из ИС Картотека арбитражных дел.

В настоящее время судебная практика в сфере взыскания ущерба противоречива, нет единого мнения и подхода при вынесении решений.

Так, в постановлении Арбитражного суда Центрального округа указано, что позиция судов, ссылающихся только на Методику исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды, утвержденную приказом Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 неправильно, так как формула исчисления вреда, по которой учитываются лишь показатели «площадь и глубина химического загрязнения», «степень», «категория земель» и «целевое использование земельного участка», но не учитывается устойчивость загрязнения, не должна являться единственным доказательством причинения вреда и основанием для взыскания ущерба⁷.

Таким образом, факт наличия вреда не является основанием для взыскания ущерба с лица, причинившего вред плодородию земельного участка. Необходимо доказать с помощью экспертизы, анализов проб земли, специалистов в соответствующей области, иными способами устойчивый негативный вред, который в последующем отразился на выращивании сельскохозяйственных культур.

Так, согласно пункту 7 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, по смыслу статьи 1064 ГК РФ, статьи 77 Закона об охране окружающей среды, лицо, которое обращается с требованием о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, представляет доказательства, подтверждающие наличие вреда, обосновывающие с разумной степенью достоверности его размер и причинно-следственную связь между действиями (бездействием) лица, и причиненным вредом⁸.

В пункте 6 указанного Постановления определено, что «основанием для привлечения лица к имущественной ответственности является причинение им вреда, выражающееся в негативном изменении состояния окружающей среды, в частности ее загрязнении, истощении, порче, уничтожении природных ресурсов, деградации и разрушении естественных экологических систем, гибели или повреждении объектов

---

⁷ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 31.05.2016 № Ф10-1372/2016 по делу № А64-1443/2015. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

⁸ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 // Российская газета. 2017. 11 дек.

животного и растительного мира и иных неблагоприятных последствиях (статьи 1, 77 Закона об охране окружающей среды)»⁹.

Таким образом, для взыскания компенсации вреда за нарушение плодородного слоя земель сельскохозяйственного назначения необходимо установление факта наличия указанного вреда, а именно наличия последствий загрязнения окружающей среды в виде деградации естественных экологических систем и истощения природных ресурсов и т. д. Например, невозможность выращивания сельскохозяйственных культур или иные необратимые последствия.

Наличие негативных последствий возможно зафиксировать по истечении какого-либо периода времени. Соответственно, для правильного и точного расчета ущерба необходимо осуществлять отбор проб земли с определенной периодичностью. В связи с чем необходимо на законодательном уровне утвердить порядок отбора проб земли для определения размера причиненного ущерба.

Согласно статьям 1, 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Необходимо также учитывать добросовестность хозяйствующих субъектов, рассматривать предпринятые меры для минимизации последствий, устранение последствий загрязнения земель сельскохозяйственного назначения.

Административные органы, прежде чем обратиться в судебные органы с иском о взыскании ущерба, направляют причинившему ущерб хозяйствующему субъекту досудебную претензию с целью урегулирования возникшего гражданского спора во внесудебном порядке.

При подготовке претензии необходимо учитывать следующее:

---

⁹ О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49 // Российская газета. 2017. 11 дек.

- доказательства причиненного вреда земельному участку, то есть какие наступили последствия в результате негативных действий хозяйствующего субъекта;
- наличие причинно-следственной связи между действиями хозяйствующего субъекта и наступившими последствиями;
- в просительной части указывать либо возмещение причиненного ущерба в натуре, либо в денежном выражении.

В настоящее время административные органы в просительной части претензии требуют провести и рекультивацию земельного участка, и перечислить денежные средства. С целью недопущения двоякого толкования и предоставления возможности причинителю ущерба уйти от гражданско-правовой ответственности необходимо в требовании указывать один из видов возмещения ущерба.

Требование о проведении рекультивации земельного участка необходимо указывать в предписании об устранении выявленных правонарушений в ходе проведения административного расследования (проверки), а не в претензии о взыскании ущерба. Действия административных органов по взысканию ущерба за причинение вреда окружающей среде должны быть четко регламентированными нормативными актами, исключающими двоякое толкование.

Таким образом, взыскать с хозяйствующего субъекта, причинившего вред плодородному слою земли сельскохозяйственного назначения, возможно только при наличии доказанности административным органом совокупности следующих обстоятельств: противоправности действий хозяйствующего субъекта (причинителя вреда); наличии самих убытков; причинно-следственной связи между неправомерным действием и возникновением убытков; отсутствии возмещения вреда в натуре лицом, причинившим ущерб.

Список литературы

1. *Дегтярев С.Л.* Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе. М., 2003. 208 с.

Поступила в редакцию 18.06.2018 г.

Отрецензирована 20.07.2018 г.

Принята в печать 28.08.2018 г.

Информация об авторе

Горюнова Татьяна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: www.gorunova90@mail.ru

Для цитирования

Горюнова Т.А. Проблемы возмещения ущерба, причиненного земельными правонарушениями // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 69-77. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-69-77.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-69-77

**PROBLEMS OF COMPENSATION OF DAMAGE CAUSED
BY LAND OFFENSE**

T.A. Goryunova

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: www.goryunova90@mail.ru

Abstract. The problems of compensation of damage caused by land offense in the result of economic activity by the subjects of economical legal relations are studied. There are civil and administrative responsibilities. The necessity of legal regulation of mechanism of compensation for damage to the agricultural land fertility is noted. The issues of damage proof by administrative bodies, the opportunity to claiming simultaneously damage compensation in natural and money terms are presented. We analyze law-enforcement practice on compensation for agricultural land damage. Government bodies usually change the terms “environment pollution”, “damage to the environment”, “results of land pollution”, and that proves the necessity of clear terms understanding. It is noted, that activities of government bodies on claiming compensation for environment damage should be regulated by regulatory acts without double understanding. The conclusion is made that administrative bodies have an opportunity to demand the damage compensation only if there are following circumstances: illegal activities; damage presence; cause-and-effect connection between illegal activity and damage presence; lack of nature damage compensation. We suggest legislative consolidation of the order of earth samples selection for correct and accurate damage understanding.

Keywords: land offense; causal connection; guilt; losses; damage

References

1. Degtyarev S.L. *Vozmeshcheniye ubytkov v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Damage Compensation in Civil and Arbitration Processes]. Moscow, 2003, 208 p. (In Russian).

Received 18 June 2018

Reviewed 20 July 2018

Accepted for press 28 August 2018

Information about the author

Goryunova Tatyana Aleksandrovna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of Civil Law Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: www.goruynova90@mail.ru

For citation

Goryunova T.A. Problemy vozmeshcheniya ushcherba, prichinennogo zemel'nymi pravonarusheniyami [Problems of compensation of damage caused by land offense]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 69-77. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-69-77. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Моисеева О.В., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-78-93

УДК 347.961

СТАДИИ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА КАК ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОТАРИАТА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

О.В. Моисеева

Тамбовский государственный технический университет
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
E-mail: moiseewaolga@yandex.ru

Аннотация. Представлено наше определение понятия «правореализационный нотариальный процесс», проанализирована его правовая природа, обоснованы сущность и значение для нотариальной охраны и защиты законных интересов, представлены стадии правореализационного процесса и раскрыта значимость каждой из них для эффективности правозащитной деятельности нотариата в целом. Аргументирована позиция, что правореализационная практика нотариата не может осуществляться стихийно и поэтому формируется в рамках нотариального правореализационного процесса, поступательно проходящего стадии инициирования процесса реализации права, подготовительную стадию, стадию выбора формы реализации права, стадию совершения нотариального действия, а также стадию изготовления нотариального акта с его последующим исполнением, что в целом позволяет обеспечивать преемственность на каждом этапе процесса и получить точную картину реализации правовой нормы. Изучена проблема соотношения понятий «нотариальный процесс» и «нотариальная процедура», по нашему мнению, эти понятия представляют собой ядро нотариальной практики. Выделен ряд признаков, позволяющих индивидуализировать нотариальный процесс. Отмечена необходимость законодательного регламентирования алгоритмов совершения нотариального действия и разработки стадий нотариального процесса. Сделан вывод, что поэтапная реализация права в рамках нотариальной деятельности дает возможность полноценно обеспечить охрану и защиту законных интересов, под которыми подразумевается мера юридически дозволенного поведения субъекта, проявляющаяся в стремлении пользоваться определенным социальным благом и гарантированного государством в виде защиты компетентными структурами по мере необходимости.

Ключевые слова: нотариат, нотариальная деятельность, правозащитная деятельность нотариата, правореализационный процесс, стадии правореализационного процесса

Тенденцией развития современного государства является активное моделирование гражданского общества новой формации, базирующегося на устойчивой правовой системе, ключевым аспектом которой является создание оптимальных условий для реализации прав, свобод и законных интересов человека. И именно выверенные и слаженные правовые механизмы позволяют поступательно реализовывать законные интересы и свободы граждан. Нотариат, находящийся на страже частных и публичных правовых интересов в рамках правореализационного процесса, играет немаловажную роль в этом процессе. Последовательное осуществление стадий нотариального правореализационного процесса позволяет обеспечивать законные интересы субъектов, что допускает обосновать актуальность указанной темы исследования.

Как справедливо отмечает в своих исследованиях Н.И. Матузов, «правовая система не только отражает общественные отношения, но и регулирует их, способствует развитию, совершенствованию <...> Наибольшая степень социальной обоснованности всех звеньев правовой системы позволяет ей соответственно и более адекватно реагировать на реальную жизнь людей, их запросы, стремления, потребности, меняющиеся общественные связи и структуры. Этим целям и служит такой «гибкий» институт, как законные интересы» [1, с. 112]. Поскольку законные интересы являются весомыми «способами и средствами обеспечения и удовлетворения потребностей личности» [2, с. 39], а потребности, в свою очередь, динамично развивающейся категорией, то исследование вопроса правовой природы «законных интересов» является весьма важным аспектом правового регулирования общественных отношений. Актуальными вопросами, требующими своего разрешения для оптимизации правовой политики государства в области защиты законных интересов, являются те, посредством каких методов и приемов субъекты правоотношений могут реализовать свои потребности, каким образом формируется содержание их прав и обязанностей, исходя из конкретной правовой ситуации, в чем специфика правового регулирования общественных отношений в рамках реализации законных интересов и какова миссия нотариата в указанном процессе.

В современных условиях становления правового государства и совершенствования механизма правового регулирования общественных отношений особое внимание уделяется вопросу охраны и защиты законных интересов. Весомую роль в качестве гаранта защиты прав и свобод, а также соблюдения законных интересов субъектов гражданских правоотношений играет институт нотариата. Нотариат имеет мно-

говековую историю своего развития и становления, что дает ему право являться одним из ключевых институтов правовой системы. Кроме того, уникальность правовой природы данного института дает возможность его многофункционального использования для активного развития гражданского общества в современных условиях реформирования правового сопровождения с возможностью эффективного выхода из кризисных ситуаций [3, с. 83]. Так, согласно статье 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, действующее законодательство закрепляет за нотариусом обязанность обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц¹.

При исследовании вопроса о роли нотариата в рамках правового регулирования общественных отношений важно выделить два ключевых аспекта: охрану и защиту законных интересов субъектов гражданских правоотношений. В указанной сфере нотариат способен выполнять двойную функцию – превентивную и правозащитную. В этой связи под превентивной функцией следует понимать «систему мер правоохранительного характера, направленных на нормальный ход реализации гражданских прав и применяемых при отсутствии их отрицания в какой-либо форме», а под правозащитной, в свою очередь, – «применение предусмотренных законом мер юридического и фактического порядка нотариальными органами для осуществления гражданских прав при их нарушении, оспаривании либо отрицании в иной форме» [4, с. 11]. Оптимальное сочетание указанных функций способно обеспечить эффективность организации процесса реализации базовой функции нотариата по обеспечению конституционного права на квалифицированную юридическую помощь, что само по себе уже является законным интересом граждан и юридических лиц.

Анализируя роль нотариата в сфере защиты публичных интересов, важно отметить, что под публичным интересом традиционно понимают официально признанный общественный интерес, без которого, с одной стороны, невозможно обеспечить нормальное поступательное развитие государства и построения гражданского общества, а с другой стороны, сложно реализовать частные интересы. В этой связи публичный интерес, несомненно, имеет поддержку государства и правовую защиту, то есть подлежит правовому опосредованию, а также «...признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной

---

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (в ред. от 31.12.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [5, с. 55].

Значение нотариата в сфере защиты частных интересов сложно преувеличить, поскольку он является тем правовым институтом, без которого сложно представить современный гражданский оборот, развитие экономических, корпоративных, семейных, договорных и иных правоотношений. В этой связи нотариусы проделывают огромный объем работы по консультированию обратившихся лиц, разъяснению совершаемых юридически значимых действий, выявлению их правовых последствий, совершению нотариальных действий, и все это через призму высокого профессионализма и высокой законодательно гарантированной ответственности. Как указывает в своем исследовании И.Г. Черемных, «ярко выраженное частноправовое содержание деятельности нотариата, а также то, что он не входит в систему государственных органов, позволяют признать нотариат полноценным институтом гражданского общества» [6, с. 37].

Таким образом, социальная обусловленность права в целом заключается в степени отражения им интересов личности, общества и государства и организации их реализации посредством юридических механизмов и правовых институтов. При этом нотариат, как институт с уникальной правовой природой, способен на профессиональном уровне организовать и обеспечить охрану и защиту частных и публичных законных интересов на основе консолидированного подхода. Формирующаяся нотариальная правореализационная практика позволяет сделать срез относительно содержания законных интересов на каждом витке исторического развития, что способствует их оперативному отображению в рамках нормативно-правового регулирования для придания нормам права характера «общеобязательности, императивности и гарантированности» [2, с. 69].

Представляется важным отметить, что не отождествлять, не сопоставлять государственные и личные интересы невозможно. В итоге проблема разграничения и соотношения частных и публичных интересов в рамках деятельности нотариата нашла свое разрешение на законодательном уровне в пользу их консолидации, что обусловлено уникальностью правовой природы института нотариата и феноменом его социальной обусловленности, поскольку область функционирования нотариата находится в сфере тесного взаимодействия гражданского общества и государства.

Еще одной из проблем, имеющих принципиальное значение в рамках исследования стадий нотариального правореализационного процесса, является проблема соотношения понятий «нотариальный процесс» и «нотариальная процедура». Данные понятия представляют собой, на наш взгляд, ядро нотариальной практики. В результате исследования проекта Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности Российской Федерации» можно сделать вывод о том, что законодатель считает возможным организовать нотариальную деятельность по типу гражданского процессуального производства и ввести в лексикон участников нотариальной деятельности термины, употребляемые в ходе гражданского процесса. Так, в законопроекте деятельность нотариусов по совершению нотариальных действий предлагается именовать как нотариальное производство, выделяется ряд стадий этого производства по аналогии с гражданским процессом, что позволяет обоснованно допускать употребление термина «нотариальный процесс» к правоотношениям в сфере нотариальной деятельности.

В современной юридической литературе вопрос разграничения понятий «юридический процесс» и «юридическая процедура» является дискуссионным. Высказываются различные мнения, предлагаются разнообразные концепции, которые нередко противоречат друг другу.

Одни исследователи отождествляют «юридический процесс с судебно-процессуальным правом, судопроизводством» [7, с. 62-63], а для обозначения механизма юридической деятельности иных лиц, действующих от имени государства, предлагают термин «правовая процедура» [8, с. 446]. Другие исследователи рассматривают юридический процесс в качестве «юрисдикционной процедуры, направленной на разрешение споров о праве и на осуществление правового принуждения» [9, с. 7]. Согласно данной точке зрения, напрашивается вывод о том, что правореализационная деятельность органов нотариата не является юридическим процессом.

Наиболее полно отражающей содержание анализируемых понятий, на наш взгляд, является точка зрения С.С. Алексеева, который предлагает определить понятие «юридический процесс» через юридическую процедуру. В таком случае процесс – это вся правоприменительная деятельность, основанная на властных полномочиях тех или иных органов, подчиненная строгим процедурным формам, что позволяет обеспечить законность, обоснованность и целесообразность этой деятельности. А правовая процедура – это конкретная процедура, которая четко изложена и закреплена в нормативных актах [10, с. 286].

В таком случае нотариальный процесс следует рассматривать как совокупность законодательно предусмотренных комплексных нотариальных процедур, необходимых для осуществления конкретных нотариальных действий. Отсюда можно выделить ряд характерных признаков, позволяющих индивидуализировать понятие «нотариальный процесс»:

1) четкое законодательное закрепление алгоритма совершения нотариальных действий, детальная разработка процедуры при совершении нотариального действия, дающая возможность многократного применения в аналогичных условиях;

2) императивный характер (установленный порядок нотариального процесса при осуществлении нотариальной деятельности обязателен для всех, любое отступление от законодательно предусмотренного механизма разрешения нотариального дела может повлечь признание недействительным совершенного нотариального действия);

3) нотариальный процесс реализуется в процессе осуществления правореализационной практики;

4) доказательственность и юридическая сила правоприменительного акта, презумпция законности;

5) нотариальному процессу, как и любому другому юридическому процессу, характерна завершенность.

В свою очередь нотариальная процедура также обладает специфическими свойствами, позволяющими охарактеризовать ее:

1) по своей форме нотариальная процедура строго урегулирована законом, определяющим компетенцию нотариусов и иных лиц, совершающих отдельные нотариальные действия, совокупность прав, обязанностей и ответственности всех участников нотариальной процедуры и порядок их реализации [6, с. 156];

2) единство и целостность нотариальной процедуры, реализуемой по законодательно урегулированным и формально закрепленным правилам, обязательным для всех процедур в рамках нотариального процесса;

3) нотариальной процедуре присуща юридическая результативность. По общему правилу, каждое нотариальное действие должно завершаться вынесением нотариального акта. В свою очередь, правореализационная практика показывает, что не каждое обращение лица за совершением нотариального действия завершается вынесением нотариального акта. Например, в результате разъяснения нотариусом смысла и правовых последствий планируемой сделки стороны могут отказаться от ее заключения, поскольку истинное содержание сделки

не соответствует их действительным намерениям. В сложившейся ситуации нотариальное действие не производится, то есть нет результата в виде нотариального акта. Однако нотариус провел правовую экспертизу сделки, разъяснил сторонам ее истинное значение, указал на возможные правовые последствия при ее заключении, то есть налицо осуществление нотариальной процедуры, результатом которой стало оказание нотариусом квалифицированной юридической помощи, обеспечившей защиту прав и законных интересов лиц, обратившихся за исполнением нотариального действия;

4) важными свойствами нотариальной процедуры являются также последовательность, правовая регламентированность, связанность, целенаправленность, развернутость во времени.

Для оптимизации нотариального процесса и повышения эффективности нотариальной деятельности важно законодательно регламентировать алгоритм совершения нотариального действия и разработать стадии нотариального процесса, представляющие собой комплекс процедур в рамках действий нотариуса при оказании им квалифицированной юридической помощи по конкретному правовому вопросу.

Согласно традиционной точке зрения, юридически значимые действия, совершаемые в процессе осуществления нотариального действия, реализуются в рамках правовой процедуры, именуемой нотариальным производством, являющегося, в свою очередь, разновидностью юридической деятельности. При более узком толковании нотариальное производство представляет собой некоторую совокупность юридических действий нотариуса и лиц, обратившихся за совершением нотариального действия, целиком и полностью ориентированных на совершение конкретного нотариального действия. Опираясь на указанное, можно выделить ключевые признаки нотариального производства: 1) обязательным субъектом нотариального производства является нотариус; 2) в качестве предмета нотариального производства стоит рассматривать совершение нотариального действия; 3) результатом совершенного нотариального действия является нотариальный акт.

С целью защиты прав и законных интересов граждан, а также обеспечения законности гражданского оборота при организации нотариальной деятельности используется правовая регламент, являющийся процедурно-процессуальной формой совершения нотариального действия. В этой связи процедурно-процессуальную форму следует рассматривать как нормативно установленный порядок осуществления нотариальной деятельности, выработанный на основе обобщения и систе-

матизации опыта по итогам реализации права нотариатом [11, с. 4]. Поскольку правозащитную нотариальную деятельность довольно часто сравнивают с судебной, то по аналогии с судебной процессуальной формой нотариальная процедурно-процессуальная форма обладает признаками нормативности, бесспорности, системности и универсальности [11, с. 5].

Помимо обусловленной необходимости теоретической основы нотариального производства, как правового явления, своего разрешения также требует вопрос его видовой принадлежности и дифференцированности. Так, в зависимости от характера и содержания нотариального действия определяются квалифицирующие признаки нотариальной процедуры и вид нотариального производства. В частности, следует выделить нотариальное производство по удостоверению (сделок и юридических фактов), по свидетельствованию (бесспорных обстоятельств), по обеспечению доказательств, по приданию исполнительной силы документам и т. д.

Будучи юридически урегулированной деятельностью, нотариальное производство осуществляется посредством реализации последовательных системообразующих стадий. В этой связи следует выделить три ключевых стадии нотариального правореализационного процесса: инициирование производства, где устанавливается возможность совершения нотариального действия; выявление юридического состава, требуемого для совершения нотариального действия; стадия принятия решения, где на основании установленного фактического состава либо совершается нотариальное действие, либо выносится отказ в его совершении.

Стоит отметить, что отличительной особенностью нотариального правореализационного процесса является вынесение заключительного этапа, связанного с исполнением правоприменительного акта, за рамки юридической процедуры совершения нотариального действия, что, напротив, характерно, например, для гражданского процесса. Указанное обстоятельство обусловлено правовой сущностью нотариального производства в целом, ориентированного на реализацию превентивной функции относительно конфликтов правового характера и добросовестное самостоятельное исполнение субъектами взятых на себя обязательств, поскольку нотариат действует в сфере бесспорной юрисдикции. Лишь в исключительных случаях закон предусматривает возможность прибегнуть к исполнительному производству для реализации положений нотариального акта. К примеру, соглашение об уплате али-

ментов, которое подлежит обязательному нотариальному удостоверению, в случае, если не будет исполнено надлежащим образом в добровольном порядке, может быть исполнено в рамках процедур исполнительного производства.

Еще одной отличительной особенностью нотариального правореализационного процесса является то, что обособленность его стадий – явление переменчивое и зависит от сложности самого нотариального действия. В одних случаях можно наблюдать поступательное осуществление стадий, сменяющих друг друга в течение времени (например, в случае выдачи свидетельства о праве на наследство), а в других случаях наблюдать разграничение стадий между собой невозможно из-за характера самих нотариальных действий и предусмотренного для их осуществления процесса (например, свидетельствование верности копии документа), где все стадии реализуются одновременно.

Несмотря на указанное, важным представляется отметить, что каждая из стадий обладает свойственным ей функционалом, направленным на полноценное осуществление всего нотариального производства.

Начальная стадия – инициирование нотариального производства, которое обусловлено обращением к нотариусу заинтересованного лица в устной или письменной форме², поскольку самостоятельно нотариус не вправе инициировать совершение нотариального действия. При решении вопроса относительно возбуждения нотариального производства нотариусу необходимо установить ряд фактических обстоятельств:

- предметная обусловленность юридического действия позволяет соотнести характер необходимого заявителю действия с перечнем законодательно установленных нотариальных действий для совершения нотариусом;

- территориальное разграничение полномочий нотариусов предусмотрено Основами законодательства Российской Федерации о нотариате, положения которого предусматривают для нотариусов возможность организовывать и осуществлять нотариальную деятельность в рамках нотариального округа, который устанавливается в соответствии с административно-территориальным делением Российской Федерации, что соотносится с правилами подсудности в рамках судебного процесса;

- идентификация личности обратившегося за совершением нотариального действия лица и установление объема его дееспособности

---

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (в ред. от 31.12.2017) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

(правоспособности юридических лиц с установлением объема полномочий их представителей).

Следующая стадия связана с выявлением и определением фактического состава, соответствующего нотариальному действию, основу которого составляют материально-правовые аспекты, требующие своего документального подтверждения. В итоге установление фактического состава должно иметь доказательственный характер, обеспечивая тем самым доказательственную силу самого нотариального акта. В продолжение сравнения нотариального и судебного производства сложно устоять от выявления различий, которые проявляются в следующем:

1) являясь строго регламентированным процессом, нотариальное производство подчиняется более строгим правилам относительно допустимости доказательств, которые предписывают необходимость бесспорных письменных доказательств для совершения нотариального действия;

2) в сборе фактических доказательств, имеющих значение для разрешения вопроса совершения нотариального действия, нотариус более свободен в выборе и совершении необходимых действий, вплоть до самостоятельного сбора подтверждений имеющим значение фактам;

3) при этом нотариус лишен возможности проверить законность и целесообразность совершения юридически значимых действий органами власти, он может лишь установить достоверность представленных доказательств.

При выявлении фактического состава с установлением возможности совершить нотариальное действие важное значение уделяется документам, представляемым для его совершения, которые должны соответствовать ряду предъявляемых требований. Немаловажным является обеспечение прав третьих лиц, интересы которых затрагиваются при совершении нотариального действия (например, несовершеннолетних, супруга и т. п.), а также проверка принадлежности права лицу, обратившемуся за совершением нотариального действия лица (например, права собственности или иных имущественных прав, которыми субъект намерен распорядиться).

Обеспечивая законность нотариального производства, при установлении фактического состава любое оспариваемое обстоятельство способно отложить или приостановить совершение нотариального действия с целью устранения возникшего спорного обстоятельства. Согласно статье 41 Основ законодательства Российской Федерации от нотариата нотариальное действие откладывается в случае необходимости:

- истребования дополнительных сведений от обратившихся за совершением нотариального действия лиц;
- направления документов на экспертизу;
- уточнения отсутствия возражения заинтересованных лиц против совершения нотариального действия.

Приостановление нотариального производства, согласно статье 41 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, производится в случае получения сообщения от суда о поступлении заявления заинтересованного лица, оспаривающего право или факт, об удостоверении которого просит иное заинтересованное лицо.

Завершающая стадия нотариального производства представляет собой фактическое совершение нотариального действия согласно предусмотренного законом регламенту. Данная стадия включает в себя большой объем действий, начиная с разработки проектов юридически значимых документов и заканчивая банальными разъяснениями по конкретному правовому вопросу, с которым к нему обратились заинтересованные лица. Важным аспектом на данном этапе является обеспечение нотариусом как норм материального права, так и правил нотариального процесса. Неукоснительное соблюдение регламента совершения нотариального действия или формы нотариального производства может спровоцировать признание нотариального акта недействительным. С этой целью необходимо:

- разъяснить права и обязанности участникам нотариального производства, чтобы отсутствие правовой информации не привело к принятию неверного решения с их стороны, поскольку в соответствии со статьей 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус обязан оказывать содействие в осуществлении прав и защиты законных интересов лиц, обратившихся за совершением нотариального действия;

- создать и обеспечить все необходимые условия для сохранности нотариальной тайны, обязанность обеспечить которую лежит на нотариусе не только в момент совершения нотариального действия, но и после завершения его осуществления;

- неукоснительно соблюдать требования к содержанию и исполнению текста нотариальных документов, в числе которых ясность и четкость изложения информации, полное отображение имени (наименования) субъекта – участника совершаемого нотариального действия, обозначение чисел и сроков словами и т. п.;

– в строгом соответствии с предписанным регламентом соблюдать порядок удостоверения (или свидетельствования) документов и регистрации совершенного нотариального действия.

Важным аспектом нотариального правореализационного процесса является то, что, по общему правилу, все действия нотариуса и лиц, в отношении или интересах которых совершаются нотариальные действия, подлежат фиксации в установленном законом порядке: во-первых, в тексте юридически значимого документа, изготавливаемого по итогам совершения нотариального действия; во-вторых, в реестре учета совершенных нотариальных действий; в-третьих, в документах, остающихся в архивных делах нотариуса; в-четвертых, в единой информационной системе нотариата. При этом эволюция нотариального производства не стоит на месте и, наряду с традиционными способами появляются современные способы фиксации этапов нотариального правореализационного процесса. Так, исследователи особенно выделяют способ ведения протоколов совершения нотариального действия, фиксирующие обстоятельства, имеющие принципиальное значение для легитимности совершаемого нотариального действия, но не отражаемые в тексте нотариального акта, изготавливаемого по итогам совершения нотариального действия. При соблюдении необходимых формальностей можно рассматривать также способы аудио- и видеофиксации процесса совершения нотариального действия.

Таким образом, нотариальное производство, включающее процесс нотариальной правореализации, по примеру судебного, процесс строго регламентированный, законодательно урегулированный и носящий системный характер. Несмотря на то, что целевое назначение указанных производств ориентировано на обеспечение законности в урегулировании общественных отношений и защиту прав и свобод человека и гражданина, механизм обеспечения функционирования данных производств имеет отличия.

Стадийность нотариального производства способна учитывать законные требования в процессе совершения нотариального действия и обеспечивать бесспорность юрисдикции действия нотариата, что в конечном итоге ориентировано на обеспечение реализации права граждан на квалифицированную профессиональную юридическую помощь нотариата.

Под нотариальным правореализационным процессом предлагается подразумевать совокупность законодательно предусмотренных комплексных нотариальных процедур, необходимых для осуществления

конкретных нотариальных действий, имеющих четкий, законодательно закрепленный алгоритм осуществления, носящих императивный характер, обладающих доказательственностью и юридической силой правоприменительного акта.

В рамках нотариального правореализационного процесса поступательно сменяют друг друга стадии инициирования процесса реализации права, подготовительная стадия, стадия выбора формы реализации права, стадия совершения нотариального действия, а также стадия изготовления нотариального акта с его последующим исполнением, что в целом позволяет обеспечивать преемственность на каждом этапе процесса и получить точную картину реализации правовой нормы.

Поэтапное осуществление правореализационного процесса позволяет обеспечить охрану и защиту законных интересов, что позволяет обеспечить эффективность организации процесса реализации базовой функции нотариата по обеспечению конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Выражение законных интересов в частноправовой и публично-правовой сфере общественных отношений имеет свои отличительные особенности по субъективному составу, сущности, содержанию, объему интересов, поэтому существует проблема определения баланса между частными и публичными интересами в ходе осуществления правореализационной практики нотариата.

Важно отметить, что именно на базе профессиональной деятельности нотариата возможно организовать консолидированную защиту частных и публичных интересов, что обусловлено социально ориентированной целью нотариальной деятельности и двойственностью его правовой природы, где публичный и частный интерес являются взаимообусловленными. Однако ярко выраженное главенство публичного интереса не должно поглощать значимость частного интереса, а напротив, должно определять направление правовой политики государства с целью обеспечения законности правоотношений в области частного права.

Список литературы

1. *Матузов Н.И.* Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. 294 с.
2. *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы как правовая категория. СПб: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 359 с.
3. *Моисеева О.В.* Правовая природа правореализационной нотариальной практики в условиях развития современного общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2015. Вып. 8 (148). С. 83-90.

4. *Москаленко И.В.* Превентивный правоохранительный механизм реализации гражданского (частного) права (цивилистический анализ нотариальной деятельности): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 387 с.
5. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М.: БЕК, 1995. 496 с.
6. *Черемных И.Г.* Нотариат и нотариальное право России / под ред. Г.Г. Черемных. М.: Эксмо, 2007. 272 с.
7. *Строгович М.С.* Судебное право: предмет, система, наука // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 58-65.
8. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юрист, 2001. 776 с.
9. *Салищева Н.Г.* Административный процесс в СССР. М.: Юрид. лит., 1964. 158 с.
10. *Алексеев С.С.* Общая теория права. М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2008. 576 с.
11. *Комиссаров К.И.* Последовательно прогрессивное развитие советского гражданского процессуального права // Проблемы действия и совершенствования советского гражданского процессуального права: Межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. К.И. Комиссаров. Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та, 1982. 145 с.

Поступила в редакцию 17.05.2018 г.

Отрецензирована 19.06.2018 г.

Принята в печать 23.07.2018 г.

Информация об авторе

Моисеева Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры международного права. Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: moiseewaolga@yandex.ru

Для цитирования

Моисеева О.В. Стадии правореализационного процесса как обеспечение эффективности деятельности нотариата по защите прав и законных интересов // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 78-93. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-78-93.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-78-93

STAGES OF RIGHT REALIZATION PROCESS AS OBTAINING THE EFFECTIVENESS OF RIGHTS AND LEGAL INTERESTS DEFENDING ACTIVITIES OF THE NOTARYSHIP

O.V. Moiseyeva

Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: moiseewaolga@yandex.ru

Abstract. We present the definition of the concept of “right realization notarial process”, analyze its legal nature, the essence and significance for the notarial protection and defence of legal interests, we present the stages of the right realization process and reveal the importance of each of them for the effectiveness of rights defending activities of the notaryship as a whole. The position is argued that the right realization practice of the notaryship cannot be carried out spontaneously and therefore is formed within the framework of the notary right realization process, gradually passing the stage of initiation of the right realization process, the preparatory stage, the stage of choosing the right realization form, the stage of notarial action, as well as the stage of the notarial act production with its following execution, which generally allows to ensure continuity at each process stage and to obtain an accurate picture of the legal norm realization. We study the problem of correlation of “notary process” and “notarial procedure” concepts, these concepts are at the core of notarial practice. We highlight a number of features that allows personalizing the notarial process. The necessity of legislative regulation of algorithms of notarial action and development of notarial process stages is noted. It is concluded that the phased right realization in the framework of notarial activities makes it possible to fully ensure the protection and defence of legal interests, which means a measure of legally permissible subject behaviour, manifested in the desire to enjoy a certain social benefit and guaranteed by the state in the form of protection by competent structures as necessary.

Keywords: notaryship; notarial activity; rights defending activity of the notaryship; right realization process; stages of right realization process

References

1. Matuzov N.I. *Pravovaya sistema i lichnost'* [Legal System and Personality]. Saratov, Saratov University Publ., 1987, 294 p. (In Russian).
2. Malko A.V., Subochev V.V. *Zakonnyye interesy kak pravovaya kategoriya* [Legal Interests as a Legal Category]. St. Petersburg, R. Aslanov's "Yuridicheskiy tsentr Press" Publ., 2004, 359 p. (In Russian).
3. Moiseyeva O.V. *Pravovaya priroda pravorealizatsionnoy notarial'noy praktiki v usloviyakh razvitiya sovremennogo obshchestva* [Legal nature of the right realization notarial practice in conditions of development of modern society]. *Vestnik Tambovskogo un-*

- iversiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities, 2015, no. 8 (148), pp. 83-90. (In Russian).
4. Moskalenko I.V. *Preventivnyy pravookhranitel'nyy mekhanizm realizatsii grazhdanskogo (chastnogo) prava (tsivilisticheskiiy analiz notarial'noy deyatel'nosti): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Preventive Law Enforcement Mechanism of Realisation of Civil (Private) Law (Civil Analysis of Notarial Activity). Dr. jurid. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006, 387 p. (In Russian).
  5. Tikhomirov Y.A. *Publichnoye pravo* [Public Law]. Moscow, BEK Publ., 1995, 496 p. (In Russian).
  6. Cheremnykh I.G. *Notariat i notarial'noye pravo Rossii* [Notaryship and Notarial Law of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., 2007, 272 p. (In Russian).
  7. Strogovich M.S. *Sudebnoye pravo: predmet, sistema, nauka* [Judicial law: subject, system, science]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo – Soviet State and Law*, 1979, no. 12, pp. 58-65. (In Russian).
  8. Malko A.V., Matuzov N.I. (eds.) *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of State and Law: Lectures Course]. Moscow, Yurist Publ., 2001, 776 p. (In Russian).
  9. Salishcheva N.G. *Administrativnyy protsess v SSSR* [The Administrative Process in the USSR]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1964, 158 p. (In Russian).
  10. Alekseyev S.S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, TK Velbi Publ., "Prospekt" Publ., 2008, 576 p. (In Russian).
  11. Komissarov K.I. *Posledovatel'no progressivnoye razvitiye sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Gradually progressive development of the Soviet civil procedural law]. In: Komissarov K.I. (executive ed.). *Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov «Problemy deystviya i sovershenstvovaniya sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava»* [Interacademic Digest of Scientific Works "Problems of Action and Improvement of the Soviet Civil Procedural law"]. Sverdlovsk, Sverdlovsk University Publ., 1982, 145 p. (In Russian).

Received 17 May 2018

Reviewed 19 June 2018

Accepted for press 23 July 2018

Information about the author

Moiseyeva Olga Vasilyevna – Senior Lecturer of International Law Department. Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation. E-mail: moiseewaolga@yandex.ru

For citation

Moiseyeva O.V. Stadii pravorealizatsionnogo protsessa kak obespecheniye effektivnosti deyatel'nosti notariata po zashchite prav i zakonnykh interesov [Stages of right realization process as obtaining the effectiveness of rights and legal interests defending activities of the notaryship]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 78-93. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-78-93. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Потапов С.А., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-94-105

УДК 343.983.4

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

С.А. Потапов

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: potapov.1995@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена важностью использования следователями специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Цель исследования – рассмотреть особенности назначения судебных экспертиз при расследовании указанных преступлений. Реализация поставленных задач достигается использованием законов диалектики, формальной логики и применением общенаучных и частнонаучных методов исследования. Сделаны выводы, что особенностью расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, является установление предмета преступления, то есть наркотических средств. Важно отметить, что предметом по данным преступлениям можно считать только те наркотические средства и психотропные вещества, которые перечислены в списках перечня конкретного правового акта, а не имеющие определенные химические, фармакологические или медицинские характеристики. В настоящее время специалистам известно около 500 видов наркотиков. Данное обстоятельство приводит к тому, что установление вида наркотика и его характеристики без участия специалиста, обладающего соответствующими знаниями в данной области, фактически невозможно. Достоверность выводов заключения эксперта и полнота проведенного им исследования позволяют субъекту расследования не только правильно осуществить юридическую квалификацию содеянного на начальном этапе расследования, но и выработать стратегию дальнейшей работы по уголовному делу.

Ключевые слова: специальные знания; формы использования специальных знаний; назначение экспертизы; виды экспертиз наркотических средств

Специальные знания могут использоваться в различных формах на разных этапах уголовного судопроизводства. По мнению ученых, фор-

мы использования специальных знаний могут носить как процессуальный, так и непроцессуальный характер. Уголовно-процессуальной формой применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, по мнению А.Ф. Соколова и М.В. Ремизова, является «закрепленная в уголовно-процессуальном законе система случаев и правил применения в предварительном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел специальных знаний сведущих лиц определенным образом» [1, с. 15].

Одной из основных процессуальных форм использования специальных знаний в рассматриваемой деятельности является судебная экспертиза. Этот факт отмечен в статье 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» № 71-ФЗ от 31 мая 2001 г., в которой говорится следующее: «...для проведения исследований и дачи заключения экспертом необходимы специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла»¹.

Вопросы, касающиеся назначения и производства экспертизы, содержатся в главе 27 УПК РФ (статьи 195–201, 203, 204, 206, 207), а также в статьях 5, 57, 70, 80.

Судебная экспертиза отличается от других процессуальных действий рядом определенных и характерных для нее признаков. Например, согласно части 1 статьи 195 УПК РФ, судебная экспертиза осуществляется по заданию уполномоченного на то должностного лица. В статье 57 и части 2 статьи 195 УПК РФ предписано ее выполнение специальным субъектом. Экспертиза проводится с целью получения сведений, которые не могут быть установлены иными способами. Она выступает опосредованным средством доказывания и имеет свою определенную процессуальную форму. Ее результаты, согласно статье 204 УПК РФ, оформляются заключением эксперта и являются самостоятельным видом доказательств.

Особенностью расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, является установление предмета преступления. В данных преступлениях он выступает отличительным признаком, позволяющим в теории уголовного права выделить данные преступления в самостоятельную группу преступных деяний. Таковым предметом являются

---

¹ О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) // СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги. В настоящее время специалистам известно около 500 видов наркотиков [2, с. 691]. Данное обстоятельство приводит к тому, что установление вида наркотика и его характеристики без участия специалиста, обладающего соответствующими знаниями в данной области, фактически невозможно. Поэтому в ходе расследования указанных преступлений следователи, дознаватели назначают экспертизу сразу же, как только возникает необходимость в получении указанных данных, требующих применения специальных знаний. Практика показывает, что в большинстве случаев основным юридически значимым доказательством, определяющим наличие состава преступлений, предусмотренных статьями 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ, является заключение экспертизы по исследованию наркотических средств и психотропных веществ. При этом достоверность выводов заключения эксперта и полнота проведенного им исследования позволяют субъекту расследования не только правильно осуществить юридическую квалификацию содеянного на начальном этапе расследования, но и выработать стратегию дальнейшей работы по уголовному делу. Так как известно, что с механизмом следообразования в большей степени коррелирует предмет преступного посягательства. В свою очередь на основании этих закономерностей строятся версии по раскрытию и расследованию рассматриваемых преступлений.

Вышесказанное подтверждается результатами обобщения судебной практики, нашедшей свое отражение в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». В данном документе отмечен следующий факт: «...для определения вида средств и веществ (наркотическое, психотропное или их аналоги, сильнодействующее или ядовитое), их размеров, названий и свойств, происхождения, способа изготовления, производства или переработки, а также для установления принадлежности растений к культурам, содержащим наркотические вещества, требуются специальные знания, суды должны располагать соответствующими заключениями экспертов или специалистов»².

---

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2006. № 8.

Субъект расследования назначает экспертизу путем вынесения постановления. В данном процессуальном документе должны найти свое отражение следующие моменты: 1) основание назначения экспертизы; 2) наименование учреждения, в котором должна быть произведена экспертиза или данные эксперта; 3) поставленные перед экспертом вопросы; 4) материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта (часть 1 статьи 195 УПК РФ).

После вынесения постановления о назначении экспертизы следователь направляет его в экспертное учреждение или передает эксперту. При этом ему необходимо помнить, что правильный выбор учреждения и эксперта, а также времени назначения экспертизы является гарантией установления криминалистической значимости объектов в процессе экспертного исследования. В данной ситуации следователь должен оценить следующие факторы: ведомственную принадлежность, территориальное расположение экспертного учреждения, наличие в нем необходимых технико-криминалистических средств, а также профессиональный уровень подготовки экспертов. Действующее уголовно-процессуальное законодательство разрешает поручать производство экспертизы не только учреждениям и должностным лицам, занимающимся экспертной деятельностью, но и другим лицам, обладающим необходимыми специальными познаниями. Это связано с тем, что иногда требуется получить заключение по редко встречающимся на практике вопросам, по которым специальная подготовка профессиональных судебных экспертов в настоящее время не осуществляется. В этом случае следователю следует учитывать требование статьи 35 Закона «О наркотических средствах и психотропных веществах», которая разрешает проведение экспертиз с использованием наркотических средств и психотропных веществ только юридическим лицам, имеющим лицензию на данный вид деятельности, который определен законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности. Вместе с тем данный закон дает право проведения таких экспертиз без лицензии только экспертным подразделениям Следственного комитета Российской Федерации, Министерства внутренних дел, Федеральной таможенной службы России, Федеральной службы безопасности России, а также судебно-экспертным организациям Министерства юстиции Российской Федерации³.

---

³ О наркотических средствах и психотропных веществах: федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 219.

Теория и практика расследования уголовных дел, возбужденных по незаконному обороту наркотиков, показывает, что по ним обычно проводятся такие экспертизы, как криминалистическая экспертиза наркотических средств, агротехническая, судебно-ботаническая, судебно-химическая, судебно-медицинская, судебно-наркологическая и судебно-психиатрическая. Данный список не является исчерпывающим и может быть расширен в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Например, исследования следов, оставленных преступником, почерка заполненного рецепта на получение наркотических средств из законного оборота и т. д.

Криминалистическая экспертиза наркотических средств, психотропных веществ, как указывалось выше, назначается по всем уголовным делам данного вида, где у субъекта расследования в наличии имеются наркотики, изъятые с места преступления либо у подозреваемого.

Порядок собирания, исследования и оценки наркотических средств, используемых в дальнейшем в качестве доказательств, регламентируется следующими законодательными актами: Федеральным законом № 3-ФЗ от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах»; Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации; Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Кроме этого, в этих случаях необходимо учитывать рекомендации, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

В этом документе отмечается, что в данной деятельности также необходимо использовать решения Комиссии ООН о наркотических средствах, в порядке их отнесения к новым наркотическим средствам и психотропным веществам, а также ряд ратифицированных конвенций. Среди них, в первую очередь, следует отметить Конвенцию о наркотических средствах 1961 г., Конвенцию о психотропных веществах 1971 г., Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.⁴

---

⁴ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.06.2006 № 14 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2006. № 8.

При осуществлении экспертизы по определению имеющегося вещества наркотическим средством необходимо помнить, что данное действие носит формально-юридический, то есть правовой характер. Поэтому предметом по данным преступлениям можно считать только те наркотические средства и психотропные вещества, которые перечислены в списках перечня конкретного правового акта, а не имеющие определенные химические, фармакологические или медицинские характеристики. Данные списки утверждены Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 22 июня 2018 г.)⁵.

Все изъятые из оборота наркотические средства, психотропные вещества и их аналоги отражаются в протоколе следственного действия или в протоколе досмотра транспортного средства, протоколе личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице в случае проведения доследственной проверки, или наличия других поводов для возбуждения уголовного дела. Во всех случаях к участию в указанных действиях субъекту расследования необходимо привлекать специалиста по физико-химическому исследованию наркотических средств. Выявленные в ходе осмотра или досмотра предполагаемые наркотические вещества могут предварительно исследоваться специалистом на месте их обнаружения с помощью применения экспресс-тестов, что также отражается в указанных процессуальных документах.

Перед назначением данной экспертизы следователю необходимо тщательно отобрать направляемые для исследования объекты и информацию о них, так как известно, что достоверность заключения эксперта находится в прямой зависимости от полноты и правильности их подбора. Обычно для проведения рассматриваемой экспертизы представляются следующие объекты: сами наркотические средства, оборудование и инструменты, посредством которых они изготовлялись, перерабатывались, употреблялись, одежда наркомана или иного подозреваемого, черновые записи и специлитература, регламентирующая осуществление указанных процессов. При этом ему необходимо знать специфические особенности тех или иных наркотических средств, учи-

---

⁵ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями от 22.06.2018): постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 // Российская газета. 1998. 17 июля.

тывать их возможность изменять свой состав при хранении ввиду неустойчивости их органических компонентов. В этих случаях судебная экспертиза может проводиться либо незамедлительно сразу же после изъятия наркотиков по возбужденному уголовному делу, либо, если это требует ситуация, до его возбуждения⁶.

Кроме этого, во избежание утраты микроследов наркотических средств их криминалистическое исследование по обнаружению на различных объектах-носителях (шприцах, иглах, одежде) также проводится в первую очередь. При этом требуется соблюдать соответствующие правила собирания микроследов, так как данный процесс имеет свои особенности. Например, необходимо производить смывы с каждой руки подозреваемого разными тампонами и упаковывать их по отдельности. Направлять данные объекты на экспертизу вместе с чистым контрольным тампоном, взятым от того же материала.

Данная экспертиза позволяет решить следующие важные для расследования задачи: отношения представленных образцов к наркотическим или психотропным средствам с установлением количества и происхождения; определения их групповой принадлежности по признакам сырья, технологии переработки, условиям хранения и т. д.; установления их происхождения по месту и способу изготовления или производства; установления тождества наркотических средств, являющегося частью целого; определение способа, технологии и иных характеристик при кустарном производстве наркотических средств [3, с. 75].

По мнению Е.Р. Россинской, на разрешение этой судебной экспертизы могут быть поставлены следующие диагностические вопросы: «Является ли данное вещество наркотическим средством, если да, то к какой группе средств оно относится, или каким именно наркотическим средством оно является? Является ли данное вещество сильнодействующим, если да, то каким именно? Имеются ли на представленных объектах следы наркотических и сильнодействующих средств, если да, то каких именно? Каково количество наркотического средства в данном веществе? Каким способом получены данные наркотические средства? Можно ли описываемым способом получить наркотическое средство?» [4, с. 298].

Эта же экспертиза, по ее утверждению, может ответить на следующие идентификационные вопросы: «Получены ли представленные

---

⁶ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

наркотические средства по единой технологии? Изготовлены ли наркотические средства или сильнодействующие вещества на конкретном заводе? Имеют ли представленные на экспертизу наркотические средства общую групповую принадлежность по сырью, использованному для их получения? Не составляли ли единой массы наркотические средства, изъятые у различных лиц, в разных местах?» [4, с. 230].

Указанный перечень вопросов можно считать исчерпывающим, за исключением отдельных ситуаций, зависящих от конкретных обстоятельств уголовного дела.

Анализ методических рекомендаций по исследованию наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ показывает, что в ходе их проведения могут использоваться разрушающие методы, поэтому количество вещества, направленного на экспертизу и возвращенного обратно инициатору, могут не совпадать. В таких случаях следователю необходимо требовать от эксперта отражения данного факта в экспертном заключении. В нем эксперт должен указать сведения о количестве поступившего наркотика; использованного для исследования и возвращенного с результатами экспертизы.

При изъятии наркотического средства, имеющего явные признаки промышленного изготовления, назначается судебно-фармакологическая экспертиза. Результаты данной экспертизы, по мнению ряда исследователей, могут ответить следователю на следующие поставленные вопросы: «Является ли данное средство лекарственным, если да, то каким именно? Отнесен ли данный препарат (средство) к числу наркотических, психотропных, сильнодействующих веществ? Имеются ли в данном предмете (шприц) остатки фармакологического средства, и если да, то какие именно и в каких количествах? Каковы показания к применению данного препарата (средства) в лечебных целях? Каким образом применяется данный препарат – внутривенно, внутримышечно, перорально или как-то иначе? Какое влияние оказывает на организм человека непосредственно после применения? Каков порядок отпуска данного препарата (средства) в лечебных целях? [5, с. 197].

Судебно-медицинская экспертиза разрешает вопросы употребления конкретным лицом наркотиков, нахождение его в состоянии наркотического опьянения.

Факт наличия (отсутствия) у лица заболевания наркоманией устанавливается судебно-психиатрической экспертизой. В ее заключении должен содержаться вывод о наличии или отсутствии у лица диагноза «наркомания», а также имеющиеся медицинские противопоказания для

проведения лечения больного от такого заболевания. О необходимости назначения указанной экспертизы могут свидетельствовать следующие обстоятельства: факты, подтверждающие, что лицо является потребителем наркотических средств, или ему оказывалась наркологическая помощь; лицо, зарегистрированное по определенному месту жительства, состоит на учете у нарколога с соответствующим диагнозом; лицо ранее привлекалось к административной ответственности по статье 6.9 КоАП РФ и т. п.

При серийном изготовлении наркотиков с применением промышленного оборудования назначается судебно-технологическая экспертиза, основной целью которой является выяснение особенностей технологии их изготовления.

Нередко современные методики экспертного исследования наркотических средств требуют комплексного подхода, который включает в себя совокупность определенных исследований. Например, комплексная экспертиза может включать в себя судебно-фармакологическое, судебно-химическое и другие исследования. В этих случаях инициатору в постановлении о назначении экспертизы не следует указывать ее вид. Эту задачу решает руководитель экспертного подразделения, исходя из предоставленных на экспертизу объектов и поставленных на разрешение вопросов.

По окончании экспертизы наркотические средства постановлением органа расследования, прокурора или определением суда приобщаются к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, после чего в течение суток передаются в камеру хранения наркотических средств.

В заключение хотелось бы отметить следующее: расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, является сложным и трудоемким процессом, требующим от субъекта расследования более эффективного использования сил, средств и методов всех субъектов взаимодействия, в том числе специалистов и экспертов, обладающих специальными знаниями в разных областях науки, техники, искусства или ремесла.

Список литературы

1. Соколов А.Ф., Ремизов М.В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2010. 128 с.
2. Криминалистика для бакалавров / под ред. Л.Я. Драпкина. М.: Юрайт, 2015. 831 с.
3. Пупцева А.В. Организация расследования незаконных перевозки, пересылки наркотических средств и психотропных веществ. Волгоград: ВА МВД России, 2013. 60 с.

4. *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И.* Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М.: Проспект, 2016. 458 с.
5. *Торговченков В.И., Царьков Д.Е., Орлов Г.В. и др.* Актуальные проблемы назначения и производства экспертиз в ходе судебного разбирательства по уголовным делам. Использование заключений экспертов при поддержании государственного обвинения в суде / под ред. В.И. Торговченкова. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 213 с.

Поступила в редакцию 10.07.2018 г.

Отрецензирована 17.07.2018 г.

Принята в печать 23.07.2018 г.

Информация об авторе

Потапов Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: potapov.1995@yandex.ru

Для цитирования

Потапов С.А. Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 94-105. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-94-105.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-94-105

SPECIFICS OF FORENSIC EXAMINATIONS COMMISSIONING IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLICIT DRUG TURNOVER

S.A. Potapov

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: potapov.1995@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the importance of the using by investigators special knowledge in the disclosure and investigation of crimes related to illicit drug turnover. The purpose is to consider the specifics of the appointment of forensic examinations in the investigation of these crimes. Realization of the set tasks is achieved by using the laws of dialectics, formal logic and the application of general and private scientific methods of research. We conclude that the peculiarity of the investigation of crimes related to the illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues is the crime subject establishment, that is, narcotic drugs. It is important to notice that subjects of the following crimes are only those narcotic drugs and psychotropic substances which are in the lists of specific regulatory act but not with specific chemical, pharmacological or medical characteristics. Currently experts know about 500 types of drugs. This fact leads to the fact that identifying the drug type and its characteristics without the participation of a specialist with relevant knowledge in this sphere is virtually impossible. The reliability of the expert's conclusions and the completeness of their research allow the investigation subject not only to correctly carry out the legal qualification of the investigation made at the first stage, but also to choose a strategy for further work in the criminal case.

Keywords: special knowledge; forms of using special knowledge; purpose of examination; types of expertise of narcotic drugs

References

1. Sokolov A.F., Remizov M.V. *Ispol'zovaniye spetsial'nykh znaniy v ugovnom sudoproizvodstve* [Using Special Knowledge in Criminal Procedure]. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publ., 2010, 128 p. (In Russian).
2. Drapkin L.Y. (ed.). *Kriminalistika dlya bakalavrov* [Criminology for Bachelors]. Moscow, Yurayt Publ., 2015, 831 p. (In Russian).
3. Puptseva A.V. *Organizatsiya rassledovaniya nezakonnykh perevozki, peresylki narkoticheskikh sredstv i psikhotropnykh veshchestv* [Organization of Illegal Narcotic Drugs and Psychotropic Substances Transfer, Shipping Investigation]. Volgograd, Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2013, 60 p. (In Russian).

4. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I. *Nastol'naya kniga sud'i. Sudebnaya ekspertiza* [Judge's Handbook. Forensic Examination]. Moscow, Prospect Publ., 2016, 458 p. (In Russian).
5. Torgovchenkov V.I., Tsarkov D.E., Orlov G.V. et al. (compilers); Torgovchenkov V.I. (ed.). *Aktual'nyye problemy naznacheniya i proizvodstva ekspertiz v khode sudebnogo razbiratel'stva po ugovnym delam. Ispol'zovaniye zaklyucheniye ekspertov pri podderzhanii gosudarstvennogo obvineniya v sude* [Current Issues of Examination Commissioning and Investigation in the Trial Process of Criminal Cases. Using Experts' Conclusion at Supporting Official Prosecution in the Court]. Tambov, Publishing House Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2016, 213 p. (In Russian).

Received 10 July 2018

Reviewed 17 July 2018

Accepted for press 23 July 2018

Information about the author

Potapov Sergey Aleksandrovich – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of Criminal Law and Procedure Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: potapov.1995@yandex.ru

For citation

Potapov S.A. Osobennosti naznacheniya sudebnykh ekspertiz pri rassledovanii prestupleniy svyazannykh s nezakonnym oborotom narkotikov [Specifics of the forensic examinations commissioning in the investigation of crimes related to illicit drug turnover]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 94-105. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-94-105. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Золотухин А.Д., Киселев А.С., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-106-115

УДК 342.9

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК НОВЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СПОСОБ ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Д. Золотухин¹⁾, А.С. Киселев²⁾

¹⁾ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: kafgptsp@yandex.ru

²⁾ Тамбовский бизнес-колледж
392001, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Гастелло, 32а
E-mail: pain068@yandex.ru

Аннотация. Актуальность заявленной темы обоснована исходя из того, что в последнее время в юридической литературе вопросам развития доктринальных начал электронного правительства уделяется большое внимание. Электронное правительство открыло возможности более эффективного взаимодействия государства и гражданского общества, предоставило новые способы вовлечения граждан в процессы выработки и реализации государственной политики. Дана трактовка понятия электронного правительства, согласно которому электронное правительство представляет собой новую технологию государственного управления, которая опирается на принципы доступности информации и подотчетности правительства гражданам. Подчеркнута необходимость использования информационных технологий в судопроизводстве. Также нами упоминается об особенностях формирования электронного правительства в разных странах, говоря о том, что невозможно создать унифицированную модель работы данной структуры. Таким образом, преобразования в различных сферах жизни российского общества потребовали кардинально новых подходов к праву, законодательству и политике государства. В свою очередь гражданское общество получает новый виток развития в связи с появлением возможности свободного обсуждения проблем и равноправного участия всех заинтересованных сторон в процессе принятия решений. Размещение информации о деятельности государственных структур предоставляет гражданам контроль и возможность ознакомления с работой органов власти. Важным представляется открытость и готовность органов власти к большому масштабу работы по предоставлению госуслуг в электронной форме.

Ключевые слова: электронное правительство; демократия; гражданское общество; информатизация управления; правовое государство; информационное общество

Одним из наиболее эффективных факторов, влияющих на преобразование государства и государственного аппарата управления, стало электронное правительство (ЭП). В России произошли соответствующие управленческие и административные реформы, нацеленные на введение в оборот деятельности органов власти информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В итоге в конце XX века в результате проведения реформ сформировалась концепция электронного правительства. На сегодняшний день влияние Интернета и связанных с ним технологий приводит к глобальным политическим, экономическим, социальным и культурным изменениям окружающей нас действительности, а также способам общения между людьми.

Согласимся с мнением К.В. Карсанидзе и Д.А. Деткиной, что «развитие ИКТ во всех сферах жизни общества обуславливает необходимость внесения изменений в систему государственного управления в рамках административных реформ, которые нацелены на оптимизацию административно-управленческих процессов, повышение качества и оперативности оказания государственных услуг, а также рост эффективности аппарата государственного управления. На этом пути важным становится внедрение и развитие электронного правительства» [1]. Сущность вышеизложенного сводится к тому, что электронное правительство представляет собой новую технологию государственного управления, которая опирается на принципы доступности информации и подотчетности правительства гражданам.

Говоря об электронном управлении, нельзя не отметить влияние информационных технологий на судебный процесс. От того, насколько в государстве точно и справедливо действует судебная система, зависит и уровень демократии. Уже сегодня в процессуальных кодексах есть статьи, позволяющие формировать электронные дела и направлять их для рассмотрения в суд [2]. Практикующие специалисты, в частности – адвокаты, тоже идут в ногу со временем. Р.Г. Мельниченко отмечает следующее: «Любая адвокатская палата Российской Федерации после внедрения программного обеспечения может в этот же момент ввести у себя электронный суд присяжных адвокатов» [3]. Заметим, что подобные новшества – это далеко не попытка угнаться за передовыми технологиями и новаторскими решениями, а объективная необходимость. Практически любая деятельность, в том числе и управление, основанное на информационных технологиях, – залог успеха современного человека.

Исследователи Ю.Н. Попов и Т.В. Гришина отмечают: «В теории и практике современного управления многие новые понятия и категории получили признание как универсальные черты эффективного управления и залог его успеха. Человеческие ресурсы становятся определяющим фактором эффективной экономической деятельности, стратегические программы все более широко используются на всех уровнях управления; система регулирования трудовых отношений ориентируется на достижение социального консенсуса, на использование новых социальных технологий. В подобной ситуации неизбежно возникает большое искушение создать единую образцовую модель управления и настойчиво внедрить ее во всех странах» [4]. Вынуждены не соглашаться с подобной позицией, поскольку в разных государствах процессы формирования концепции электронного правительства проходят определенные этапы, разнится уровень человеческого капитала, бюджета государств, технологического и кадрового оснащения. К примеру, для некоторых стран Африки совершенно точно не подойдет схема развития электронного правительства России, Германии, Японии или США. Очевидно, что страна должна достигнуть определенного уровня экономического благополучия для внедрения подобных программ. И это не говоря о том, что люди могут быть просто не готовы к подобным переменам.

Наиболее важным представляется, как именно должно функционировать электронное правительство. С учетом обильного количества разнообразных программ и стратегий развития данного института в разных странах по-прежнему остается ключевым следующий вопрос: будет ли полезно электронное государство обществу? С одной стороны, вся система государственной власти представляется целостной и эффективно функционирующей структурой, которая оперативно отзывается на жалобы и нужды граждан и бизнеса. Электронное правительство стоит воспринимать не только как внедрение новых ИКТ в работу государственных органов, но и как изменение статуса государственных услуг. Несмотря на наличие многочисленных исследований, которые посвящены развитию электронного правительства за рубежом, вопросы внедрения новых технологий и перспектив развития электронного правительства в России требуют постоянного осмысления и непрерывного изучения.

Рассмотрим применение облачных сервисов в госсекторе. Большое внимание на государственном уровне уделяется развитию электронного правительства. По данным компании IDC (международная исследо-

вательская и консалтинговая компания, изучающая рынок информационных технологий и телекоммуникаций), внимание государства будет стимулировать рост российского рынка облачных технологий в целом. Облачное программное обеспечение используют уже около 2/3 госзаказчиков.

Лидерами по использованию облачных сервисов являются: города Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Тульская область. Активное внедрение облачных технологий в госсектор обусловлено внешнеполитической и экономической ситуациями. В связи с этим возникает необходимость оптимизировать затраты госсектора на информационно-коммуникационные технологии.

Применение сети Интернет в госсекторе существенно улучшает взаимодействие государства с гражданами. Единый портал государственных услуг (ЕПГУ) является ярким примером использования сети Интернет в этой области. По данным на начало 2017 г., 50,7 % граждан Ростовской области были зарегистрированы на портале госуслуг¹.

И.Е. Гайсинский и Н.Д. Никоненко указывают, что «порталы муниципальных образований направлены на повышение эффективности муниципального управления и улучшение взаимодействия с гражданами. Кроме того, важным является реализация импортозамещения информационно-коммуникационных технологий в госсекторе» [5].

Если говорить о значении создания и развития информационного интернет-пространства для органов государственного и муниципального управления, необходимо отметить, что функции аппарата муниципального управления, определенные российским законодательством, обуславливают наличие и оборот значительного объема информации, на основе которой готовятся и принимаются решения на муниципальном уровне. Качество таких решений в демократическом государстве должно обеспечиваться рядом мер, в том числе системой гражданского контроля за деятельностью муниципалитета.

Так называемый гражданский контроль за деятельностью органов местного самоуправления может осуществляться как через стандартные и привычные средства массовой информации, к которым относятся местные газеты, радио- и телеканалы, так и через интернет-сайты администрации муниципалитета. Важным элементом гражданского общества является обеспечение жителей муниципального образования

---

¹ Единый портал государственных услуг (Госуслуги): официальный сайт. URL: <http://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 10.04.2018).

возможностью ознакомиться с той информацией, которая была основанием для принятия органами муниципальной власти того или иного решения. Интернет является наилучшим средством донесения информации до целевых аудиторий и эффективным инструментом влияния на них. По утверждению значительной части исследователей, Интернет является демократичной средой, источником получения как объективной и правдивой информации, так и средством привлечения внимания населения к деятельности органов власти.

Важность права на доступ к информации о деятельности органов государственной и муниципальной власти неоспорима, ведь прозрачность и открытость в деятельности государственных и муниципальных структур снижает возможность злоупотреблений со стороны власти, а значит, повышает уровень защищенности прав и свобод человека. С помощью интернет-сайтов муниципалитет может улучшить свой имидж и поднять престиж муниципальных органов.

Таким образом, муниципалитет может представить свою социально-экономическую ситуацию в более благоприятном свете, а это может привлекать инвесторов для открытия новых предприятий, экономически активных жителей для переезда в данный муниципалитет, что может вывести муниципальное образование на новый этап социально-экономического развития, так как в регионе будут открываться новые предприятия, строиться новые дома, детские сады и школы, регион будет процветать.

Трудно не согласиться с мнением А.В. Тиховодовой, что «с помощью Сети можно получить огромное количество самой разнообразной информации, в том числе и той, которая может быть полезна другим муниципалитетам, например, для обмена опытом между тем или иным муниципальным образованием в социальной, экономической, культурной или иной другой сфере» [6].

Для достижения целей электронного правительства и решения поставленных перед ним задач необходимо создать инфраструктуру электронного управления и ее правовое, организационное, кадровое, информационное, финансовое, техническое, научно-методическое обеспечение. Процесс создания ЭП не может быть сиюминутным и требует длительного времени. Современное российское общество, учитывая непродолжительность истории парламентской демократии в стране, низкий уровень развития институтов гражданского общества и политических свобод, неравномерность экономического и технологического развития регионов, весьма медленно адаптируется к тем широ-

ким возможностям, которые открывает перед ним формирование института электронной демократии и механизмов электронного правительства.

Итак, основу эффективности системы ЭП составляют:

- правовое обеспечение координации и взаимодействия между акторами политического процесса;
- принятие комплекса организационно-управленческих решений по оптимизации функционирования электронно-информационной системы;
- наличие технической электронной инфраструктуры;
- наличие квалифицированных специалистов, реализующих стоящие задачи по электронному управлению;
- финансовое обеспечение функционирования и развития электронной системы управления;
- информационное обеспечение работы системы электронного государства и коммуникации между обществом и властью с использованием ИКТ;
- наличие методик оптимизации использования ИКТ в системе государственного управления.

Так как взаимодействие с использованием информационных технологий возможно между государством и еще кем-то, в мировой практике общеприняты следующие термины: взаимодействие между государством и гражданами – G2C, Government-to-Citizen; взаимодействие между государством и бизнесом – G2B, Government-to-Business; взаимодействие между различными ветвями государственной власти – G2G, Government-to-Government; взаимодействие между государством и государственными служащими – G2E, Government-to-Employees.

Исследователи А.Е. Кузьмин и А.М. Кузьмина убеждены, что «основой перемен во взаимодействии Government-to-Citizen является открытость органов власти к информационным технологиям и построение сервисного государства, которое предусматривает расстановку акцентов не столько на внутренней работе чиновников, сколько на позиции потребителей государственных услуг и на способности государства их удовлетворить. Это, безусловно, дает импульс органам власти совершенствовать свою деятельность в сторону повышения качества оказания государственных услуг и выполнения государственных функций, так как граждане не просто имеют возможность получать нужные государственные услуги удобным им способом, но и оценить работу государственных служащих по их предоставлению, что предпо-

лагает вовлеченность граждан в процесс и повышение их гражданского самосознания» [7].

Таким образом, гражданам предоставляется удобный и эффективный механизм предоставления услуг. Граждане получают возможность оценки работы органов власти. Одним из краеугольных камней гражданского общества является институт народного гражданского контроля. Если электронное правительство сможет обеспечить прямой и беспрепятственный доступ не только к оцениванию электронных услуг, но и предоставит заинтересованным лицам контролирующие функции, то это станет перспективным плацдармом для развития гражданского общества. Зачастую статистика органов власти не отражает реально существующих проблем, поэтому отчетные данные по количеству и качеству оказанных услуг могут быть недостаточно объективными. Именно поэтому определяющее значение в будущем будет иметь возможность влияния граждан на сам процесс работы чиновников. Активное взаимодействие аппарата власти и гражданского общества должно решать проблемы на корню, выявлять их и устранять в самые короткие сроки.

Список литературы

1. *Карсанидзе К.В., Деткина Д.А.* Информационно-коммуникационные технологии в государственном и муниципальном управлении в России и за рубежом: электронное правительство // Экономика знаний: инновационная экосистема и новая индустриализация региона: материалы Всерос. молодеж. инновац. форума. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 198-205.
2. *Хисамов А.Х.* Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2018. Т. 8. № 1. С. 229-247.
3. *Мельниченко Р.Г.* Электронный суд присяжных для адвокатов // Евразийская адвокатура. 2018. № 2 (33). С. 32-36.
4. *Попов Ю.Н., Гришина Т.В.* Социокультурные коммуникации как фактор глобального социально-экономического управления // Коммуникология. 2017. Т. 5. № 1. С. 18-30.
5. *Гайсинский И.Е., Никоненко Н.Д.* Развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры государственного и муниципального управления в рамках цифрового суверенитета // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2. С. 26-29. DOI 10.22394/2079-1690-2017-1-2-26-29.
6. *Тиховодова А.В.* Электронное правительство как новое качество взаимодействия государства и гражданского общества // Проблемы использования и инновационного развития внутренних водных путей в бассейнах великих рек: тр. 18 Междунар. науч.-промышл. форума. Н. Новгород: Изд-во «Волжский гос. ун-т водного транспорта», 2016. С. 44.

7. Кузьмин А.Е., Кузьмина А.М. Технологии government to citizen (g2c) в повышении гражданской активности // Век информации. 2017. Т. 1. № 2. С. 105-106.

Поступила в редакцию 14.05.2018 г.

Отрецензирована 18.06.2018 г.

Принята в печать 23.07.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Золотухин Александр Дмитриевич – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского и арбитражного процесса. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: kafgptsp@yandex.ru
Киселев Александр Сергеевич – преподаватель правовых дисциплин. Тамбовский бизнес-колледж, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: pain068@yandex.ru

Для цитирования

Золотухин А.Д., Киселев А.С. Электронное правительство как новый процессуальный способ диалога государства и гражданского общества // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 106-115. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-106-115.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-106-115

E-GOVERNMENT AS A NEW PROCEDURAL WAY OF DIALOGUE BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY

A.D. Zolotukhin¹⁾, A.S. Kiselev²⁾

¹⁾ Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: kafgptsp@yandex.ru

²⁾ Tambov Business College
32a Gastello St., Tambov 392001, Russian Federation
E-mail: pain068@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is based on the fact that in the last time in juridical literature attention is paid to issues of development of doctrinal origins of e-government. E-government opened opportunities of more effective cooperation of the state and civil society, gave new ways of integrating citizenry in the processes of production and realization of the state policy. The description of the term of e-government is given, according to it: e-government is a new technology of the state management that is based on principles of information acceptance and the state accountability to the citizenry. It is noticed the necessity to use information technologies in the court procedure. We also notice the peculiarities of e-government formation in dif-

ferent countries taking into account that it is impossible to create a unified model for work of this structure. So transformations in different spheres of life of the Russian society forced radically new approaches to the law, legislation and state policy. In its turn civil society gets new stage of development because of opportunity of free discussion of the issue and democratic involvement of all concerned party in the deciding process. Information about state structures activity gives the citizenry control and opportunity to inform themselves about the government work. We understand as important the openness and readiness of government to the bigger level of efforts in providing state services in the electronic form.

Keywords: e-government; democracy; civil society; management informatization; legal state; information society

References

1. Karsanidze K.V., Detkina D.A. Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v gosudarstvennom i munitsipal'nom upravlenii v Rossii i za rubezhom: elektronnoye pravitel'stvo [Information and communication technology in state and municipal management in Russia and abroad: e-government]. *Materialy Vserossiyskogo molodezhnogo innovatsionnogo foruma «Ekonomika znaniy: innovatsionnaya ekosistema i novaya industrializatsiya regiona»* [Proceedings of All-Russian Youth Innovative Forum "Knowledge Economy: Innovative Ecosystem and New Regional Industrialization"]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2017, pp. 198-205. (In Russian).
2. Khisamov A.K. Tendentsii integratsii informatsionnykh tekhnologiy v tsivilisticheskiy protsess [Trends of integration of information technologies to civil procedure]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of the Civil Procedure*, 2018, vol. 8, no. 1, pp. 229-247. (In Russian).
3. Melnichenko R.G. Elektronnyy sud prisyazhnykh dlya advokатов [E-jury trials for lawyers]. *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*, 2018, no. 2 (33), pp. 32-36. (In Russian).
4. Popov Y.N., Grishina T.V. Sotsiokul'turnyye kommunikatsii kak faktor global'nogo sotsial'no-ekonomicheskogo upravleniya [Socio-cultural communications as factors of global social-economic management]. *Kommunikologiya – Communicology*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 18-30. (In Russian).
5. Gaysinskiy I.E., Nikonenko N.D. Razvitiye informatsionno-kommunikatsionnoy infrastruktury gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v ramkakh tsifrovogo suvereniteta [The development of information and communication infrastructure of state and municipal management in the digital independence]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski Severo-Kavkazskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby – State and Municipal Management. Scholar Notes of the North Caucasus Academy of Public Service*, 2017, no. 2, pp. 26-29. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-2-26-29. (In Russian).
6. Tikhovodova A.V. Elektronnoye pravitel'stvo kak novoye kachestvo vzaimodeystviye gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva [E-government as a new quality of interaction between the state and civil society]. *Trydy 18 Mezhdunarodnogo nauchno-promyshlennogo foruma «Problemy ispolzovaniya i innovatsionnogo razvitiya vny-trennikh vodnykh putey v basseynakh velikih rek»* [Proceedings of the 18th International Scientific and Industrial Forum "Issues of Using and Innovative Development of In-

- land Water-Ways Great River Basins”]. Nizhniy Novgorod, Volga State University of Water Transport Publ., 2016, p. 44. (In Russian).
7. Kuzmin A.E., Kuzmina A.M. Tekhnologii government to citizen (g2c) v povyshenii grazhdanskoy aktivnosti [Technologies of government to citizen (g2c) in improving civil activity]. *Vek informatsii – Information Age*. 2017, vol. 1, no. 2, pp. 105-106. (In Russian).

Received 14 May 2018

Reviewed 18 June 2018

Accepted for press 23 July 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Zolotukhin Aleksandr Dmitriyevich – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Head of Civil and Arbitration Process Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: kavgptsp@yandex.ru

Kiselev Aleksandr Sergeyevich – Lecturer of Legal Disciplines. Tambov Business College, Tambov, Russian Federation. E-mail: pain068@yandex.ru

For citation

Zolotukhin A.D., Kiselev A.S. Elektronnoye pravitel'stvo kak novyy protsessual'nyy sposob dialoga gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva [E-government as a new procedural way of dialogue between the state and civil society]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 106-115. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-106-115. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Салманидина А.С., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-116-124

УДК 347.941

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА РАСКРЫТИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

А.С. Салманидина

Саратовская государственная юридическая академия
410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1
E-mail: alexasal94@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен принцип раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве, вопросы его реализации и перспективы развития. Подробно изучено значение и проявление указанного принципа доказывания на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Обосновано значение данного принципа для обеспечения равноправия сторон в контексте информационной открытости судебного процесса, а также возможность противодействия злоупотреблениям, совершаемым участниками процесса, в тех случаях, когда имеющие решающую роль доказательства могут быть представлены «внезапно» для других участников. Проанализированы проблемы правового регулирования раскрытия доказательств, предложено установить как одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству заблаговременное раскрытие лицами, участвующими в деле, доказательств, которое заключается в представлении их на ознакомление друг другу до окончания стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Определены понятие, этапы и формы раскрытия доказательств, рассмотрена взаимосвязь принципа доказывания с общими принципами гражданского судопроизводства. Рассмотрено использование практики проведения предварительного допроса как формы раскрытия свидетельских показаний на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, которое может стать эффективным способом заблаговременного ознакомления с доказательствами, представленными по делу. Сделан вывод, что в гражданском процессуальном законодательстве целесообразно детально закрепить понятие, процедуру, формы раскрытия доказательств и последствия их несоблюдения лицами, участвующими в деле.

Ключевые слова: принцип доказывания; раскрытие доказательств; гражданский процесс; арбитражный процесс

Основу доказательственной деятельности участников гражданского судопроизводства составляют принципы доказывания, одним из которых является принцип раскрытия доказательств.

Принцип раскрытия доказательств направлен на обеспечение соборности всех доказательств, необходимых для правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дела, взаимной информированности сторон о представленных доказательствах, подготовки дела к судебному разбирательству [1].

Раскрытие доказательств – это регулируемая процессуальным законодательством деятельность лиц, участвующих в деле, направленная на взаимный обмен информацией о наличии и содержании доказательств, предполагаемых к представлению при рассмотрении и разрешении дела.

Принцип раскрытия доказательств тесно связан с общими принципами гражданского судопроизводства. Прежде всего, раскрытие доказательств имеет значение для реализации на практике принципов состязательности и равноправия.

По отношению к состязательности раскрытие позволяет ограничить злоупотребления со стороны участников процесса, препятствуя появлению «неожиданных» доказательств. Раскрытие доказательств также имеет связь с принципом равноправия сторон, обеспечивая взаимную информационную открытость процесса. Лица, участвующие в деле, обладают равными правами на получение полной информации обо всех обстоятельствах дела, о доказательствах друг друга. Если ответчик по делу имеет представление о требованиях и доказательствах истца из содержания искового заявления, то истец, наоборот, как правило, знакомится с позицией ответчика и его доказательствами только в судебном заседании или непосредственно перед его началом [2, с. 70].

В процессуальной науке имеется мнение о допустимости введения в процессуальном законодательстве Российской Федерации досудебного порядка раскрытия доказательств, так как это позволит до возбуждения производства по делу собрать полную информацию о споре и имеющихся доказательствах [3, с. 121]. Раскрытие доказательств до начала производства по делу решит вопрос о рациональности обращения в суд [4, с. 120], повысит интерес сторон в использовании мирных способов урегулирования спора.

Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) термин «раскрытие доказательств» не используется. Принцип раскрытия доказательств закреплен лишь косвенно при регулировании подготовки дела к судебному разбирательству [5, с. 39] и его можно выявить посредством системного толкования норм Кодекса.

Из содержания норм статьи 57, частей 1, 2 статьи 149, частей 2, 3 статьи 232.3 ГПК РФ следует, что под раскрытием доказательств по-

нимается ознакомление с их наличием и содержанием в определенном законном порядке [6, с. 120].

Указанный принцип раскрывается в нормах, регулирующих порядок рассмотрения дела в упрощенном производстве. Так, на стадии подготовки дела, рассматриваемого по упрощенной процедуре, определены сроки представления доказательств и возражений на них.

Детальнее принцип раскрытия доказательств регламентирован в частях 3, 4 статьи 65 Арбитражно-процессуального кодекса (далее – АПК РФ). Достоинством норм арбитражно-процессуального законодательства по сравнению с гражданско-процессуальным законодательством является закрепление следующих положений: 1) лица, участвующие в деле, определены как субъекты, которые обязаны раскрыть доказательства; 2) закреплены два вида сроков раскрытия доказательств – до начала судебного заседания и в пределах сроков, установленных судом; 3) установлена ответственность за неисполнение лицами, участвующими в деле, обязанности по раскрытию доказательств.

Вопросу раскрытия доказательств значительное внимание уделяется в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, что свидетельствует о возможных перспективах развития рассматриваемого принципа доказывания. Раскрытие доказательств определяется как институт, лежащий в основе доказывания, требующий развития и обеспечивающий состязательность процесса. Активизация самостоятельности сторон признается наиболее подходящим условием для раскрытия доказательств.

Реализация рассматриваемого принципа в гражданском процессе на практике сталкивается с определенными проблемами, причиной которых, на наш взгляд, является недостаточное нормативное регулирование порядка раскрытия доказательств, так как в ГПК РФ не предусматривается ни процедура, в которой эта деятельность должна осуществляться, ни санкции в отношении лица, уклоняющегося от раскрытия доказательств.

Особое значение для процесса имеет стадия подготовки, от уровня проведения которой зависит правильность рассмотрения и разрешения дела. Реализация принципа раскрытия доказательств на стадии подготовки позволяет заблаговременно овладеть информацией о сути спора, а не узнать о нем во время судебного заседания¹.

---

¹ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и

Представляется рациональным одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству установить заблаговременное раскрытие лицами, участвующими в деле, доказательств, которое заключается в представлении их на ознакомление друг другу до окончания стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Что касается не раскрытых доказательств, то они должны приниматься судом на стадии судебного разбирательства, если сторона подтвердит обоснование невозможности их представления ранее на стадии подготовки.

Преимуществом указанного положения является не только своевременность и правильность рассмотрения дела, но и наличие перспектив организации сторонами примирительных процедур, так как при добросовестном раскрытии доказательств уже на стадии подготовки реально предположить итог разрешения дела.

Однако деятельность лиц, участвующих в деле, в процессе характеризуется отсутствием активности при совершении процессуальных действий. В связи с чем Президиум ВАС РФ в информационном письме от 13 августа 2004 г. № 82 (ред. от 1 июля 2014 г.) указал, что не раскрытые доказательства до начала судебного заседания, представленные на стадии исследования доказательств, должны быть рассмотрены арбитражным судом первой инстанции независимо от причин, по которым нарушен порядок раскрытия доказательств. Причины, по которым ранее не раскрыты доказательства, могут быть учтены арбитражным судом при распределении судебных расходов (часть 2 статьи 111 АПК РФ).

С учетом подобных положений дел стадия подготовки дела к судебному разбирательству выглядит безрезультативной и бесперспективной.

В арбитражном процессе при рассмотрении дел в вышестоящих инстанциях все-таки применяется правило не принимать нераскрытые доказательства. Так, Верховный суд Российской Федерации в одном из определений, вынесенных по итогу рассмотрения кассационной жалобы, указывает, что лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга и обязаны раскрыть доказательства, на которые они ссылаются заблаговременно, до начала судебного разбирательства или в пределах срока, установленного судом².

процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1)). Доступ из СПС КонсультантПлюс.

² Определение Верховного суда РФ от 07.05.2018 № 302-ЭС18-4183 по делу № А69-5307/2016. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Как в гражданском, так и в арбитражном процессе существует проблема, что участники процесса удерживают доказательства и представляют их для ознакомления непосредственно перед началом судебного заседания, когда отсутствует необходимое время для ознакомления с доказательствами. Вероятно, в целях исключения случаев подобного недобросовестного поведения Верховный суд Российской Федерации в своем постановлении предложил дополнить часть 3 статьи 56 ГПК РФ нормой, согласно которой каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства не до судебного заседания, а в рамках сроков, установленных судом³.

Из предлагаемого дополнения остается неясным: на какой стадии должно происходить раскрытие доказательств?

Для урегулирования данной неопределенности логично было бы включать в текст определения о подготовке дела к судебному разбирательству разъяснение процессуальной обязанности по раскрытию доказательств, а также последствий ее неисполнения в виде отнесения всех или части судебных расходов на сторону, злоупотребляющую своими правами независимо от результатов рассмотрения дела [7, с. 9].

Суду следовало бы устанавливать сроки для раскрытия доказательств в рамках подготовительной стадии, а для доказательств, не раскрытых по уважительной причине, на стадии судебного разбирательства.

Для обеспечения реализации рассматриваемого принципа необходимо определить процедуру раскрытия доказательств. В целях организации деятельности участников процесса считаем целесообразным выделить этапы раскрытия доказательств:

1) первичное представление заявителем перечня имеющихся доказательств путем направления их совместно с копией заявления, поданного в суд;

2) обмен доказательствами и возражениями на них на стадии подготовки дела к судебному разбирательству;

3) обмен доказательствами и возражениями на них на стадии судебного разбирательства, при условии обоснования невозможности их представления на стадии подготовки.

---

³ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного суда РФ от 03.10.2017 № 30. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Говоря о раскрытии доказательств, участнику процесса представляется затруднительным определить, каким образом происходит обмен доказательствами и возражениями на них. Возникает дилемма: при раскрытии достаточно лишь указания на доказательства, которые планируется представить суду для подтверждения своей позиции, или непосредственное ознакомление с ними в различных формах.

В целях организации порядка раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве предполагается возможным предусмотреть формы раскрытия доказательств. Так, формой раскрытия письменных доказательств, аудио-, фото-, видеозаписи, экспертных заключений являются их копии. Сложнее возникает ситуация при раскрытии вещественных доказательств вследствие невозможности их дублирования. В этой связи рациональным представляется в качестве формы раскрытия вещественных доказательств предусмотреть их демонстрацию в ходе предварительного судебного заседания либо их фото или видео, так как подобным образом реально передать внешний облик вещественного доказательства.

Относительно формы раскрытия свидетельских показаний интересным представляется опыт стран общего права. Так, в целях изучения доказательств на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в федеральных судах США применяются правила предварительного допроса.

В российском законодательстве свидетель в основном допрашивается в рамках судебного заседания, что лишает стороны заблаговременно ознакомиться с информацией, оглашенной свидетелем, и проверить достоверность высказанных утверждений. Предварительный допрос свидетеля применяется только в ходе судебного поручения или при необходимости принятия мер по обеспечению доказательств [8, с. 44].

Использование практики проведения предварительного допроса как формы раскрытия свидетельских показаний на стадии подготовки дела к судебному разбирательству может стать эффективным способом заблаговременного ознакомления с доказательствами, представленными по делу.

Принцип раскрытия доказательств имеет особое значение в рамках подготовительной процедуры, так как позволяет обеспечить полное и всестороннее исследование обстоятельств дела на стадии подготовки и назначения дела к судебному разбирательству [9, с. 14]. После чего на стадии судебного разбирательства остается только исследовать и оценить доказательства.

Однако нерешенность вопросов, связанных с раскрытием доказательств, отсутствие четкого нормативного регулирования этого принципа может порождать злоупотребление участниками процесса своими правами, а также способствовать затягиванию рассмотрения дела. В целях обеспечения полного и правильного установления фактических обстоятельств дела, а также своевременного его разрешения представляется целесообразным в гражданском процессуальном законодательстве детально закрепить понятие, процедуру, формы раскрытия доказательств и последствия их несоблюдения лицами, участвующими в деле.

Список литературы

1. Агешкина Н.А., Беляев М.А., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Великанов А.П., Елизарова Н.В., Закиров Р.Ю., Иванишин П.З., Ковалькова Е.Ю., Кожевников О.А., Кухаренко Т.А., Михалева Т.Н., Парфиров Д.Н., Смоляров М.В., Хлестун Ю.В. Научно-практический комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (постатейный) / под ред. А.П. Морозова. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. Фильченко Д.Г. Практика применения положений АПК РФ о раскрытии доказательств // Право и экономика. 2006. № 1. С. 70-77.
3. Кайзер Ю.В. Досудебное раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 337. С. 118-121.
4. Здрок О.Н. Гражданский процесс зарубежных стран. Курс лекций. Минск: БГУ, 2004. 147 с.
5. Нахова Е.А. Сравнительно-правовой анализ норм о доказывании и доказательствах в гражданском и административном судопроизводстве России // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2016. № 5. С. 38-42.
6. Кузнецов Н.В., Нахова Е.А. К вопросу о принципе раскрытия доказательств в гражданском и арбитражном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (86). С. 119-124.
7. Борбат А.В., Кошелева М.В. Злоупотребление процессуальными правами в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 4. С. 6-9.
8. Елисеев Н.Г. Раскрытие доказательств // Закон. 2014. № 10. С. 38-44.
9. Чекмарева А.В. Подготовительные процедуры в гражданском процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 438 с.

Поступила в редакцию 20.06.2018 г.

Отрецензирована 25.07.2018 г.

Принята в печать 28.08.2018 г.

Информация об авторе

Салманидина Александра Сергеевна – аспирант, кафедра гражданского процесса. Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация. E-mail: alexasal94@mail.ru

Для цитирования

Салманидина А.С. Проблемы реализации и перспективы развития принципа раскрытия доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 116-124. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-116-124.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-116-124

**PROBLEMS OF REALIZATION AND THE PROSPECTS
OF THE PROOFS DISCLOSURE PRINCIPLE DEVELOPMENT
IN CIVIL LEGAL PROCEDURE**

A.S. Salmanidina

Saratov State Law Academy
1 Volskaya St., Saratov 410056, Russian Federation
E-mail: alexasal94@mail.ru

Abstract. We consider the principle of proofs disclosure in civil procedure, the issues of its implementation and prospects of development. The significance and manifestation of this proof principle at the preparation stage of the case for trial are studied in detail. The importance of this principle for ensuring equality of the parties in the context of information openness of the judicial process, as well as the possibility of combating abuses committed by the process participants, in cases where the decisive proof can be presented “suddenly” for other participants. The problems of legal regulation of proofs disclosure are analyzed, it is proposed to establish as one of the tasks of preparing the case for trial the advance proofs disclosure by the persons involved in the case, which is to present them to each other before the end of the preparation of the case for trial. The concept, stages and forms of disclosure of evidence are defined, the interrelation of the principle of proof with the general principles of civil procedure is considered. Using the practice of preliminary interrogation as a form of proofs disclosure at the preparation stage of the case for trial, which can be an effective way to advance acquaintance with the evidence presented in the case. It is concluded that in the civil procedural legislation it is advisable to fix in detail the concept, procedure, forms of proofs disclosure and the consequences of their non-compliance by people involved in the case.

Keywords: proof principle; proofs disclosure; civil process; arbitration process

References

1. Agheshkina N.A., Belyaev M.A., Biryukova T.A., Vakhrusheva Y.N., Velikanov A.P., Elizarova N.V., Zakirov R.Y., Ivanishin P.Z., Kovalkova E.Y., Kozhevnikov O.A., Kukharensko T.A., Mikhaleva T.N., Parfirev D.N., Smolyarov M.V., Khlistun Y.V. *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ (postateyny)* [Scientific and practical

- comment to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation no. 95-FZ from July, 24, 2002 (article-by-article)]. (In Russian). Available at: <http://www.consultant.ru/>
2. Filchenko D.G. Praktika primeneniya polozheniy APK RF o raskrytii dokazatel'stv [Practice of using regulations of Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on proofs disclosure]. *Pravo i ekonomika* [Law and Economics], 2006, no. 1, pp. 70-77. (In Russian).
  3. Kayzer Y.V. Dosudebnoye raskrytiye dokazatel'stv v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse [Pretrial disclosure of proofs in civil and arbitration process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 337, pp. 118-121. (In Russian).
  4. Zdrok O.N. *Grazhdanskiy protsess zarubezhnykh stran. Kurs lektsiy*. [Civil Procedure of Foreign Countries. Course of lectures]. Minsk, Belarusian State University Publ., 2004, 147 p. (In Russian).
  5. Nakhova E.A. Sravnitel'no-pravovoy analiz norm o dokazyvanii i dokazatel'stvakh v tsivilisticheskom i administrativnom sudoproizvodstve Rossii [Legal comparative analysis of rules on discovery and evidence in civil and administrative proceedings in Russia]. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2016, no. 5, pp. 38-42. (In Russian).
  6. Kuznetsov N.V., Nakhova E.A. K voprosu o printsipe raskrytiya dokazatel'stv v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve [To the question of the principle of discovery of evidence in civil and arbitration proceedings]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Academy of Law], 2012, no. 4 (86), pp. 119-124. (In Russian).
  7. Borbat A.V., Kosheleva M.V. Zloupotrebleniye protsessual'nymi pravami v arbitrazhnom protsesse [Violation of procedural rights in an arbitral procedure]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*, 2018, no. 4, pp. 6-9. (In Russian).
  8. Eliseyev N.G. Raskrytiye dokazatel'stv [Proofs disclosure]. *Zakon* [Law], 2014, no. 10, pp. 38-44. (In Russian).
  9. Chekmareva A.V. *Podgotovitel'nyye protsedury v grazhdanskom protsesse: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Preparation Procedures in Civil Process. Dr. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2015, 438 p. (In Russian).

Received 20 June 2018

Reviewed 25 July 2018

Accepted for press 28 August 2018

Information about the author

Salmanidina Aleksandra Sergeyevna – Post-Graduate Student, Civil Process Department. Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation. E-mail: alexasal94@mail.ru

For citation

Salmanidina A.S. Problemy realizatsii i perspektivy razvitiya printsipa raskrytiya dokazatel'stv v grazhdanskom sudoproizvodstve [Problems of realization and the prospects of the proofs disclosure principle development in civil legal procedure]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 116-124. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-116-124. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Лебедев И.Б., Султанова А.М., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-125-132

УДК 159.96+321.01

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТУИЦИИ У СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

И.Б. Лебедев, А.М. Султанова

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

117437, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12

E-mail: i_leb53@mail.ru, alina-sultanova@bk.ru

Аннотация. Рассмотрены основные аспекты интуиции как психологического феномена и его особенности в правоохранительной деятельности. Подчеркнута сложность изучения заявленной темы, так как интуиция по своей природе иррациональна. Изучен исторический аспект развития интуитивного мышления у человека с древнейших времен до современности, и выявлены различия в информационной составляющей познания мира. Обоснованы причины проявления интуитивного мышления в нестандартных ситуациях у сотрудников органов внутренних дел. Исследование содержит схему условий проявления интуиции, среди которых называются состояние проблемности, наличие «подсказки», глубокого знания проблемы. В России психологической службой Министерства внутренних дел проводится исследование интуитивных способностей у сотрудников органов внутренних дел. Существуют типы методов изучения интуиции: экспериментальные методики и тесты-действия; опросники; аппаратные методы, выявляющие прайминг; имплицитное научение; «нелокальную» интуицию; психофизиологические методики. Более подробно раскрыта сущность экспериментальных методик, тестов-действий и аппаратных методов. Приведены доводы о необходимости на практике внедрять разработки, полученные в ходе изучения интуитивного мышления у сотрудников органов внутренних дел. Представлены особенности изучения интуиции в рамках психологических исследований. Рассмотрена роль интуиции в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Предпринята попытка разработать методологический инструментарий изучения интуиции у сотрудников полиции.

Ключевые слова: интуиция; сотрудники полиции; оперативно-служебная деятельность; психологический феномен

Актуальность изучаемой проблемы обусловлена тем, что в служебной деятельности сотрудников полиции значимую роль играют психические познавательные процессы – речь, мышление, воображе-

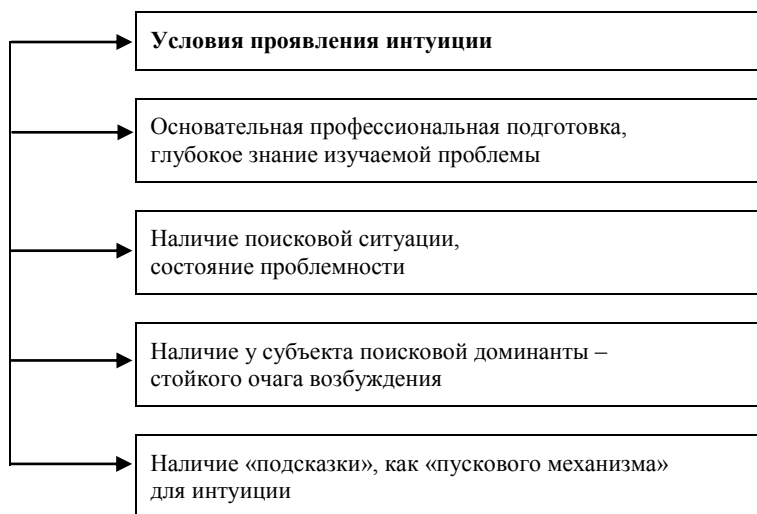
ние, восприятие. Ввиду специфики служебной деятельности данные процессы должны работать быстро и оперативно. Оказавшись перед решением задачи (например, при преследовании преступника, розыске лиц, совершивших преступление, и пр.), сотрудник должен мысленно спроектировать решение данной задачи и понять, как ему нужно поступить в конкретной ситуации (спрогнозировать, как может повести себя преследуемый, насколько он подготовлен физически, вооружен ли, где будет искать место укрытия и т. д.), за короткий промежуток времени, осмыслить, какие могут быть применены к нему силовые способы воздействия. Следует иметь в виду, что при выполнении служебных задач сотрудники полиции зачастую обладают минимумом информации о степени готовности преступника, а его поведение может порой не поддаваться рациональному объяснению. Он может проявить себя резко и внезапно, неожиданно для сотрудника. В этом случае последний оказывается в состоянии неопределенности, у него может просто не оказаться нужного времени для осмысления ситуации и принятия решения, но при этом ему необходимо найти нужное направление поиска для решения поставленной задачи. В таких ситуациях рациональными методами и способами крайне сложно решить возникшую проблему, следовательно, в работу включаются внерациональные методы познания (например, интуиция), и уже с их помощью полицейский решает, как ему поступить, чтобы выполнить возложенную на него задачу. Конечно, многие сотрудники пытаются найти решение логическими средствами, но это не всегда актуально, ведь от правильности и своевременности принятия решения и выполнения действий зависит жизнь как самого сотрудника ОВД, так и мирных граждан.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что сотрудники ОВД часто при выполнении поставленных задач сталкиваются с ситуациями, разрешение которых в логическом поле невозможно. В этих условиях они прибегают (чаще неосознанно) к нелогическим способам обработки информации, которые базируются на интуитивных приемах мышления.

Под интуицией (от лат. *intuere* – пристально, внимательно смотреть) понимается возможность познания объекта как бы непосредственно, без логических рассуждений [1]. Она имеет особое значение в ситуациях, когда информация неполна и противоречива. В результате интуитивной догадки человек внезапно, сразу усматривает целостное решение проблемы, не имея пока его логического доказательства. Однако неожиданность интуитивной догадки – лишь кажущаяся: успеш-

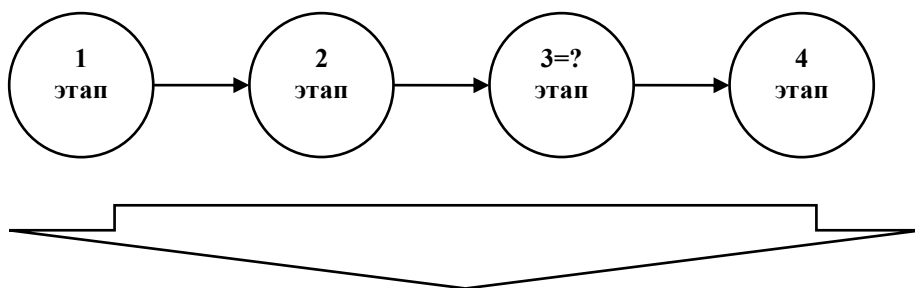
ность ее предполагает хорошее знание предмета, длительное размышление о нем. Интуицию нельзя отнести ни к чувственному, ни к абстрактно-логическому познанию. Это совершенно особая способность, позволяющая получать знание непосредственно. Определить интуицию и изучать ее рациональными средствами достаточно сложно, потому что она по своей природе иррациональна. На рис. 1 показаны условия проявления интуиции.

Рис. 1. Условия проявления интуиции

По мнению И.Б. Лебедева и Ю.В. Чуманова [2], интуитивное мышление начало свое развитие на первых этапах сознательной деятельности человека. Эта точка зрения обосновывается тем обстоятельством, что первобытный человек был мало информативен в отличие от современного человека, мир для него существовал здесь и сейчас, и картина отражения мира строилась только та, которую он видел и чувствовал в том месте, где находился, он почти постоянно находился в ситуации неопределенности, опасность поджидала его практически на каждом шагу, а находить ориентиры поиска решения он мог только интуитивно, так как не мог анализировать ситуацию из-за того, что у него практически не было предыдущего собственного опыта и опыта предшествующих поколений. Но вследствие познавательной деятельности накапливался опыт и расширялась информация об окружающем мире, так появился интеллект, который дополнил интуицию логикой.

Сотрудник ОВД в своей профессиональной деятельности регулярно сталкивается с необходимостью решать задачи в исходных данных, которых не хватает для необходимых «посылок» при принятии логически обоснованного решения [3]. Данная ситуация является трудной, и механизм решения задачи приобретает вид, показанный на рис. 2.

Рис. 2. Этапы интуитивного способа решения сотрудником ОВД профессиональной задачи: 1 этап – осознание условий задачи; 2 этап – безуспешный поиск решения логическим способом; 3 этап – интуитивное решение задачи (на основе принципов прагматического мышления); 4 этап – проверка полученного результата логическим путем

Исследование интуитивных способностей у сотрудников ОВД является инновационной работой, проводимой психологической службой МВД России. Эта работа является важной и значимой, так как хорошо развитая интуиция позволяет качественно улучшить деятельность сотрудников полиции, плюс ко всему это может способствовать снижению гибели личного состава при выполнении служебных задач. Важно не только изучать, но и внедрять методики для развития данного природного феномена.

Можно выделить следующие типы методов изучения интуиции: экспериментальные методики и тесты-действия; опросники; аппаратные методы, выявляющие прайминг, имплицитное научение, «не-локальную» интуицию; психофизиологические методики.

Кратко рассмотрим некоторые из них.

Экспериментальные методы (например, исследования Я.А. Пономарева на примере математических игр с подсказкой, Д. Берри и Д. Бродбента, аналогичные экспериментам Я.А. Пономарева, но на материале компьютерных игр) и тесты-действия. *Тесты-действия* – это тесты, которые требуют реакций на уровне произвольных движений,

действий или предметно-манипулятивной деятельности. К данной группе относятся следующие методики: «Рулетка», «Предвосхищение», «Методика изучения субъективного восприятия времени» (автор Е.А. Науменко). В психодиагностической практике используются *опросники*, ориентированные только на оценку интуитивных феноменов (опросники Е.А. Науменко, Л.А. Ретуш), и опросники, включающие отдельные шкалы, направленные на оценку выраженности интуитивных феноменов (типологический опросник Майерс–Бриггс, методика MBTI (Myers–Briggs Type Indicator), разработанная на основе теоретических воззрений К.Г. Юнга, включает шкалу интуиции в двух аспектах: 1) интуиция возможностей (многоплановое восприятие мира, стремление к новаторству); 2) интуиция времени (оценка тенденции развития событий, пути перехода от одной ситуации к другой, своевременность, способности по управлению своим и чужим временем) [4]. *Аппаратурные методы*, основанные на использовании программного обеспечения со специфическими заданиями, предусматривающими прайминг-эффекты, имплицитное научение и/или «нелокальную» интуицию. Необходимо отметить огромный исследовательский потенциал существующих мобильных и интернет-приложений, которые сейчас в основном имеют развлекательную направленность. Основным параметр, по которому мобильные и интернет-приложения изучения интуиции отличаются друг от друга, – это особенности стимульного материала. Довольно часто используются: 1) карты Зенера (символы круга, квадрата, звезды, треугольника, волны); 2) цветные квадраты, под которыми скрыты изображения (модифицированные аналоги экспериментов Д. Бэма); 3) черный и белый квадраты; 4) цифры 1 или 0; 5) пустое поле экрана, в неизвестном месте которого скрыт стимул, и т. п.

Таким образом, подводя итог, хочется отметить, что в психологической науке накоплен достаточный объем знаний и методов изучения интуиции. Это позволит в дальнейшем экспериментально изучать данный феномен у сотрудников органов внутренних дел.

Список литературы

1. Медушевская Н.Ф., Милукова Ю.Д., Чуманов Ю.В. Психологические аспекты интуиции как внерационального метода познания // Проблемы науки. 2016. № 12 (13). С. 106-110.
2. Лебедев И.Б., Чуманов Ю.В. Интуитивное мышление как феномен человеческой психики // Человеческий капитал. 2014. № 8 (68). С. 67-70.
3. Марьин М.И. Научно-практические проблемы повышения эффективности психологической работы в ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1 (56). С. 80-86.

4. *Васильева И.В.* Интуиция в деятельности сотрудников служб экстремального профиля // Проблемы подготовки специалистов силовых структур и психологов-добровольцев для работы в чрезвычайных и других сложных жизненных ситуациях: материалы Междунар. междисциплинар. конф. Екатеринбург, 2014. С. 19-21.

Поступила в редакцию 11.05.2018 г.

Отрецензирована 15.06.2018 г.

Принята в печать 23.07.2018 г.

Конфликт интересов отсутствует.

Информация об авторах

Лебедев Игорь Борисович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии. Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: i_leb53@mail.ru

Султанова Алина Маратовна – курсант международно-правового факультета. Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: alina-sultanova@bk.ru

Для цитирования

Лебедев И.Б., Султанова А.М. Психологические особенности исследования интуиции у сотрудников полиции // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 125-132. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-125-132.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-125-132

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF POLICE OFFICERS INTUITION STUDY

I.B. Lebedev, A.M. Sultanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
named after V.Y. Kikot

12 Academician Volgin St., Moscow 117437, Russian Federation

E-mail: i_leb53@mail.ru, alina-sultanova@bk.ru

Abstract. We consider main aspects of intuition as a psychological phenomenon and its peculiarities in legal defending activity. The difficulty of the topic is noted according to intuition irrational nature. We study the historical aspect of intuitive human mind development from the earliest to the modern time and find differences in the information part of the world understanding. The reasons for formation of intuitive thinking of Internal Affairs Agencies workers in untypical situations are explained. The research has the scheme of conditions for intuition provocation, among which there are the problem situation, “hint” availability, fundamental understanding of the issue. In Russia the psychological service of Ministry of Internal Affairs investigates intui-

tive abilities of Internal Affairs Agencies workers. There are methods types of intuition study: experimental methods and action tests; surveys; instrumental methods showing priming; implicit learning; “illocal” intuition; psychophysiological methods. The essence of experimental methods, action-tests and instrumental methods are shown. The conclusions of necessity of to practically include developments obtained in the process of intuition thinking investigation of Internal Affairs Agencies are made. The peculiarities of intuition study within the framework of psychological researches. We consider the role of intuition in professional activity of Internal Affairs Agencies workers. We tried to create methodological tools of intuition study of police workers.

Keywords: intuition; police officers; operational and service activity; psychological phenomenon

References

1. Medushevskaya N.F., Milyukova Y.D., Chumanov Y.V. Psikhologicheskiye aspekty intuitsii kak vneratsional'nogo metoda poznaniya [Psychological aspects of intuition as an extra-national method of cognition]. *Problemy nauki – Science Problems*, 2016, no. 12 (13), pp. 106-110. (In Russian).
2. Lebedev I.B., Chumanov Y.V. Intuitivnoye myshleniye kak fenomen chelovecheskoy psikhiki [Intuitive thinking as a phenomenon of the human psyche]. *Chelovecheskiy kapital – Human Capital*, 2014, no. 8 (68), pp. 67-70. (In Russian).
3. Marin M.I. Nauchno-prakticheskiye problemy povysheniya effektivnosti psikhologicheskoy raboty v OVD [Science-to-practice problems of improvement of psychological work in the internal affairs agencies]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh – Psycho-Pedagogics in Law Enforcement*, 2014, no. 1 (56), pp. 80-86. (In Russian).
4. Vasilyeva I.V. Intuitsiya v deyatel'nosti sotrudnikov sluzhbb ekstremal'nogo profilya [Intuition in the activity of extreme services workers]. *Materialy Mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii «Problemy podgotovki spetsialistov silovykh struktur i psikhologov-dobrovol'tsev dlya raboty v chrezvychaynykh i drugikh slozhnykh zhiznennykh situatsiyakh»* [Proceedings of International Interdisciplinary Conference “Issues of Preparing Specialists of Force Structures and Volunteer Psychologists for Extreme and Other Difficult Life Situations”]. Ekaterinburg, 2014, pp. 19-21. (In Russian).

Received 11 May 2018

Reviewed 15 June 2018

Accepted for press 23 July 2018

There is no conflict of interests.

Information about the authors

Lebedev Igor Borisovich – Doctor of Psychology, Professor of Psychology Department. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation. E-mail: i_leb53@mail.ru

Sultanova Alina Maratovna – Military Student of International Law Faculty. Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation. E-mail: alina-sultanova@bk.ru

For citation

Lebedev I.B., Sultanova A.M. Psikhologicheskiye osobennosti issledovaniya intuitsii u so-trudnikov politzii [Psychological peculiarities of police officers intuition study]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 125-132. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-125-132. (In Russian, Abstr. in Engl.).

© Садохина Н.Е., 2018

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-133-140

УДК 342.59

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ВИДА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.Е. Садохина

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: nsadokhina@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена неопределенностью положения конституционной ответственности в системе видов юридической ответственности. Целью исследования стал анализ юридической природы конституционно-правовой ответственности, позволяющей рассматривать ее как разновидность юридической ответственности. Проведенное исследование основано на общенаучных методах анализа, дедукции, а также частно-правовом – формально-юридическом методе. Так, на основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики был сделан вывод об особой политико-правовой природе конституционной ответственности. Так как, с одной стороны, она является разновидностью юридической ответственности и применяется в предусмотренных конституционными нормами случаях к субъектам конституционной ответственности. С другой – с ее помощью упорядочиваются отношения, возникающие в сфере государственного управления, обеспечивается устойчивость функционирования государственного аппарата. Установлено, что эта особенность объясняет и тот факт, что конституционная ответственность может наступать не только в случае правонарушения, но и в случае правомерного поведения. Определено, что для рассмотрения конституционной ответственности, как особого вида юридической ответственности, необходимо ввести особый процессуальный порядок привлечения к ответственности, предполагающий в том числе и порядок обжалования роспуска Государственной Думы, наделив полномочиями по рассмотрению таких дел Конституционный суд Российской Федерации. А в Конституции Российской Федерации закрепить перечень обстоятельств, которые могут лечь в основу решения о недоверии. Сделан вывод о том, что эти законодательные изменения подчеркнут специфику конституционно-правовой ответственности и не оставят сомнений в ее статусе в качестве разновидности ответственности юридической.

Ключевые слова: конституционная ответственность; юридическая ответственность; система права; политико-правовая природа; самостоятель-

ность; наказание; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации; Правительство Российской Федерации; Президент Российской Федерации

Конституционная ответственность – особый вид юридической ответственности, реализующийся в отношениях конституционно-правового характера.

Наличие конституционной ответственности, как особого вида ответственности, не подвергается сомнению со стороны ученых-конституционалистов. Однако в теории государства и права ее выделение не всегда находит поддержку в научных кругах.

Исходя из этого, полагаем целесообразным проанализировать специфическую правовую природу этого института.

Дискуссии о системе права (о наличии объективных критериев деления норм права на отрасли, комплексных правовых образованиях и т. д.) неоднократно поднимались в юридической науке. В ходе этих дискуссий к сложившейся системе критериев деления норм права на отрасли – предмету и методу правового регулирования – было предложено добавить еще и наличие собственного вида юридической ответственности. При этом ни одним из участников дискуссии не высказывалось сомнений относительно самостоятельного характера конституционного права в системе отраслей российского права.

Безусловно, юридическая ответственность, впрочем, как и предмет и метод правового регулирования, критерий весьма спорный. При его использовании статуса самостоятельной отрасли права были бы лишены экологическое право, уголовно-исполнительное, земельное и др. Существующие виды ответственности носят зачастую универсальный характер и применяются за нарушение норм различной отраслевой направленности.

Стоит согласиться с мнением ученых (В.И. Крусс), считающих, что отраслевая классификация юридической ответственности, при которой вид правонарушения определяет вид юридической ответственности, является малопродуктивной и научно некорректной. Юридическая ответственность должна соответствовать не природе охраняемых отношений, а природе противоправно содеянного [1].

Полагаем, что не только сфера общественных отношений, но и степень общественной опасности определяют как вид правонарушений, так и последующее за ним наказание.

Так, например, за экологические правонарушения предусмотрена и уголовная, и административная ответственность. За нарушения в сфере

избирательных правоотношений может последовать и административная, и уголовная, и конституционная ответственность.

Конституционная ответственность иногда предшествует иным видам ответственности (административной, уголовной, дисциплинарной). Так, например, основанием для утраты доверия Президента Российской Федерации, согласно пункту «г» части первой статьи 19 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», может явиться выявление в отношении высшего должностного лица субъекта (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) факта коррупции¹. Следует отметить, что Президент Российской Федерации неоднократно отправлял в отставку глав исполнительной власти субъектов с формулировкой «утрата доверия», за которой следовало иногда и привлечение к уголовной ответственности. 4 апреля 2017 г. Президент Российской Федерации В. Путин своим указом отрешил главу Удмуртской республики А. Соловьева от занимаемой должности в связи с утратой доверия, 28 июля 2016 г. – Н. Белых от должности губернатора Кировской области, 30 сентября 2015 г. – главу республики Коми В. Гайзера, 25 марта 2015 г. – губернатора Сахалинской области А. Хорошавина, 9 сентября 2014 г. – губернатора Брянской области Н. Денина, 18 марта 2014 г. – главу Новосибирской области В. Юрченко, 28 сентября 2010 г. Президент Российской Федерации Д. Медведев подписал отставку Ю. Лужкова с поста мэра г. Москва в связи с утратой доверия, 10 мая 2007 г. губернатор Амурской области Л. Коротков был отрешен от должности Президентом Российской Федерации В. Путиным в связи с утратой доверия, 21 июля 2006 г. – глава администрации Ненецкого автономного округа А. Баринев, 9 марта 2005 г. – В. Логинов от должности губернатора Корякского автономного округа.

Из десяти случаев отрешения от должности Президентом Российской Федерации глав исполнительной власти субъектов с формулировкой «утрата доверия» в восьми после отставки они были привлечены к уголовной ответственности.

А в некоторых случаях иные виды ответственности не могут быть применены до тех пор, пока субъект не будет привлечен к конституци-

---

¹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.

онной. Например, в случае отрешения Президента Российской Федерации от должности, после конституционно-установленной процедуры, предусмотренной статьей 93 Конституции Российской Федерации, последует привлечение к уголовной ответственности².

Отдельные виды конституционно-правовых санкций не предполагают применения и иных видов юридической ответственности. Это относится, например, к следующим видам санкций: прекращение действия или приостановление действия правовых актов, отказ в регистрации, признание итогов голосования, результатов выборов, референдума недействительными и др.

Не менее важной особенностью конституционной ответственности является ее политико-правовой характер. С одной стороны, она является разновидностью юридической ответственности и применяется в предусмотренных конституционно-правовыми нормами случаях к субъектам конституционно-правовой ответственности, в качестве которых могут выступать государственные органы, должностные лица, общественные объединения и т. п. С другой – с ее помощью упорядочиваются отношения, возникающие в сфере государственного управления, обеспечивается устойчивость функционирования государственного аппарата.

Эта особенность объясняет и тот факт, что конституционная ответственность может наступать не только в случае неисполнения обязанностей, в том числе и связанных с обязанностью не нарушать права и интересы других лиц, и несоблюдения запретов, но и в случае правомерного поведения, вариант которого предусмотрен в тексте Конституции. Так, согласно пункту «б» части первой статьи 103 Конституции Российской Федерации к ведению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации относится решение вопроса о доверии Правительству³. Однако, если Государственная Дума воспользуется этим правом и объявит недоверие, то может оказаться «без вины виноватой» и быть распущена Президентом. Таким образом, подходить к рассмотрению конституционной ответственности только с позиций юридической ответственности, не учитывая особенности конституционно-правовых отношений, одним из субъектов которых, как

---

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

³ Там же.

правило, выступают публично-правовые образования, в том числе и государство, нельзя. Так, в приведенном выше примере роспуск Государственной Думы, согласно части третьей статьи 117 Конституции Российской Федерации⁴, может быть инициирован Президентом с целью урегулировать конфликт между ветвями власти и установить между ними необходимый для реализации принципа разделения властей баланс. И это задача не столько правовая, сколько политическая.

Причем в этом случае у депутатов Государственной Думы даже не будет возможности обжаловать такое «наказание», как это могло бы быть возможным в других случаях привлечения к ответственности. Однако этот случай нельзя назвать типичным. Справедливости ради следует отметить, что обжаловать наказание, связанное с привлечением к конституционной ответственности, как правило, все-таки можно.

Полагаем, что особый процессуальный порядок привлечения к ответственности, предполагающий в том числе и процедуры обжалования решения, необходимо ввести и в этом случае, наделив полномочиями по рассмотрению таких дел Конституционный суд Российской Федерации, который, принимая решение по делу, должен будет установить, что недоверие Правительству со стороны Государственной Думы Федерального собрания РФ вызвано объективными факторами. А в Конституции РФ закрепить конкретные обстоятельства, которые могут лечь в основу решения Государственной Думы о недоверии Правительству. В этом случае решение Думы или Президента не станет выглядеть как акт политического возмездия за отказ идти на уступки, а будет представлять собой мотивированное решение, в основе которого лежат интересы государства и общества.

Статья 149 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания РФ предполагает, что предложение о недоверии Правительству должно быть мотивировано⁵. Но ни в Регламенте, ни в Конституции не содержится перечень обстоятельств, при наличии которых Правительству РФ может быть объявлено недоверие.

Полагаем, что предлагаемые законодательные изменения не только подчеркнут специфику конституционно-правовой ответственности, но

---

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

⁵ О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление ГД ФС РФ от 28.01.1998 № 2134-П ГД (ред. от 18.09.2018) // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

и не оставят сомнений в ее статусе в качестве разновидности ответственности юридической.

Еще один аргумент противников выделения конституционной ответственности в качестве одного из вида ответственности юридической связан с отсутствием системы конституционно-правовых наказаний.

Действительно, в отличие от уголовного, административного, трудового права в конституционной отрасли права отсутствует единый систематизированный акт, содержащий все виды конституционно-правовых наказаний. Однако, на наш взгляд, это вряд ли можно считать препятствием. Юридическая природа конституции такова, что этот акт направлен на урегулирование наиболее важных отношений во всех сферах общественной жизни, его положения сформулированы достаточно абстрактно и универсально, что позволяет закрепить основные ценности государственно-правового развития и обеспечить стабильность Основного закона. Конституция служит базой для развития текущего законодательства. Исходя из этого, многие ее положения нуждаются в дополнительной конкретизации законодательными актами. Это и приводит к тому, что виды конституционно-правовых санкций содержатся не только в Конституции Российской Федерации, но и в иных законах. Так, например, конституционно-правовые санкции за нарушение избирательных норм содержатся в избирательном законодательстве и т. п.

Полагаем, что это обстоятельство не может повлиять на выделение конституционной ответственности в особый вид. Гораздо большей проблемой нам видится отсутствие вины в конституционных нарушениях как фактическом основании ответственности. Однако, как уже было отмечено ранее, в случае юридической конкретизации оснований привлечения к ответственности в Конституции и законах это препятствие можно преодолеть. А конституционная ответственность в этом случае займет подобающее ей место среди видов юридической ответственности и обеспечит реализацию режима конституционной законности в государстве.

Список литературы

1. *Крусс В.И.* Конституционные критерии юридической ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 4. С. 15-22.

Поступила в редакцию 18.05.2018 г.

Отрецензирована 21.06.2018 г.

Принята в печать 23.07.2018 г.

Информация об авторе

Садохина Наталья Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой конституционного и международного права. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация.
E-mail: nsadokhina@yandex.ru

Для цитирования

Садохина Н.Е. Определение конституционной ответственности как вида юридической ответственности: к постановке проблемы // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 7. С. 133-140. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-133-140.

DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-133-140

CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITY DETERMINATION AS A LEGAL RESPONSIBILITY TYPE: ON THE ISSUE STATEMENT

N.E. Sadokhina

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: nsadokhina@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the uncertainty of the provision of constitutional responsibility in the system of legal responsibility types. The study purpose is to the legal nature analysis of constitutional and legal responsibility, allowing it to be viewed as a form of legal responsibility. The conducted research is based on general scientific analysis methods, deduction, and also private law – the formal legal method. So, on the basis of the analysis of the current legislation and law-enforcement practice, we conclude that the political and legal nature of constitutional responsibility is special. On the one hand, it is a form of legal responsibility and is applied to subjects of constitutional responsibility in cases provided for by constitutional norms. On the other hand, it helps to regulate relations that arise in the sphere of public administration, ensure the stability of the functioning of the state apparatus. It is established that this feature explains also the fact that constitutional responsibility can occur not only in case of an offense, but also in case of lawful behavior. It is determined that for consideration of the constitutional responsibility as a special kind of legal responsibility it is necessary to introduce a special procedural order of calling to account, including in particular the procedure for appealing the dissolution of the State Duma, giving the Constitutional Court of the Russian Federation the powers to consider such cases. And it is also necessary to fix a list of circumstances that may form the basis for a decision on mistrust in the Constitution of the Russian Federation. The conclusion is made that these legislative changes will under-

line the specificity of constitutional and legal responsibility and leave no doubt about its status as a kind of legal responsibility.

Keywords: constitutional responsibility; legal responsibility; legal system; political and legal nature; independence; punishment; State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; Government of the Russian Federation; President of the Russian Federation

References

1. Kruss V.I. Konstitutsionnyye kriterii yuridicheskoy otvetstvennosti [Constitutional attributes of legal responsibility]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo – Constitutional and Municipal Law*, 2006, no. 4, pp. 15-22. (In Russian).

Received 18 May 2018

Reviewed 21 June 2018

Accepted for press 23 July 2018

Information about the author

Sadokhina Nataliya Evgenyevna – Candidate of Jurisprudence, Associate Professor, Deputy Head of Constitutional and International Law Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: nsadokhina@yandex.ru

For citation

Sadokhina N.E. Opredeleniye konstitutsionnoy otvetstvennosti kak vida yuridicheskoy otvetstvennosti: k postanovke problem [Constitutional responsibility determination as a legal responsibility type: on the issue statement]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava – Current Issues of the State and Law*, 2018, vol. 2, no. 7, pp. 133-140. DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7-133-140. (In Russian, Abstr. in Engl.).

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(Выдержки. Полный текст приведен на сайте журнала <http://journals.tsutmb.ru/актуальные-проблемы-государства-и-права.html> (на русском языке) и <http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html> (на английском языке))

Цели журнала

Журнал «Актуальные проблемы государства и права» (“Current Issues of the State and Law”) учрежден ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» и направлен на эффективную взаимосвязь между юридической наукой, образованием и практикой. Рубрики журнала являются площадками для обсуждения актуальных вопросов совершенствования законодательства и правоприменения на внутригосударственном, межгосударственном и международном уровнях.

Миссия журнала заключается в популяризации результатов передовых правовых научных исследований, представлении их широкому кругу читателей.

Тематика журнала

Журнал «Актуальные проблемы государства и права» посвящен современным и дискуссионным вопросам юриспруденции, вопросам законодательства и правоприменительной практики, их научным исследованиям по теории государства и права, материальному и процессуальному праву, включая аспекты национальной безопасности, государственного и муниципального устройства, а также права в системе социальных наук (12.00.00 – Юридические науки).

Рубрики журнала

- Общая теория и история права и государства (12.00.01).
- Материальное право (12.00.02, 12.00.03, 12.00.04, 12.00.05, 12.00.06, 12.00.07, 12.00.08, 12.00.10, 12.00.13).
- Процессуальное право (12.00.09, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.14, 12.00.15).
- Национальная безопасность (12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.12, 12.00.13, 12.00.14).
- Государственное и муниципальное устройство (12.00.01, 12.00.02).
- Право в системе социальных наук (12.00.01, 12.00.02, 12.00.03, 12.00.04, 12.00.05, 12.00.06, 12.00.07, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.10, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.13, 12.00.14, 12.00.15).
- Обзор законодательства и правоприменительной практики.
- Юридическое сообщество (рецензии, персоналии, информация о научно-практических мероприятиях).

1. ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1.1. Авторы подают статьи, подготовленные к публикации, в соответствии с Правилами для авторов, устанавливаемыми редколлегией журнала. Рукопись должна быть представлена лично или послана по почте заказным письмом, или по электронной почте непосредственно в редакцию или любому из членов редакционной коллегии. Статья должна быть подписана автором(ами).

1.2. Название статьи, фамилия, имя, отчество автора(ов) полностью, **аннотация статьи и ключевые слова** на русском и английском языках прилагаются на отдельной странице и отдельным файлом.

1.3. На отдельном листе и отдельным файлом прилагаются **сведения обо всех авторах статьи** (фамилия, имя и отчество полностью), с указанием его (их) звания,

ученой степени, должности, места работы (полное название организаций, к которым приписан автор, а не аббревиатура, почтовый адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), для докторантов, аспирантов и магистрантов – наименование специальности, почтового адреса (с индексом для доставки номеров журналов согласно подписке); номеров контактных телефонов (с кодом города) и контактного адреса электронной почты. В случае отсутствия места работы/учебы – указывается предыдущее. Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.

1.4. Авторы предоставляют в редакцию также электронные версии (Иванов-статья.doc; Иванов-аннотация+кл.сл.doc; Иванов-сведения об авторе.doc).

1.5. Необходимо также подписать и прислать в редакцию авторский договор (бланк договора размещен на сайте журнала).

1.6. Поступившая рукопись фиксируется датой поступления, о чем редакция информирует автора по электронной почте lexnauka.tgu@yandex.ru.

На указанный автором адрес электронной почты будут высылаться уведомления об изменении статуса статьи (результат рецензирования, ориентировочные сроки опубликования и т. д.).

1.7. Все представленные рукописи проходят проверку в системе «Антиплагиат». Статьи должны обладать высоким процентом оригинальности (в совокупности с цитированием не ниже 70%). Самоцитируемость свыше 10%, равно как и цитирование без указания авторства (плагиат, самоплагиат) не допускается. Если автор направил статью в другие издания, необходимо сообщить об этом во избежание множественных публикаций.

2. ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ

2.1. Статьи в обязательном порядке рецензируются с целью их экспертной оценки. После проверки на плагиат редакция направляет статью двум рецензентам. В качестве рецензентов могут привлекаться как члены редакционной коллегии журнала, так и высококвалифицированные ученые и специалисты других организаций, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению.

2.2. Рецензирование «двустороннее слепое»: автору не сообщаются данные о рецензентах и наоборот. Автор получает по электронной почте рецензию без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

3. ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

3.1. В случае одобрения рецензентами, статьи, присылаемые по инициативе авторов, публикуются в порядке поступления и с учетом тематики номера. Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации. Средний срок публикации – около года после поступления материалов. Приоритет отдается статьям авторов, которые являются подписчиками журнала. Подписаться на журнал можно в редакции журнала и по каталогу АОА «Роспечать».

Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционной коллегией. После принятия редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации редакция информирует автора о предполагаемых ориентировочных сроках публикации.

3.2. После публикации автору редакция предоставляет отпечаток его статьи.

4. СТРУКТУРА СТАТЬИ

Публикуются научные статьи объемом до 1,0 п. л. (8–20 страниц).

Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат A4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде *курсива* или **полужирным** шрифтом.

В верхнем левом углу листа проставляется код **УДК**, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (<http://teacode.com/online/udc/>).

На следующей строке необходимо указать код специальности согласно номенклатуре научных специальностей ВАК.

Далее по центру жирным шрифтом печатается **название статьи** (прописная буква только первая), ниже обычным шрифтом – **имя и отчество** (сначала! полностью), **фамилия автора(ов)**, строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в обязательном порядке должна включать актуальность и цель исследования, методы, основные результаты (например, Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... и т. п.), выводы. Аннотация должна отражать содержание и основные результаты статьи, но ни в коем случае не быть введением или заключением статьи. Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (не более 10 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации). Еще через строку помещают основной текст статьи.

Рекомендуемая структура научной статьи (без рубрикаций):

- введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);

- постановка задачи: формулировка целей и методов исследования рассматриваемой темы;

- результаты: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;

- выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;

- **список литературы (обязательно)**. Список литературы должен включать 10 и более источников, ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников; список литературы в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 2–3 года (не менее 50 %), желательны иностранные источники;

- References (пристатейный библиографический список в романском алфавите – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

- благодарности и ссылки на номера грантов.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подписи авторов.

Для цитирования:

Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – Т. 2. – № 7. – 144 с. – ISSN 2587-9340. – DOI 10.20310/2587-9340-2018-2-7

Научно-практический юридический журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА CURRENT ISSUES OF THE STATE AND LAW

Том 2

№ 7

2018

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-69827 от 18 мая 2017 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Телефон редакции (4752) 72-34-34 (доб. 3117)

Прием статей:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 181 Б, каб. 209
Институт права и национальной безопасности
Тел.: (4752) 72-34-34 (доб. 3117). **Электронная почта:** lexnauka.tgu@yandex.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/актуальные-проблемы-государства-и-права.html>
<http://journals.tsutmb.ru/current-issues-of-the-state-and-law.html>

Редакторы: *А.А. Манаенкова, М.И. Филатова, Ю.А. Бирюкова*
Редакторы английских текстов: *С.Ю. Можаров, Т.А. Сустина*
Компьютерное макетирование *Т.Ю. Молчановой*
Дизайн обложки *Т.О. Прокофьевой*

Подписано в печать 26.09.2018. Выход в свет 09.11.2018
Формат В5 (70×108 1/16). Гарнитура «Times New Roman». Печать на ризографе.
Печ. л. 9,0. Усл. печ. л. 12,6. Тираж 1000 экз. Заказ 18268. Цена свободная.
Распространяется бесплатно и по подписке. Индекс 80661 в каталоге АОА «Роспечать»

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати
Издательского дома «Державинский»
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г. Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

